

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Чжао Сыминь

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» В
РУССКОМ ПРОВЕРБИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**

Научная специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Зиновьева Елена Иннокентьевна

Санкт-Петербург

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ ПОСЛОВИЦ	13
1.1. Лингвокогнитивное направление изучения языковых единиц	13
1.1.1. Определение и суть лингвокогнитивного подхода	13
1.1.2. Содержание терминов «концепт», «пословичный концепт», «когнитивная модель» и «когнитивная модель пословицы»	16
1.1.3. Методика семантико-когнитивного исследования пословичных концептов	20
1.2. Пословичная картина мира как часть языковой картины мира	25
1.2.1. Понятие «языковая картина мира»	26
1.2.2. Содержание термина «пословица». Основные направления изучения пословиц	28
1.2.3. Понятия «пословичная / паремиологическая картина мира», «провербиальное пространство»	34
1.3. Полевой подход в лингвистике	37
1.3.1. Теория поля в языкознании	37
1.3.2. Понятие концептуального поля	40
Выводы по главе	43
ГЛАВА 2. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО»	46
2.1. Общий состав и характеристика материала	46
2.2. Средства организации пословичного концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в русском языке	47
2.2.1 Семантические отношения между пословицами, вербализующими концептуальное поле «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в провербиальном пространстве русского языка	47

2.2.2. Прямая и косвенная номинация концептов пословичного поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО»	57
2.2.3. Модели концептуальных метафор и сравнений в русских пословицах концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО»	62
2.2.4. Зоонимные образы в пословицах концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО»	75
2.3 Макро- и микроконцепты концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в русском провербиальном пространстве	81
2.3.1. Концепты ХИТРОСТЬ и ПРОСТОТА в русском провербиальном пространстве	81
2.3.2. Концепты ЛИЦЕМЕРИЕ, ЛЕСТЬ и ДВУЛИЧИЕ в провербиальном пространстве русского языка	93
2.3.3. Концепт ПРЯМОТА в русском провербиальном пространстве	108
2.3.4. Верификация соответствия пословичных концептов представлению, существующему в современном русском языковом сознании	110
2.4 Фреймовый анализ пословиц концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в дискурсе	126
2.5. Модель полевой организации пословичного концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в русском языке	140
2.5.1. Вертикальная организация пословичного концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО»	140
2.5.2. Горизонтальная организация концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в провербиальном пространстве	142
Выводы по главе	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	151
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ	162
ПРИЛОЖЕНИЕ. СПИСОК АНАЛИЗИРУЕМЫХ ПОСЛОВИЦ	163

ВВЕДЕНИЕ

За последние десятилетия в российском языкознании исследованы основные концепты русской ментальности, анализ проводился на лексическом, фразеологическом, паремиологическом материале, при этом последний привлекался для исследования периферийной зоны соответствующих концептов. Следует, однако, отметить, что лингвистическая изученность концептов ПРЯМОТА и ЛУКАВСТВО на настоящий момент недостаточна, несмотря на то, что их оппозиция организует вокруг себя важный фрагмент концептосферы русского человека.

Для исследования способов вербализации отдельных участков национальной картины мира, на наш взгляд, целесообразно использовать уже давно зарекомендовавший себя в научной литературе полевой подход. Актуальным представляется в этой связи понятие «концептуальное поле». Концептуальное поле «представляет собой не просто совокупность концептов, признаки которых упорядочены в определенной иерархии, а систему взаимосвязанных, взаимопересекающихся когнитивных структур, репрезентируемых в языковой картине мира посредством разнообразных способов номинации» [Ломоносова 2008: 5]. Важным является тот факт, что «концептуальное поле является фрагментом концептуальной системы говорящего социума, который отражает этническую шкалу ценностей, в том числе и действующие культурные коды» [Лаенко 2011: 34].

Концептуальные поля в настоящее время широко исследуются лингвистами как способ организации лексикона [Лаенко 2011], как фрагмент русской языковой картины мира, в том числе в сопоставительном аспекте [Лян Хунци 2016, Вань Ичэн 2019]. Концептуальное поле изучается на материале определенного дискурса [Островская 2017], на материале фразеологии и паремиологии [Борщева 2012, Балашова 2014]. Проанализированы такие концептуальные поля, как «Любовь» [Тананина

2003], «Терпение» [Долгова 2006], «Агрессия» [Ключевская 2011], «Грех» [Жуковская, Сайгин 2017], «Детство» [Лебедева 2013], «Вера» [Эльзейн 2013] и др.

В данном исследовании термин «концептуальное поле» будет употребляться применительно к совокупности пословиц русского языка, образующих фрагмент провербиального пространства, объективирующего оппозицию «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО».

Актуальность данного исследования обусловлена, таким образом: 1) его включенностью в проблематику современной парадигмы научных лингвистических исследований, тем, что оно будет носить интегративный характер, благодаря использованию методов когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, концептологии; 2) тем, что концептуальное поле русских пословиц «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» является объемным по своему составу, а следовательно, образует значимый для носителей языка фрагмент паремиологического пространства; 3) малой изученностью анализируемой концептуальной оппозиции, важной для русской ментальности.

В качестве **объекта исследования** выступают русские пословицы, вербализующие оппозицию «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО».

Предмет исследования – лингвокогнитивный потенциал, когнитивные признаки, структуры знания, выраженные пословицами концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО».

Гипотеза исследования заключается в том, что пословицы, относящиеся к концептуальному полю «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» имеют свои характерные особенности, проявляющиеся в их номинативной плотности, яркой образности, оценочности и амбивалентности. Интегративный анализ русских пословиц данной группы позволит выявить лингвокогнитивный потенциал внутренней формы и значения пословиц.

Цель данной работы: моделирование концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» как фрагмента провербиального пространства русского языка.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) описать теоретическую базу исследования;
- 2) осуществить полную выборку пословиц, вербализующих оппозицию «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО», из словарей пословиц русского языка;
- 3) выявить микроконцепты рассматриваемого концептуального поля;
- 4) выявить способы номинации концептов в провербиальном пространстве;
- 5) выявить лингвокогнитивный потенциал внутренней формы пословиц;
- 6) провести дискурсивно-фреймовый анализ пословиц рассматриваемого поля, наиболее часто встречающихся в «Национальном корпусе русского языка» (далее – НКРЯ);
- 7) провести лингвокогнитивный анализ концептов поля;
- 8) выявить соответствие пословичных концептов представлению, существующему в современном русском языковом сознании;
- 9) представить вертикальную и горизонтальную организацию концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО».

Методы и приёмы исследования: прием сплошной выборки материала из лексикографических источников, методы лингвокогнитивного анализа, компонентного анализа, компарации, дискурсивно-фреймового анализа, описательный метод, метод контекстуального анализа, прием стилистической характеристики, прием количественных подсчетов.

Материалом исследования служат данные, извлеченные из словаря «Пословицы русского народа» В.И. Даля, «Большого словаря русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, толковых словарей русского языка, привлекаемых для семантизации слов-репрезентантов концептуального поля и отдельных компонентов пословиц, иллюстративные

контексты из «Национального корпуса русского языка» и интернет-источников.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составили:

– труды по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии: Ю.М. Лотман 1971, Г.А. Брутян 1973, В.И. Герасимов 1985, Дейк, Т. А. ван. 1989, В.Б. Касевич 1990, Н.Д. Арутюнова 1991, В.З. Демьянков 1992, Е.Г. Беляевская 1994, Ю.Д. Апресян 1995, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина 1996, Е.С. Яковлева 1996, Д.О. Добровольский 1997, В.П. Руднев 1997, В.Л. Моисеева 1998, Е.В. Урысон 1998, Е.Ю. Балашова 2004, С.А. Кошарная 2005, З.Д. Попова, И.А. Стернин 2007, В.В. Красных 2012, Е.И. Зиновьева 2016 и др.;

– работы в области изучения полевого подхода: А.А. Уфимцева 1961, Д.Н. Шмелев 1964, Л.М. Васильев 1971, Ю.Д. Апресян 1974, Г.С. Щур 1974, Ю.Н. Караулов 1976, И.А. Стернин 1985, А.В. Тананина 2003, И.А. Долгова 2006, В.В. Красных 2012, О.В. Борщева 2012, Л.В. Лаенко 2012, М.Ю. Лебедева 2013 и др.;

– труды, посвященные изучению русских пословиц: Ю.И. Левин 1984, Г.Л. Пермяков 1970, 1988; В.П. Жуков 1991, Л.Б. Савенкова 2002, Е.В. Иванова 2003, А.Н. Баранов 2008, Ю.Е. Ломоносова 2008, Е.И. Селиверстова 2009, Е.А. Койранская 2011, А.А. Константинова 2012, М.А. Серегина 2012, А.А. Константинова 2012, В.М. Мокиенко 1997, 2015, М.А. Бредис 2017, О.В. Ломакина 2018, 2019, 2020, М.А. Бредис, Т.Е. Владимирова 2020; Е.Н. Антонова 2020, Е.Е. Иванов 2021, Е.И. Зиновьева, А.С. Алёшин 2022 и др.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Концептуальное поле «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в провербиальном пространстве представляет собой совокупность взаимосвязанных/взаимопересекающихся или образующих оппозицию в пословичном фонде микроконцептов, объединенных или противопоставляемых по определенным

когнитивным признакам.

2. Лингвокогнитивный анализ пословиц как двуплановых языковых единиц предполагает, с одной стороны, интерпретацию их плана значения путем выявления и описания когнитивных признаков, а с другой стороны, – раскрытие внутренней формы пословиц через исследование способов номинации соответствующего концепта, рассмотрение концептуальных метафор и сравнений, содержащихся в плане выражения пословичных единиц.

3. При описании когнитивных моделей пословиц целесообразно выделять общие и частные модели, допускающие двойкой подход к их определению. С одной стороны, к частным когнитивным моделям можно отнести внутреннюю форму пословицы, а к общим – значение пословицы, поскольку пословичные единицы с разной внутренней формой могут иметь одно и то же значение в проverbsиальном пространстве. С другой стороны, допустимо рассматривать инвариантное значение одной пословицы как общую модель, а ее вариативные смыслы в разных дискурсивных ситуациях как модели частные. В таком случае общая и частные когнитивные модели пословицы выявляются в контекстах ее употребления.

4. Дискурсивно-фреймовый анализ имеет особую актуальность при интерпретации пословиц в аспекте лингводидактики в связи с тем, что фрейм является наглядным способом представления структурированных знаний, образующих пропозицию пословицы, позволяющим выявить инвариантную когнитивную модель, а дискурсивный подход позволяет определить вариативные реализации данной модели.

5. В концептуальном проverbsиальном поле «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» русского языка наблюдается пересечение и семантический синкретизм концептов ХИТРОСТЬ, ЛИЦЕМЕРИЕ, ЛЕСТЬ и ДВУЛИЧИЕ.

Научная новизна исследования заключается:

- во-первых, в комплексном лингвокогнитивном анализе внутренней формы и значения исследуемых пословиц, в том числе, – в изучении

концептуальных метафор, метонимий, сравнений, зоонимов в пословицах, выявлении когнитивных признаков пословичных концептов;

- во-вторых, в полевом подходе к рассмотрению пословичных концептов, что позволяет моделировать структуру не только самих концептов, но и концептуального поля, образованного концептами;

- в-третьих, в дискурсивно-фреймовом подходе к анализу контекстов употребления пословиц;

- в-четвертых, в выявлении разных типов семантических связей между пословичными единицами в исследуемом фрагменте провербиального пространства.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно может внести вклад в дальнейшую разработку методологии лингвокогнитивного анализа паремий, создать базу для лексикографического описания русских пословиц в учебном фреймовом словаре для инофонов.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов на занятиях по практическому русскому языку в иностранной аудитории, в лекционных курсах по когнитивной лингвистике, паремиологии, лингвокультурологии, а также в лексикографической практике при составлении учебных словарей.

Структура работы: диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списков использованной литературы, словарей и источников, приложений.

Во введении определены актуальность, новизна, объект и предмет исследования, гипотеза, цель, задачи, методы и приемы исследования, материал, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе рассматриваются вопросы, связанные с лингвокогнитивным направлением в современной науке, и базовыми понятиями когнитивной лингвистики: анализируется содержание терминов «концепт», «пословичный концепт», «когнитивная модель» и «когнитивная

модель пословицы», освещается проблема различного понимания пословицы в российской лингвистике, раскрывается содержание терминов «языковая картина мира», «послови́чная картина мира», «провербиальное пространство», рассматриваются теория поля и понятие «концептуальное поле».

Вторая глава посвящена лингвокогнитивному анализу русских пословиц исследуемого концептуального поля. Раскрывается лингвокогнитивный потенциал внутренней формы пословиц через изучение метафор и сравнений, заключенных в пословицах. Выявляются когнитивные признаки концептов и их полевая структура. Представлены вертикальная и горизонтальная составляющие организации концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО».

Заключение содержит обобщение сделанных наблюдений.

В приложениях представлены список привлеченных к анализу русских пословиц.

Апробация результатов исследования: теоретические положения и результаты исследования обсуждались на аспирантских семинарах кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания и излагались в виде докладов на научных конференциях:

1. Международная научная конференция «Славянская фразеология и паремиология: актуальные вопросы и перспективы развития» (Гомель (Беларусь), декабрь 2020 г.);

2. 50-ая Международная научная филологическая конференция имени Л.А. Вербицкой (Санкт-Петербург, март 2022 г.);

3. Международная научно-практическая конференция «Этнопедагогика как фактор сохранения российской идентичности» (Чебоксары, июнь 2022 г.)

4. Всероссийская научная конференция с международным участием «Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках» (Новосибирск, сентябрь 2022 г.)

5. Международная научно-практическая и научно-методическая конференция «Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в современном образовании – 2022» (Петрозаводск, октябрь 2022 г.)

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 7 публикациях, из которых 5 опубликованы в научных индексируемых журналах из перечня, рекомендуемого ВАК РФ:

1. Типы семантических связей пословиц, вербализующих оппозицию "прямота – лукавство" (лингвокогнитивный подход) // Ученые записки Новгородского гос. ун-та. – 2021. № 4(37). – С. 448-452.

2. Концепт "хитрость" в русском провербиальном пространстве: лингвокогнитивный аспект // Известия Волгоградского гос. педаг. ун-та. – 2022. № 1(164). – С. 184-188.

3. Концепт "лицемерие" в русском провербиальном пространстве: лингвокогнитивный аспект // Вестник Чувашского гос. педаг. ун-та. им. И.Я. Яковлева. – 2022. № 2(115). – С. 133-138.

4. Концептуальные метафоры в русских пословицах, вербализующих оппозицию «прямота – лукавство» // Когнитивные исследования языка. – 2022. № 2(49). – С. 505-510.

5. Метафора и метонимия как способы косвенной номинации концептов в провербиальном пространстве (на примере русских пословиц, вербализующих концептуальное поле “прямота – лукавство”) // Когнитивные исследования языка. – 2022. № 2(50). – С. 562-566.

Другие публикации:

6. Русские пословицы с компонентом-зоонимом, вербализующие концепт «лукавство» // Славянская фразеология и паремиология в языке и речи: Сборник научных статей / Редколлегия: О.Н. Мельникова (отв. ред.) [и др.]. – Гомель: Гомельский гос. ун-т. им. Франциска Скорины, 2020. – С. 189-195.

7. Лингвокультурный потенциал русских паремий со сравнительными оборотами (на материале пословиц о лукавстве и прямоте) // Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Санкт-Петербург, 15–23 марта 2022 года. – СПб.: Изд-во. СПбГУ, 2022. – С. 522.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ ПОСЛОВИЦ

1.1. Лингвокогнитивное направление изучения языковых единиц

Возникнув в последние два десятилетия XX века, когнитивная лингвистика является одним из активно развивающихся лингвистических направлений как в России, так и за рубежом. По определению В.З. Демьянкова и Е.С. Кубряковой, когнитивная лингвистика изучает язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент системы знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации (Демьянков, Кубрякова, 1996: 53).

Хотя область исследований когнитивной лингвистики еще окончательно не сложилась, уже сегодня в ней выделились, с одной стороны, многочисленные течения, характеризующиеся своей общей когнитивной организацией (ср.: [Герасимов 1985]), в рамках которых выдвигаются проекты разных типов когнитивных грамматик, когнитивных исследований дискурса, когнитивной лексикологии и т.п. С другой стороны, в активно разрабатываемой области семантики предлагаются разные варианты когнитивных ее версий – прототипическая семантика, концептуальная семантика, фреймовая семантика и др. могут считаться ее разновидностями (ср.: [Демьянков 1992; 1994; Харитончик 1992; Беляевская 1994 и др.]).

1.1.1. Определение и суть лингвокогнитивного подхода

Можно выделить целый ряд лингвистических проблем, получающих новое освещение и новое решение в силу их рассмотрения с когнитивной точки зрения (Демьянков, Кубрякова, 1996: 55). На наш взгляд, когнитивный подход также предоставляет новые возможности исследования в таких традиционных лингвистических науках, как паремиология. Изучение пословиц с когнитивной точки зрения, с одной стороны, позволяет

углубленно и комплексно описать пословичные единицы, вербализующие тот или иной концепт, а с другой, – выявить когнитивные признаки и моделировать структуру концептов в провербиальном пространстве.

В европейской лингвистической литературе выделяются две ветви когнитивной лингвистики: когнитивная семантика и когнитивная грамматика (Evans, 2007: 22). Подобное разделение основывается на объекте изучения. В российском языкознании направления когнитивной лингвистики выделяются на основе разных критериев.

Как справедливо отмечает Е.Ю. Балашова, в российской когнитивной лингвистике выделяются два основных подхода к исследованию языковых единиц: лингвокультурный и собственно лингвокогнитивный (Балашова, 2004: 6).

Лингвокультурный подход предполагает изучение специфики национальной концептосферы в направлении от культуры к индивидуальному сознанию. Этот подход определяет концепты как базовые единицы культуры, обладающие образным, понятийным и ценностным компонентами, с преобладанием последнего (В.И. Карасик). К исследователям, работающим в рамках лингвокультурного подхода, Е.Ю. Балашова относит Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, В.В. Красных, В.А. Маслову, Н.Ф. Алефиренко и др.

К представителям лингвокогнитивного подхода Е.Ю. Балашова относит исследователей, которые исходят из того, что в основе знаний о мире лежит такая единица ментальной информации, как концепт, которая и обеспечивает «выход на концептосферу социума». С позиций лингвокогнитивного подхода к изучению концепта была разработана его полевая модель, представленная в терминах ядра и периферии. Представителями данного подхода Е.Ю. Балашова называет Е.С. Кубрякову, З.Д. Попову, И.А. Стернина, В.Н. Телию и др. (там же: 6).

Наиболее полно, на наш взгляд, направления когнитивной лингвистики представлены трудами З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Исследователи выделяют:

- культурологическое направление, предполагающее изучение концептов как элементов культуры с помощью методик различных наук (представителем этого направления авторы считают Ю.С. Степанова);
- лингвокультурологическое – изучение концептов «от языка к культуре», т.е. исследуется фиксация особенностей культуры в вербальном пространстве (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев);
- логическое – анализ концептов логическими методами (Н.Д. Арутюнова);
- семантико-когнитивное – изучение лексической и грамматической семантики для получения сведений о концептах, для их моделирования (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин);
- философско-семиотическое – анализ знаковости и ее когнитивной основы (А.В. Кравченко) (Попова, Стернин, 2007: 12).

Семантико-когнитивное направление, развиваемое З.Д. Поповой и И.А. Стерниным в рамках лингвокогнитивного подхода, предполагает изучение лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере (там же). В данном диссертационном исследовании мы будем рассматривать отдельный фрагмент концептосферы именно через обращение к семантике пословиц, придерживаясь в целом методологии, разработанной З.Д. Поповой и И.А. Стерниным.

Суть данной методологии заключается в том, что через изучение семантики языковых знаков можно проникнуть в концептосферу языка, выяснить, что было важно для того или иного народа в разные периоды его истории, а что оставалось вне поля его зрения (там же: 13). В данном

исследовании нас будут интересовать традиционные представления русского народа, закрепившиеся в пословицах.

1.1.2. Содержание терминов «концепт», «пословичный концепт», «КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ» и «КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОСЛОВИЦЫ»

Несмотря на то, что концепт является ключевым понятием в когнитивной лингвистике, данный термин определяется учеными неоднозначно.

Так, Е.С. Кубрякова понимает концепт как оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. По ее мнению, самые важные концепты выражены в языке (КСКТ, 1996: 90 - 92).

Являясь представителем лингвокультурного подхода, В.В. Красных определяет концепт так: это максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные (Красных, 2003: 272). В трактовке В.В. Красных концепт может быть только единицей высокой степени абстракции, имеющей национально-культурную специфику, называемой словом и включающей словесные ассоциации на имя концепта.

С точки зрения С.Г. Воркачева, если ментальное образование не имеет этнокультурной специфики, то оно к концептам не относится (Воркачев, 2004: 51).

В отличие от мнений вышеупомянутых лингвистов, З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что, во-первых, концепты правильнее интерпретировать, прежде всего, как единицы мышления, а не памяти, поскольку их основное назначение – обеспечивать процесс мышления; во-вторых, концепт не обязательно имеет языковое выражение. Существуют вербализованные и невербализованные концепты; в-третьих, не все концепты отправляют к высшим духовным сущностям или абстрагированным идеям.

Многие концепты носят эмпирический и конкретный характер, например: концепты «рука», «бежать» и др.; в-четвертых, существуют, например, бытовые концепты, у которых нет никакой этнокультурной специфики (Попова, Стернин, 2007: 25).

В своем исследовании мы будем придерживаться дефиниции, предложенной З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, согласно которой концепт – это «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» (там же: 24).

Несмотря на то, что исследуемые нами пословицы возникли в отдаленные от нас хронологические периоды, в них сохранились константы системы ценностей русского народа, не изменяющиеся с течением времени и актуализирующиеся в мышлении и коммуникации человека по сей день. Изучение пословиц как средства доступа к содержанию концептов позволяет выявить когнитивную информацию об отражаемом предмете или явлении, об отношении языкового сознания к данному явлению или предмету.

В.В. Красных выделяет, кроме понятия концепта, также понятие когнитивной структуры. По определению автора, когнитивная структура – это неделимая и нечленимая когнитивная единица, хранящая «свернутое» знание и/или представление. Исследователь разграничивает два типа когнитивных структур: когнитивные структуры, включающие в себя сведения (знания и представления) о реальном окружающем мире, и знание о языке (Красных, 2003: 64). З.Д. Попова и И.А. Стернин условно называют их феноменологической и лингвистической когнитивными структурами (Попова, Стернин, 2007: 24). По нашему мнению, задача когнитивной лингвистики

заключается в рассмотрении именно лингвистической когнитивной структуры с целью приближения ее к феноменологической.

В концепции В.В. Красных соотношение понятий *концепт* и *когнитивная структура* остается не разъясненным, в принципе концепт может быть определен как когнитивная структура и наоборот. Ряд ученых используют термин *когнитивная структура* как синоним термина *концепт* (см., например, статью Г.С. Тукаевой (2009)).

В данном исследовании в качестве рабочего мы будем использовать термин *концепт*, рассматривая его как один из возможных видов когнитивной структуры.

В последние годы *концепт* широко употребляется при рассмотрении в новом ракурсе семантики языковых единиц, в том числе и пословиц. Опираясь на мнение В.Н. Телии, Е.В. Иванова выдвигает понятие *пословичный концепт* и определяет его как все знание об объекте, которое можно получить на основе анализа содержательного плана пословиц. Затем, вслед за Р.М. Фрумкиной, Е.В. Иванова разделяет предложенное ею понятие на пословичные концепт-максимум и концепт-минимум, которые, соответственно, говорят об одном концепте, описанном всеми пословицами, и обо всех концептах, входящих в когнитивную модель одной пословицы (Иванова, 2006: 109). Например, в нашем материале все пословицы, вербализующие концепты ПРЯМОТА и ЛУКАВСТВО, формируют концепт-максимум.

Рассмотрим далее понятие *когнитивная модель*.

Е.С. Кубрякова и В.З. Демьянков отмечают, что когнитивная модель описывает механизмы мышления и образования концептуальной системы человеческого сознания как той базы, на которой мышление протекает (КСКТ, 1996: 56). Е.Г. Беляевская под когнитивной моделью слова понимает ментальную сущность, схематизированный ментальный образ, не осознаваемый говорящим, но позволяющий правильно употреблять (или не употреблять) слово в определенном речевом контексте (Беляевская, 2006: 45).

В отличие от других ученых, Т.А. ван Дейк рассматривает когнитивную модель как структуру представления знания в памяти, а не в мышлении. Под моделью ученый понимает когнитивный коррелят ситуации, представленной каким-либо дискурсом: это то, что происходит в уме человека, когда он является наблюдателем или участником ситуации, когда он слышит, или читает о ней. Следовательно, модель включает личное знание, которым люди располагают относительно подобной ситуации, и это знание представляет собой результат предыдущего опыта, накопленного в столкновениях с ситуациями такого рода (ван Дейк, 1989: 68-69). Рассматривая пословицу как минимальный дискурс, мы полагаем, что когнитивная модель каждой пословицы тоже коррелирует с определенной жизненной ситуацией, содержит в себе накопленный ранее опыт и вызывает определенные ассоциации у человека, знающего данную пословицу, при столкновении с подобной ситуацией.

По мнению Е.В. Ивановой, когнитивная модель пословицы включает в себя два уровня – внутреннюю форму и значение. Внутренняя форма отражает бытовые представления, выступает как своего рода «картинка» повседневной жизни. Значение содержит знание о принятых в социуме нормах морали, стереотипах поведения, об опыте существования в мире, накопленном поколениями, иными словами, то знание, которое является важным для языкового коллектива и поэтому закрепляется с помощью языкового знака (Иванова, 2003: 11).

В свою очередь Т.А. ван Дейк различает частные и общие модели: первые отражают уникальную информацию о какой-либо одной ситуации, тогда как общие модели могут включать в себя информацию из нескольких частных моделей об одной и той же ситуации или же ситуации одного и того же типа (ван Дейк, 1989: 164-165).

На наш взгляд, с одной стороны, к частным когнитивным моделям можно отнести внутреннюю форму пословицы, а к общим – значение пословицы, так как нередко бывает, что пословицы с разными внутренними

формами имеют одно и то же значение в proverbiallyм пространстве, поскольку данное значение в силу своей важности повторяется и конкретизируется разными ситуациями повседневной жизни. Например, частные модели пословиц *Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву* и *Пожалел темени, так ударил в косицу* объединяет общая когнитивная модель *Лицемерный человек только притворно сочувствует кому-то*.

С другой стороны, можно рассматривать инвариантное значение одной пословицы как общую модель, а ее вариативные смыслы в разных конкретных ситуациях как частные модели. В таком случае общая и частные когнитивные модели пословицы выявляются в контекстах ее употребления (см. 2.1.3).

Обратимся к рассмотрению некоторых важных параметров и приемов, свойственных семантико-когнитивному исследованию концептов на материале пословиц.

1.1.3. Методика семантико-когнитивного исследования пословичных концептов

Согласно теории З.Д. Поповой и И.А. Стернина, в методике семантико-когнитивного исследования пословичных концептов можно выделить ряд принципиально важных этапов, а именно:

1. Построение пословичного поля концепта, то есть перечисление как можно большего числа пословиц, содержащих ключевое слово-репрезентант концепта, его синонимы или характеризующих концепт описательно.

2. Анализ и описание семантики входящих в пословичное поле концепта единиц, причем значения пословиц устанавливаются по пословичным словарям и сборникам, однако при анализе тех единиц, которые не зафиксированы в лексикографических источниках, исследователям следует положиться на собственную языковую интуицию, контексты употребления пословицы, а также анкетирование носителей языка.

3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики пословиц с целью выявления когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу.

4. Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка.

5. Описание полевой структуры исследуемого концепта (Попова, Стернин, 2007).

Остановимся на некоторых из них подробнее.

Когнитивная интерпретация

Когнитивная интерпретация предполагает мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта (там же: 141).

Когнитивная интерпретация пословиц включает формулирование когнитивных признаков в виде утверждений о концепте на основе анализа смысла пословиц. Выявление когнитивных признаков концепта составляет первый этап когнитивной интерпретации. При исследовании пословиц на этом этапе выявляется значение каждой единицы; полученные близкие смыслы сводятся к одному когнитивному признаку; когнитивные признаки ранжируются по частотности. Так, вербализующие концепт ХИТРОСТЬ пословицы *Как ни хитри, а правды не перехитришь; Можно перехитрить одного, но нельзя перехитрить всех; На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь; Тот к добру не управит, кто в делах лукавит* объединяет общий когнитивный признак ‘хитрость не всегда приводит к желаемому результату’.

Вторым этапом когнитивной интерпретации, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, является выделение когнитивных классификационных

признаков на основе обобщения когнитивных признаков. Например, при рассмотрении когнитивных признаков, вербализующих концепт *русский язык*, ученые выделяют такие когнитивные классификаторы, как общая оценка, доступность освоения, распространенность и др. Выявление когнитивных классификационных признаков, с точки зрения ученых, позволяет определить особенности концептуализации денотата концепта когнитивным сознанием (Попова, Стернин, 2007: 148).

Когнитивная интерпретация обычно проводится после семантического описания языковых средств, объективирующих исследуемый концепт. По мнению представителей семантико-когнитивного направления, когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых единиц «переводит» языковые данные в когнитивные, поэтому она является необходимым этапом при семантико-когнитивном исследовании, отличающем семантико-когнитивное исследование от традиционного семантического.

Верификация соответствия пословичного концепта представлению, существующему в современном русском языковом сознании

«Под верификацией понимается проверка полученных данных путем обращения к носителям языка» (Попова, Стернин, 2007: 137). Цель ее заключается в проверке на соответствие полученных в ходе анализа языковых средств результатов современному состоянию сознания носителей языка .

Считается, что верификация является необязательным, но желательным этапом когнитивного исследования. Однако при исследовании концепта на таком историческом материале, как пословицы, данный этап приобретает большую актуальность и важность, поскольку пословичный концепт отличается от концепта, существующего на синхронном языковом срезе и, соответственно, в современном языковом сознании носителей.

Во-первых, верификация позволяет выяснить, какие когнитивные признаки концепта, вербализованные пословицами, до сих пор остаются

актуальными, а какие оказались уже вне поля зрения носителей языка. Во-вторых, значение большинства пословиц не было зафиксировано в словарях, в связи с чем интерпретация единиц самим исследователем неизбежно отмечена субъективностью, поэтому верификация в какой-то степени помогает проверить интерпретацию пословиц исследователем. В-третьих, благодаря верификации можно наблюдать изменения оценочной составляющей одного и того же концепта для носителей языка разных эпох.

При верификации результатов описания пословиц, на наш взгляд, испытуемым могут быть предложены следующие вопросы и задания: *Согласны ли Вы с выраженным пословицами смыслом? Знаете ли и употребляете ли вы следующие пословицы? Из перечисленных трактовок пословицы выберите те, с которыми Вы согласны.*

Следует отметить, что в случае большого количества исследуемых пословиц не целесообразно представлять каждую единицу и вербализуемое ею значение в опросе. Однако можно уточнить значение тех единиц, для понимания которых исследователь предъявил несколько вариантов с помощью таких заданий, как *Выберите объяснение значения пословицы, которое Вы считаете правильным.*

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, верификация возможна и после семного описания значений языковых единиц, так как полученный список семантических компонентов может быть предъявлен группе носителей языка с просьбой отметить, присущ этот компонент значению соответствующей лексической единицы или нет. Окончательный список семантических компонентов описываемых единиц, подтвержденных большинством испытуемых, принимается за основу для когнитивной интерпретации (Попова, Стернин, 2007: 138).

На наш взгляд, целесообразнее провести данный этап анализа после выявления когнитивных признаков, особенно при исследовании концепта на материале пословиц. С одной стороны, сведение близких смыслов, выраженных разными пословицами, к одному когнитивному признаку

концепта в значительной степени облегчает работу при верификации, а данный шаг осуществляется именно в процессе когнитивной интерпретации. С другой стороны, при когнитивной интерпретации семантических компонентов описываемых единиц, подтвержденных большинством испытуемых, если осуществлять ее после верификации, могут быть упущены некоторые когнитивные признаки, также являющиеся важными компонентами изучаемого концепта.

Моделирование концептов

Моделирование концепта включает три взаимодополняющие, но выполняемые отдельно процедуры: описание макроструктуры концепта, рассмотрение категориальной структуры концепта и анализ его полевой организации. Предваряя детальное рассмотрение этих трех процедур сначала необходимо разъяснить понятия *содержание концепта* и *структура концепта*.

Содержание концепта образовано когнитивными признаками и описывается как совокупность этих признаков. Содержание концепта упорядочено по полевому принципу – **ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия**. Принадлежность к той или иной зоне содержания определяется, прежде всего, яркостью признака в сознании народа – носителя языка. А структура концепта включает образующие концепт базовые структурные компоненты разной когнитивной природы – чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле (Попова, Стернин, 2007: 81).

Рассмотрим три процедуры моделирования концептов.

1) Описание макроструктуры концепта предполагает распределение выделенных когнитивных признаков по структурным макрокомпонентам концепта.

2) Описание категориальной структуры концепта ориентировано на определение иерархии когнитивных классификационных признаков по количеству содержащихся в них когнитивных признаков.

3) Описание полевой организации концепта осуществляется как перечисление когнитивных признаков от ядра к периферии по количеству единиц, объективирующих тот или иной признак – чем больше таких единиц, тем данный признак ярче и важнее для сознания (Попова, Стернин, 2007: 150). Результат описания полевой структуры концепта представляется в словесной и/или графической формах.

4) Следует отметить, что паремиологическую зону З.Д. Попова и И.А. Стернин относят к интерпретационному полю концепта вместе с оценочной, энциклопедической, утилитарной и другими зонами, которую, по их мнению, следует описывать отдельно. Внутри нее выделяются ядро и периферия по убыванию количества паремий, представляющих тех или иные смыслы. В данной работе мы не разделяем мнение исследователей о том, что пословицы и поговорки лишь составляют паремиологическую зону интерпретационного поля концепта. Основываясь на мнении Е.В. Ивановой, представленном выше, мы полагаем, что когнитивные признаки, вербализованные пословицами, образуют отдельный концепт в русском провербиальном пространстве – пословичный концепт. Так что в данной работе будем отдельно описывать полевую организацию и категориальную структуру каждого интересующего нас пословичного концепта.

Перейдем к рассмотрению основополагающих для нашего исследования терминов «пословичная картина мира», «пословица», «провербиальное пространство».

1.2. Пословичная картина мира как часть языковой картины мира

В большинстве научных лингвистических работ пословичная картина мира рассматривается как часть языковой картины мира. Термины «картина мира», «концептуальная картина мира», «языковая картина мира» входят в базовый терминологический аппарат когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Остановимся подробнее на характеристике их содержания.

1.2.1. Понятие «языковая картина мира»

Термин *картина мира* впервые был выдвинут в сфере физики в конце XIX — начале XX в. С 60-х годов прошлого века проблему картины мира начали рассматривать в рамках семиотики (Лотман, Успенский 1971). В. П. Руднев определяет картину мира как систему интуитивных представлений о реальности» (Руднев 1997: 1).

Г.А. Брутян предложил разделять концептуальную и языковую картины мира. По его мнению, концептуальная картина мира (ККМ) включает в себя «не только знание, которое выступает как результат мыслительного отражения действительности, но и итог чувственного познания». А языковая картина мира (ЯКМ) — это «вся информация о внешнем и внутреннем мире, закрепленная средствами живых языков» (Брутян 1973: 108). ККМ богаче ЯКМ, поскольку к ней относятся еще и невербальные типы мышления.

Выделяются также наивная и научная картины мира. Иногда ЯКМ также называется наивной. Однако наивная картина мира вовсе не означает «примитивная». Она отражает бытовое, обыденное восприятие порядка вещей в противоположность их научному пониманию и объяснению, за ней стоит опыт десятков поколений (Апресян, 1995: 39). Нас будет интересовать наивная картина мира, отраженная в анализируемых пословицах.

Дефиницию термина «языковая картина мира» предлагали многие российские лингвисты (см., например, Телия 1988: 189; Моисеева 1998: 2-3; Урысон 1998: 3; Касевич 1996: 179; Калаулов 2009: 161; Ковшова, Гудков 2017: 143 и многие др.).

Понятие ЯКМ было введено в научный оборот и в китайском языкознании в конце XX — начале XXI века такими китайскими лингвистами, как Ян Шичжан, Ву Гохуа, Пэн Вэньчжао, Чжао Айго и др. Вслед за идеями российских ученых, Чжао Айго полагает, что теория ЯКМ раскрывает образ мышления, наблюдение, восприятие и способ членения мира в дискурсах языковых личностей через анализ конкретных языковых

феноменов. Отправной точкой теории ЯКМ является реальный языковой мир, а в фокусе его внимания оказывается визуальный культурный или концептуальный мир¹ (Чжао Айго, 2004: 36).

В данном исследовании мы разделяем определение, предложенное Е.С. Яковлевой: «Под ЯКМ понимается зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности». Таким образом, «ЯКМ — это своего рода мировидение через призму языка» (Яковлева 1996: 47). Наш выбор данной дефиниции обусловлен тем, что в каждой пословице запечатлена когнитивная модель, отображающая схему восприятия конкретного фрагмента действительности данного этноса. И анализируемые в работе пословицы образуют целостную систему, вербализующую мировоззрение народа на определенном историческом этапе.

Э. Сэпир отмечает, что с течением времени языковые единицы все в большей степени начинают отражать культуру прошлого, чем современную культуру (Sapir, 1973: 102). Подтверждение этого тезиса находим и в работе В.Б. Касевича, который отмечает, что так как язык эволюционирует медленно, его семантика отражает в значительной степени пережиточную картину миру (Касевич, 1990: 100). В данном исследовании анализируемая нами группа русских пословиц представляет собой именно пережиточный фрагмент русской ЯКМ, но не теряющий своей актуальности в плане семантических и культурных доминант.

Ю. Д. Апресян справедливо указывает, что свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков (Апресян 1995: 39).

Рассматривая когнитивную структуру как схему репрезентации знания, Е.В. Иванова полагает, что ЯКМ является особой когнитивной структурой. В

¹ Здесь и далее перевод автора – Чжао Сыминь.

ней отражаются особенности культуры народа, не зависящие напрямую от процессов когниции. Как справедливо подчеркивает Д.О. Добровольский, автоматическое отождествление культурного и когнитивного нельзя считать правомерным (Добровольский, 1997: 44). ЯКМ отражает когнитивные, культурные и социальные характеристики носителя языка (Иванова, 2006: 44).

Безусловно, следует согласиться с В.М. Мокиенко в том, что воссоздание ЯКМ дает новый импульс к историко-этимологическим поискам во фразеологии (Мокиенко, 1995: 4), в том числе, по нашему мнению, и в паремиологии.

Перейдем к рассмотрению лингвистического статуса пословицы и обзору основных направлений ее изучения в современной лингвистике.

1.2.2. Содержание термина «пословица». Основные направления изучения пословиц

Попытки определить пословицу начались еще со времен Аристотеля и Платона. Как справедливо отмечает известный американский паремиолог В. Мидер, количество определений пословиц уже превышает число самих пословиц (Mieder, 1993: 4). По его мнению, пословица – это «короткое, общеизвестное изречение народа, содержащее мудрость, истину, мораль и традиционные взгляды в метафорической, фиксированной и запоминающейся форме, и которое передается из поколения в поколение» (Mieder, 2004: 5). Если В. Мидер определяет пословицу с точки зрения содержания и формы, то А. Дандис учитывает в предлагаемой дефиниции ее структуру: «Пословица – это традиционное высказываемое утверждение, состоящее, по меньшей мере, из одного дескриптивного элемента, который состоит из темы и комментария» (Dundes, 2007: 127).

Поскольку объектом данного исследования являются русские пословицы, рассмотрим, прежде всего, дефиниции, предложенные российскими учеными.

Л.Б. Савенкова справедливо отмечает, что главная трудность определения пословицы, во-первых, заключена в общеупотребительности и исторической многозначности этого слова в русском языке. А во-вторых, состоит в том, что в настоящее время пословица является объектом изучения в разных науках – фольклористике, поэтике, лингвистике, которые обращают внимание на различные аспекты ее сущности и в соответствии с этим дают определения с нетождественными наборами признаков» (Савенкова, 2002: 52). Пословица определяется российскими лингвистами в разных аспектах.

Относя пословицы к категории фразеологизмов, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский понимают их как «фразеологизмы со структурой предложения, имеющие в своём значении идею всеобщности, иллокутивную семантику рекомендации или совета (нравоучения) и характеризующиеся относительной дискурсивной самостоятельностью» (Баранов, Добровольский, 2008: 69).

Подчеркивая устойчивость, воспроизводимость и дидактичность пословицы, Л.Б. Савенкова считает, что пословица представляет собой «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, хотя бы часть элементов которого наделена переносным значением и которое пригодно к использованию в дидактических целях» (Савенкова, 2002: 100).

В отличие от других ученых В.М. Мокиенко обращает внимание на дискурсивность, индивидуальность и эстетичность пословицы. По его мнению, пословица – это «минимальный художественный текст и как таковой она, в отличие от такой строевой единицы языка, как слово, воспринимается индивидуально, избирательно. Пословиц “для всех” нет, поскольку их употребляют по индивидуальному вкусу, в зависимости от языковой компетенции и отношению к Слову как эстетической категории» (Мокиенко, 2015: 17).

В данном исследовании в понимании пословицы мы следуем за М.А. Бредисом, понимающим под пословицей «общеупотребительное

краткое обобщение человеческого опыта, стандартизированное для типичных жизненных ситуаций и выраженное в речи законченным устойчивым предложением, чаще всего с переносным смыслом» (Бредис, 2017: 86). Эта дефиниция в наибольшей степени отвечает задачам нашего исследования, так как в данной диссертации мы будем рассматривать когнитивную модель пословиц, скрытую за жизненной ситуацией и выявлять когнитивные признаки, базирующиеся на опыте носителей языка.

Далее необходимо рассмотреть один из спорных вопросов в русской паремиологии – вопрос о разграничении пословицы и поговорки, поскольку для нас крайне важно определить границы исследуемого объекта при отборе материала.

В российской паремиологии пословицу и поговорку разграничивают в основном по двум критериям – семантическому и структурному.

Одним из ярких приверженцев семантического критерия является В.П. Жуков. По его мнению, и пословицы, и поговорки представляют собой законченные предложения, в основе которых лежат суждения. Пословицы – это устойчивые народные изречения, имеющие только переносный смысл или буквальный и переносный смысл (*Горбатого могила исправит*). Поговорки – это краткие народные изречения, имеющие только буквальный смысл (*Деньги дело наживное*). Между ними находятся переходные единицы – пословично-поговорочные изречения, сочетающие в себе признаки пословиц и поговорок. В их составе часть слов использована в прямом, а часть – в переносном смысле (*Пьяному море по колено*). Все три типа единиц могут передавать как частные, так и общие суждения (Жуков, 1991: 11-12). Следует отметить, что единицы с незамкнутой структурой В.П. Жуков относит к фразеологизмам.

Рассматривая структурный критерий как определяющий фактор для разграничения пословицы и поговорки, Г.Л. Пермяков определяет пословицу как замкнутую, целиком клишированную структуру (*Мал золотник, да дорог*), а поговорку определяет, как незамкнутую структуру, изменяемую или

дополняемую в речи (*Стреляет из пушки по воробьям*) (Пермяков, 1970: 9). По его мнению, и пословицы, и поговорки обладают переносным значением. Замкнутые структуры с прямым значением Г.Л. Пермяков относит к народным афоризмам, а незамкнутые – к присловьям (Пермяков, 1970: 11). Наряду с этим, ученый использует противопоставление частного / обобщенного для дальнейшего уточнения и детализации границ между пословицами и поговорками. Так, к частным высказываниям относятся им все поговорки и некоторые пословицы, обобщенные высказывания представлены только пословицами (Пермяков, 1970: 10).

Е.В. Иванова считает, что при реконструкции пословичных картин мира целесообразно использовать структурный критерий для разграничения и выделения материала исследования (Иванова, 2006: 18), так как по сравнению с семантическим критерием, по структурному критерию к пословицам относится больше единиц, и соответственно, это предоставляет возможность как можно полнее раскрыть интересующий исследователей фрагмент пословичной картины мира. При этом, вслед за И.М. Снегиревым и А.А. Потемней, в класс пословиц Е.В. Иванова включает еще и клишированные предложения с прямым значением, т. е. народные афоризмы по классификации Г.Л. Пермякова. Итак, Е.В. Иванова понимает под пословицами замкнутые структуры, предложения, имеющие только прямое, прямое и переносное или только переносное значение, как обобщающего, так и частного характера, а под поговорками – незамкнутые предикативные структуры и глагольные фразеологические единицы (Иванова, 2006: 18-20).

Основным источником нашего исследовательского материала послужил сборник В.И. Даля «Пословицы русского народа». Сам В.И. Даль отмечал, что в сборник вошли, кроме пословиц, пословичные изречения, поговорки, присловья, скороговорки, прибаутки, загадки, поверья, приметы, суеверья и др. [Даль, 2000: 17]. Отбирая единицы, мы в основном опирались на определение Е.В. Ивановой, но в ряде случаев привлекали к анализу и те выражения, которые Даль называл «пословичные изречения» [Даль, 2000:

19]), поскольку по справедливому мнению ученого, трудно провести четкую границу между этими двумя разрядами. В языковые средства организации proverbialного пространства мы сознательно включили сравнения, так как они часто являются частью пословиц, выделяются и пословицы компаративной структуры. Все это позволяет полнее охватить материал и внутрисистемные связи интересующего нас концептуального поля.

Как справедливо отмечает Е.В. Иванова, общепринято выделение двух основных направлений исследования пословиц. Первое характерно для стран континентальной Европы и России и направлено на изучение структурных и семиотических аспектов, логических отношений и семантики. Одним из ярких представителей данного направления является Г.Л. Пермяков, предложивший классификацию пословиц и близких к ним паремиологических единиц. Второе направление развивается в Великобритании и США и ориентировано на исследование роли пословиц в коммуникации и социальной жизни. В рамках данного направления проводятся такие исследования, как изучение функций пословиц в дискурсе и экспериментальные полевые исследования по определению паремиологического минимума. Ученые-паремиологи обоих направлений стоят перед необходимостью дать определение пословицы, разграничить пословицы и близкие к ним единицы (Иванова 2006: 8-9).

Кроме вопроса о разграничении пословиц и поговорок, рассмотренного нами выше, внимание российских лингвистов уделяется также трансформациям пословиц и поговорок.

Е.И. Селиверстова утверждает, что в современной речи пословицы употребляются в основном в трансформированном виде, в связи с чем именно изучение этих трансформаций является одной из актуальных задач современной паремиологии (Селиверстова 2009: 23), а это, по мнению Е.А. Койранской, обуславливает необходимость лингвистической оценки пословичных преобразований, определения и выявления их структурных и семантических типов, изучения социокультурного фона (Койранская 2011:

258). В данном исследовании трансформации пословиц рассматриваться не будут.

В лингвистических исследованиях, начиная с начала XXI века, все больший интерес вызывает изучение паремиологических фондов различных языков. По образному выражению ученых, пословица является «упаковкой опыта» [Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019]. Отличительная особенность современного этапа анализа паремий заключается в том, что исследовательский вектор в рамках различных направлений их изучения направлен главным образом на осмысление ментальных структур, стоящих за паремийными единицами [Серегина, 2016; Го, Абдуллаева, 2020 и др.], их оценочности и ценностных доминант [Ломакина, Мокиенко, 2018; Семененко, 2020; Нелюбова, 2022 и др.]. Преимущественный интерес исследователей при этом вызывают пословицы в силу их цитируемости, возможности встраивания в дискурс, в синтагму, культурологического потенциала, фразовости, двуплановости, моделируемости.

Направления сопоставительного исследования пословиц выделены в работе Е.В. Ивановой (Иванова 2002: 5). Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина и Ю.А. Петрушевская разработали методику выявления языковой и национально-культурной специфичности пословичного фонда при лингвокультурологическом сопоставительном направлении изучения пословиц (Иванов, Ломакина, Петрушевская 2021). М. А. Бредис, М. С. Димогло и О. В. Ломакина представили обзор основных аспектов изучения паремий. Паремии рассматриваются как фольклорный жанр, в их статье представлен также тематико-идеографический принцип классификации паремий, обоснованы лингвокультурологический и переводоведческий аспекты, показаны особенности историко-этимологического дискурсивного (функционального) анализа. Сопоставительный лингвокультурологический анализ признается авторами статьи как интегративный аспект описания паремиологического материала (Бредис, Димогло, Ломакина 2020: 265).

Как справедливо отмечают Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семенов, поговорки «выполняют целый ряд культурно обусловленных функций: в коммуникативно-прагматическом аспекте, прежде всего, функции регулятивную и дидактическую, а в лингвокогнитивном – функции смыслообразования и стереотипизации. Когнитивные функции реализуются благодаря закодированным в народных афоризмах выработанным веками и хранимым этноязыковым сознанием жизнесмысловых стратегий» [Алефиренко, Семенов, 2017: 17]. Прагматические же функции поговорок, по мнению исследователей, проявляются «в их способности выражать своими аксиологическими смыслами тот или иной социокультурный идеал коммуникантов» [там же]. Учитывая указанную полифункциональность поговорок, многообразие их синтаксических структурных моделей, значимость образности, во многом формирующей национально-культурное своеобразие поговорок, считаем целесообразным применение интегративного подхода к исследованию поговорок, предполагающего всестороннее рассмотрение поговорочных единиц со структурно-семантической, лингвокогнитивной и лингвокультурологической точек зрения, аксиологической характеристики.

В данной диссертации мы придерживаемся когнитивного подхода к изучению поговорок русского языка. При таком подходе, на наш взгляд, учитываются и когнитивные, и культурные признаки поговорок.

Перейдем к рассмотрению содержания терминов «поговорочная картина мира» и «поговорочное пространство».

1.2.3. Понятия «поговорочная / поговорочная картина мира», «поговорочное пространство»

Е.В. Иванова выделяет три основные составляющие ЯКМ: лексическую картину мира, фразеологическую картину мира и поговорочную (поговорочную) картину мира (Иванова 2011: 273).

Хотя самобытность народа представлена рядом языковых единиц, в большей степени её отражают фразеологические единицы и поговорки как «зеркало национальной культуры, психологии и философии» (Толстой, 1991: 5), которые являются конститuentами фразеологической картины мира и пословичной (паремиологической) картины мира как различных языковых форм фиксации национальной картины мира соответственно (Антонова и др., 2020: 35), что делает актуальным и плодотворным исследование поговорок.

В коллективной монографии «Паремиология без границ» авторами выделяются два метода реконструкции пословичной картины мира: словарный и дискурсивный. Реконструкция пословичной картины мира словарным методом происходит по фрагментам, выделенным по тематическому принципу. Например, В.И. Даль в словаре «Пословицы русского народа» представляет эти фрагменты в виде 179 разделов, названных одним, двумя или тремя словами (Антонова и др., 2020: 35). Русские поговорки для данного исследования были, главным образом, отобраны из раздела данного словаря «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО».

Дискурсивный метод описания поговорок позволяет определить «их роль в процессе когниции и в процессе коммуникации», «только на фоне дискурса (и текста как его материального выражения) поговорки могут получить наиболее полное описание» (Константинова, 2012: 6).

Одновременное применение словарного и дискурсивного анализа паремиологического материала даёт наиболее достоверный и полный результат при реконструкции пословичной картины мира (Антонова и др., 2020: 43). В данной диссертации при реконструкции интересующего нас фрагмента пословичной картины мира мы будем комбинировать эти два метода, рассматривать все поговорки русского языка, вербализующие оппозицию «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО», извлеченные из паремиографических источников, а также проводить дискурсивный анализ наиболее частотных поговорок в «Национальном корпусе русского языка».

Как отмечает М.А. Серегина, пословичная картина мира представляет собой результат когниции (познания) действительности, выступает как результат деятельности когнитивного сознания и основывается на совокупности упорядоченных знаний – концептосфере. Поэтому пословичная картина мира включает как содержательное концептуальное знание о действительности, так и совокупность ментальных стереотипов. Ментальные стереотипы – представления, которые определяют понимание и интерпретацию явлений действительности.

С точки зрения когнитивного подхода, по мнению М.А. Серегиной, пословичная картина мира выполняет следующие функции:

- классификация элементов действительности: труд, дом, риск в деле, дружба и т.д.;

- анализ действительности (объясняет причины явлений и событий, прогнозирует развитие явлений и событий, предсказывает последствия событий);

- упорядочение чувственного и рационального опыта личности для его хранения в сознании, памяти (Серегина, 2012: 53).

Термин «провербиальное пространство» был введен в научный оборот Ю.И. Левиным. Исследователь полагает, что пословичный фонд языка представляет собой не просто набор отдельных единиц и даже не просто систему единиц — носителей определенных различительных признаков (грамматических, логико-семиотических, предметных), по значениям которых они могут классифицироваться, но и некоторое «пространство» в математическом смысле слова. Для каждой точки определена ее «окрестность» — множество точек, «окружающих» данную и «близких» к ней. Рассматриваемое с такой точки зрения пространство пословиц оказывается «многомерным», поскольку пословицы могут быть близки друг другу в разных отношениях («измерениях»), по разным «параметрам» (Левин, 1984: 108-109). В отличие от пословичной картины мира, в рамках провербиального пространства пословичный фонд рассматривается как

единое целое в структурном отношении, в котором единицы связаны между собой и позиционированы по семантической близости. Анализируемые нами пословицы, вербализующие концептуальное поле «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО», образуют важный фрагмент провербиального пространства.

Ю.И. Левин четко выделяет типы семантических отношений, объединяющих пословицы в провербиальное пространство: синонимия, антонимия, квазисинонимия, омонимия и вариантность. Теория провербиального пространства была апробирована в кандидатской диссертации Пи Цзянькуня (Пи, 2014: 15-21). В его работе анализируется структура фрагмента паремиологического пространства, образованного оппозицией правда – ложь.

Во второй главе данного исследования мы будем рассматривать семантические отношения пословиц, вербализующих интересующий нас фрагмент провербиального пространства.

1.3. Полевой подход в лингвистике

Понятие «поле», прежде всего, появилось в физике. Этот термин был первоначально введен в науку Дж. К. Максвеллом для описания электромагнитных явлений. Затем он начал употребляться в других науках, в том числе и в лингвистике.

1.3.1. Теория поля в языкознании

Термин «поле» впервые был введен в языкознание в 30-ые годы 20 века австрийским лингвистом Г. Ипсеном, понимающим под полем «совокупность слов, обладающих общим значением» (Васильев 1971: 104). А основоположником теории семантического поля считается Й. Трир, который иерархически расчленил глобальную систему языка на два параллельных друг другу типа полей: понятийные и словесные поля (Васильев 1971: 106).

Теория поля получила широкое распространение, развитие и практическое применение в российской лингвистике во второй половине 20 века и в начале 21 века. Исследованием полевых структур занимались такие ученые, как А.А. Уфимцева (1961), Д.Н. Шмелев (1964), Л.М. Васильев (1971), Ю.Д. Апресян (1974), Г.С. Щур (1974), Ю.Н. Караулов (1976), И.А. Стернин (1985), А.В. Тананина (2003), В.В. Красных (2012) и др. Остановимся на определении понятия «поле».

Российский теоретик полевой модели языка Г.С. Щур определяет поле как «способ существования и группировки лингвистических элементов, обладающих общими (инвариантными) свойствами» (Щур, 1976: 68). В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» поле определяется как «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 380). Исходя из приведенных определений, можно говорить о постепенной конкретизации понятия «поле» в российском языкознании.

Внимание многих ученых уделяется исследованию типологии поля. Из полевых подходов преобладающими считаются парадигматический, связанный с именами Й. Трира и Л. Вайсгербера, и синтагматический, связанный с именем В. Порцига. К парадигматическим полям относятся самые разнообразные классы лексических единиц, тождественных по тем или иным смысловым признакам. А к синтагматическим полям относятся классы слов, тесно связанных друг с другом по употреблению, но никогда не встречающихся в одной синтаксической позиции (Васильев, 1971: 108, 112).

В рамках этих двух подходов далее были разработаны концепции таких полей, как грамматико-лексическое поле (Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс), грамматическое поле (В.Г. Адмони), функционально-семантическое поле

(А.В. Бондарко), семантическое поле (Г. Ибсен) и ассоциативное поле (Ш. Балли).

И.А. Стернин наряду с другими исследователями, такими как Л.М. Васильев, Г.С. Щур, обобщил основные признаки понятия поля: 1) Поле представляет собой инвентарь элементов, связанных между собой системными отношениями; 2) Элементы, образующие поле, имеют семантическую общность и выполняют в языке единую функцию; 3) Поле объединяет однородные и разнородные элементы; 4) Поле образуется из составных частей – микрополей, число которых должно быть не меньше двух; 5) Поле имеет вертикальную и горизонтальную организацию. Вертикальная организация – структура микрополей, горизонтальная – взаимоотношение микрополей; 6) В составе поля выделяются ядерные и периферийные конститuentы. Ядро консолидируется вокруг компонента-доминанты; 7) Ядерные конститuentы наиболее специфицированы для выполнения функций поля, систематически используются, выполняют функцию поля наиболее однозначно, наиболее частотны по сравнению с другими конститuentами и обязательны для данного поля; 8) Между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых полем функций: часть функций приходится на ядро, часть – на периферию; 9) Граница между ядром и периферией является размытой, нечеткой; 10) Конститuentы поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля или полей; 11) Разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов, что является законом полевой организации системы языка (Стернин, 1985: 38-39). В целом мы согласны с И.А. Стерниным, но при этом полагаем, что не во всех типах полей элементы объединяются на основе семантической общности, например: ассоциативное и концептуальное поля являются исключением.

В российском языкознании широко исследуется семантическое поле (далее – СП), для которого постулируется наличие общего (интегрального) семантического признака, объединяющего все единицы поля и обычно

выражаемого лексемой с обобщённым значением (архилексемой) (ЛЭС 1990: 380). Каждое СП включает в себя более мелкие лексико-семантические группы. Следует отметить, что значение слова (семантика) рассматривается З.Д. Поповой и И.А. Стерниным как коммуникативно релевантная часть концепта (Попова, Стернин, 2007: 65), что дает нам основание предполагать, что СП и концептуальное поле взаимосвязаны между собой. По мнению С.А. Кошарной, СП является одним из репрезентантов концептуального поля в языковой картине мира (Кошарная, 2005: 77).

Л.В. Лаенко полагает, что в отличие от СП, которое объединяет лексические элементы на основе общности значения, концептуальное поле есть целенаправленная система гетерогенных средств представления (понимания) смысла и включает компоненты, объединенные интегративным смысловым признаком, актуализирующимся функционально в этих элементах. Также важным является тот факт, что концептуальное поле является фрагментом концептуальной системы говорящего социума, который отражает этническую шкалу ценностей, в том числе и действующие культурные коды (Лаенко, 2011: 34).

Вслед за С.А. Кошарной и Л.В. Лаенко, мы считаем, что, компоненты концептуального поля, с одной стороны, могут быть объединены не только семантическими, но и ассоциативными и другими типами связей; а с другой, вербализуют когнитивные признаки соответствующих концептов вместо значений языковых единиц, не подвергнутых когнитивной интерпретации. Как справедливо отмечает Л.В. Лаенко, по сравнению с СП, концептуальное поле рассматривается как модель более высокого порядка (Лаенко, 2011: 34).

Далее рассмотрим понятие *концептуальное поле*.

1.3.2. Понятие концептуального поля

Н.Д. Арутюнова в 1991 году впервые предложила инвентаризовать и распределить концепты по полям (Арутюнова, 1991: 4). В последнее время концептуальное поле рассматривается в ряде кандидатских диссертаций (см.,

например, А.В. Тананина 2003; И.А. Долгова 2006; Ю.Е. Ломоносова 2008; О.В. Борщева 2012; Сулиман Эльтайеб Эльзейн Эльтайеб 2013; М.Ю. Лебедева 2013) и др. Ученые расходятся во мнениях при категоризации и определении данного понятия.

Одни лингвисты полагают, что термин *концептуальное поле* можно использовать применительно к полевой структуре некоего концепта. Например, один из представителей такого подхода, А.В. Тананина понимает под концептуальным полем «концептообразующее содержание конкретного концепта, формирующее некое пространство, в рамках которого актуализируются составляющие его образы / смыслы» (Тананина 2003: 30).

Другие исследователи рассматривают концептуальное поле как структурированную совокупность концептов. По определению Ю.Е. Ломоносовой, концептуальное поле «представляет собой не просто совокупность концептов, признаки которых упорядочены в определенной иерархии, а систему взаимосвязанных, взаимопересекающихся когнитивных структур, репрезентируемых в языковой картине мира посредством разнообразных способов номинации». Концептуальное поле описывается путем выявления и структурирования когнитивных признаков входящих в него концептов (Ломоносова 2008: 5).

И.А. Долгова в своей диссертации определяет концептуальное поле как взаимосвязанное и взаимообусловленное единство концептов. В рамках исследованного ею концептуального поля “Терпение” определяется тематическое поле концептов и рассматриваются понятийные, образные и оценочные характеристики концептов, образующих это поле. Под тематическим полем концептов И.А. Долговой понимается группа смысловых образований, объединенная общими признаками, при этом системообразующим признаком такого поля является референциальный признак. Единицы такого поля структурированы на основе объективной тематической близости. Центральной единицей тематического поля концептов является концепт, референциальный признак которого является

интегральным для всего поля. Этот признак является доминантой поля. В анализируемом автором поле «Терпение» выделяются такие концепты, как терпение, страдание, смирение, выдержка, толерантность, терпимость. Концепт терпение выступает в качестве смыслового ядра данного поля. (Долгова 2006: 10).

Объектом нашего исследования является концептуальное поле «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в русском провербиальном пространстве. Вслед за И.А. Долговой, под концептуальным полем мы понимаем совокупность взаимосвязанных/взаимопересекающихся или образующих оппозицию в пословичном фонде микроконцептов, объединенных или противопоставляемых по определенным когнитивным признакам. Наименование концептуального поля обычно представляет собой имя ядерного концепта или концептов (в данном случае это два концепта, образующих оппозицию «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО»), референциальный признак ядерного концепта (концептов) является интегральным для всего поля. Внутри исследуемого концептуального поля выделяются такие концепты, как ХИТРОСТЬ, ЛИЦЕМЕРИЕ, ДВУЛИЧИЕ, ЛЕСТЬ, ПРОСТОТА и ПРЯМОТА. Вертикальная составляющая (структура поля) отражает иерархию концептов поля по степени убывания частотности их вербальной репрезентации пословичными единицами в направлении от ядра к периферии. Горизонтальная составляющая (содержательное наполнение поля) организована микрополями входящих в поле концептов, находящимися в отношениях семантической близости. Микрополя пословичных концептов организованы когнитивными признаками, выявленными в пословицах.

В данной работе термин *концептуальное поле* будет употребляться применительно к совокупности русских пословиц, образующих фрагмент провербиального пространства, объективирующий оппозицию «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО». Подчеркнем, что мы не разделяем мнение исследователей о том, что пословицы и поговорки составляют паремиологическую зону концепта, являясь лишь структурным компонентом концептуального поля

(см., например, статью Е.Ю. Балашовой, 2014). На наш взгляд, анализируемые пословицы образуют отдельное концептуальное поле в русском провербиальном пространстве, поскольку, во-первых, они вербализуют не современные, а исторические представления народа, сложившиеся в удаленный от нас период прошлого; во-вторых, лексические средства и паремиологические единицы в силу их языковых особенностей целесообразно рассматривать по отдельности; в-третьих, пословиц, вербализующих интересующую нас концептуальную оппозицию, по данным лексикографических источников, в русском языке насчитывается значительное количество – более 300 единиц.

Выводы по главе

Итак, в результате анализа научной литературы по затронутым в данной главе вопросам можно сделать следующие выводы.

В данном исследовании мы придерживаемся семантико-когнитивного подхода, разработанного З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, рассматривая изучение семантики пословиц как эффективный доступ к содержанию интересующих нас концептов. Вслед за вышеуказанными учеными, под концептом мы понимаем дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении.

В связи с анализируемым нами материалом мы также будем употреблять термин *пословичный концепт*, выдвинутый Е.В. Ивановой, определяющей его как все знание об объекте, которое можно получить на основе анализа содержательного плана пословиц.

Основные этапы семантико-когнитивного исследования пословичного концепта могут быть в обобщенном виде представлены следующим образом:

- 1) Построение пословичного поля концепта;
- 2) Анализ и описание семантики

входящих в пословичное поле концепта единиц; 3) Когнитивная интерпретация результатов описания семантики пословиц с целью выявления когнитивных признаков концепта; 4) Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка; 5) Описание полевой структуры исследуемого концепта.

Пословичная картина мира рассматривается нами как часть языковой картины мира.

В качестве рабочего определения языковой картины мира принимается определение Е.С. Яковлевой, понимающей ее как зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности.

Вслед за М.А. Бредисом, под пословицей понимается общеупотребительное краткое обобщение человеческого опыта, стандартизированное для типичных жизненных ситуаций и выраженное в речи законченным устойчивым предложением, чаще всего с переносным смыслом. Пословичная картина мира в наибольшей степени отражает самобытность народа.

Для реконструкции интересующего нас фрагмента пословичной картины мира применяются словарный и дискурсивный подходы.

Для того чтобы системно рассмотреть семантические отношения между единицами в интересующем нас фрагменте пословичной картины мира, в данную работу введено понятие *провербиальное пространство*, предложенное Ю.И. Левиным, который выделяет типы семантических отношений, объединяющих пословицы в провербиальное пространство: синонимия, антонимия, квазисинонимия, омонимия и вариантность. На наш взгляд, отношения между пословичными единицами могут рассматриваться также и в семантико-когнитивном аспекте.

Теория поля широко применяется в языкознании, в том числе и в когнитивной лингвистике. Под концептуальным полем нами понимается

совокупность взаимосвязанных / пересекающихся концептов, объединенных общим признаком.

В данной работе термин «концептуальное поле» будет употребляться применительно к совокупности русских пословиц, образующих фрагмент proverbialного пространства, объективирующий оппозицию «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО».

Вертикальная составляющая (структура поля) отражает иерархию концептов поля по степени убывания частотности их вербальной репрезентации пословичными единицами в направлении от ядра к периферии. Горизонтальная составляющая (содержательное наполнение поля) организована микрополями входящих в поле концептов, находящимися в отношениях семантической близости. Микрополя пословичных концептов организованы когнитивными признаками, выявленными в пословицах.

Теоретические выводы данной главы служат базой для исследовательской части работы.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО»

2.1. Общий состав и характеристика материала

Используя прием сплошной выборки материала, мы отобрали 506 единиц из раздела «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» [Даль, 2000] и «Большого словаря русских пословиц» [Мокиенко и др., 2010], вербализующих пословичное концептуальное поле «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО». Данные лексикографические произведения были выбраны в качестве источников материала, поскольку в них используются различные способы представления паремий, что способствует максимально полной выборке интересующих нас единиц: в словаре В.И. Даля пословицы описываются по тематическому принципу, а в «Большом словаре русских пословиц» они располагаются по знаменательному «стержневому» слову, концентрирующему в себе основной смысл паремии. Кроме того, «Большой словарь русских пословиц» включает материал ранее изданных словарей и сборников пословиц, фиксируемые в нем единицы имеют точное указание на источник.

В первой главе мы упомянули, что внутри концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» выделяются концепты ХИТРОСТЬ, ЛИЦЕМЕРИЕ, ДВУЛИЧИЕ, ЛЕСТЬ, ПРОСТОТА и ПРЯМОТА. Вслед за В.И. Далем, мы рассматриваем ЛУКАВСТВО как ядерный концепт исследуемого концептуального поля, который объединяет концепты ХИТРОСТЬ, ЛИЦЕМЕРИЕ, ДВУЛИЧИЕ и ЛЕСТЬ в рамках провербиального пространства. И соответственно, отдельно рассматривать концепт «ЛУКАВСТВО» мы не будем. Те пословицы, которые включают в себя слово «лукавство» или его однокоренные слова (См. напр.: *Будешь лукавить, так черт задавит; Злой с лукавым водились, да оба в яму*

ввалились), отнесены нами к группе концепта ХИТРОСТЬ. Это обусловлено тем, что в толковом словаре лукавство считается синонимом хитрости [Шведова, 2008: 418].

2.2. Средства организации пословичного концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в русском языке

2.2.1 Семантические отношения между пословицами, вербализующими концептуальное поле «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в провербиальном пространстве русского языка²

Самым частотным типом отношений между пословицами, вербализующими концептуальное поле «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО», является синонимия. Учитывая экспрессивный, по мнению Ю.И. Левина, характер пословичных единиц, данный факт можно соотнести с известным в лексической семантике явлением — обилием точных синонимов в сфере экспрессивной лексики (Левин, 1984: 111). Частотность «перевыражения» в пословицах одного и того же значения с помощью разнообразного «предметного материала» отмечена Ю. И. Левиным как одна из важных характеристик провербиального пространства — структуры «окрестностей» каждой пословицы, т. е. отношений между нею и другими единицами, соседствующими и пересекающимися с ней в рамках некоторого фрагмента пространства (Селиверстова, 2009: 285).

Опираясь на точку зрения Ю.И. Левина, мы выделяем три подтипа в рассматриваемой категории по мере уменьшения близости значения: варианты, синонимы и квазисинонимы. Под *вариантами* паремий, вслед за Г.Л. Пермяковым, понимаются такие формы, в которых варьируются элементы низших уровней — вставные фразеологические обороты или

² Данный раздел, посвященный анализу семантических отношений между пословицами, основан на статье автора (Чжао, 2021).

О льстивом поведении говорят следующие пословичные изречения (по терминологии В.И. Даля):

Блином масляным в рот лезет. = Он без масла влезет. = Этот человек без подмазки в душу влезет. = Он куда хочешь без мыла влезет.

Лесть бесчестна и обманчива:

На словах его хоть выступи, а на деле и головы не приклонишь. (На словах твоих хоть выступи) ≈ Птицу кормом, а человека словом обманывают.

Интересно, что у пословицы «Ласковое теля двух маток сосет, а бодливому ни одна не дается» наибольшее число вариантов:

Ласковое теля двух маток сосет (Ласковы телятки сосут по две матки), а бодливому ни одна не дается (а бодливого бычка на бойню отправляют, а неласковый и свою не может, а упрямый ни одной, а лихой ни одну не запустит).

2. Хитрость

Хитрость — гарантия победы над противником (врагом):

Хитрость и сметка бьют врага метко = Смекнешь да схитришь — врага победишь ≈ Схитришь — врага победишь.

Исход боя решает не тот, кто смелее, а тот, кто хитрее. ≈ Кто хитрее, тот победит быстрее.

Из первого синонимического ряда видно, что «хитрость» в нем употребляется как синоним существительного «смекалка». Идея о том, что ***хитрость и есть смекалка (хитрость требует ума)***, также выражается в следующих пословицах:

Хитрость и смекалка — родные сестры. = Хитрость — второй ум. = Хитрость не дурость, второй ум в голове.

Пословичные изречения о хитром поведении объединяются в следующие синонимические пары:

Ужом вьется, развивается. = Змеей извивается.

Вертеться как бес (черт) перед заутреней = Вертеться как береста на огне

Хитрость не всегда приводит к желаемому результату:

Как ни хитри, всех ниток не спрячешь. = Как ни хорони концов, а выйдут наружу.

Как ни хитри, а правды не перехитришь. ≈ Как ни хитри, а два да один — все три.

Синонимические и квазисинонимические отношения позволяют наиболее полно описать одно и то же понятие, передав тонкие оттенки значения, и при этом вербализовать частные когнитивные признаки. Так, последний классификационный признак формируется следующими частными когнитивными признаками: 1) **Правды не перехитришь:** *Как ни хитри, а правды не перехитришь; Как ни хитри, а два да один — все три.* 2) **Хитрость рано или поздно обнаружится:** *Как ни хитри, всех ниток не спрячешь; Как ни хорони концов, а выйдут наружу.*

3. Простота

Простота оценивается в основном положительно, а хитрость и лукавство – отрицательно:

Простота да чистота — половина спасенья. = Простота (Чистота) — половина спасенья. = Простота, чистота, правота — наилучшая лепота.

В простых сердцах Бог поживает. = Простота человека к Богу приводит.

Живи просто, выживешь лет со сто. = Живучи просто, доживешь лет до ста; а кто лукавит, того скоро черт задавит. = Просто живут лет до ста, а хитрецы — лет до тридцати.

Кто лукавит, того черт задавит. (Будешь лукавить, так черт задавит).

Простота может оказаться более эффективной, более действенной, чем хитрость:

На иную хитрость станет и простоты! ≈ Кабы на твою хитрость да не моя простота.

4. Лицемерие

О лицемерном обещании:

Мягко стелет, да жестко спать. = Приветлив стлать, да жестко спать.

Мягко съел, да черство в живот пошло. = Сладко в рот, да горько вглот. ≈ Уху сладко, глазам падко, а съешь – гадко. ≈ Гладок, мягок, да на вкус гадок.

Ласково говорит, да черство слушать. ≈ Говорит красно, а поглядишь – пестро. ≈ Говорит воду, а во рту сухо.

Лицемерный человек думает одно, а говорит (делает) другое (11 единиц):

Глазами плачет, а сердцем смеется. = Голосом завывает, а сердцем кутьи поджидает (плакуша). = Горько плачет, а вприсядку пляшет.

Сладкие уста — горькие сердца. = Уста медоточивые, а сердце смолой кипит. = На языке мед, а под языком лед. = На языке медок, а на сердце ледок. ≈ Речами тих, да сердцем лих.

Нельзя верить в притворную, лицемерную печаль:

Это мыши kota погребают. = Плакала кукушка, что детей отдала в люди

Пойми волка слезы. = Верь волчьим слезам. ≈ Большому вытью не верь. ≈ Кумушкины слезки на базаре дешевы.

Двуличие

Двуличный человек в глаза льстит, угождает, а за глаза делает плохое, предает (21 единица):

Лукавый — как кошка: спереди лапу дает, а сзади дерет. = Хвостом вертит, а за руки хватает. = Ласковый взгляд, да на солнце яд. = Руки

лизжет, а зубы на оскале. = В ногах ползает, а за пятку хватает (змея). = Подал ручку, да подставил ножку. = Низко кланяется, а больно кусает. = Ноги целует, а головы ищет. = В ноги кланяется, а за пяты хватает. = Передом кланяется, боком глядит, задом щупает и др.

Ложкой кормит, а стеблом (череном) глаз колет. = Кормит калачом, да в спину кирпичом = Не корми меня калачом, да не бей в спину кулаком

Двуличный человек говорит одно, а делает другое:

Говорит направо, а глядит налево. = Говорит крестом, а глядит пестом. = Говорит прямо, а делает криво. = Говорит бело, а делает черно. = Скажет вдоль, а сделает поперек.

Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь). = Словами, что листьем, стелет, а делами, что иглами, колет. = Речи, как мед, а дела, как полынь. = На словах, что на санях, а на деле, что на копыле.

Двуличный человек ведет себя по-разному (как ему выгоднее) в разных ситуациях:

В людях ангел, а дома черт. = В людях Илья, а дома свинья. = В людях Ананья, дома каналья.

В очах мило, да в сердце постыло. = В глазах мил, за глаза постыл.

Из одной избы и горячо и студено. = Из одних уст клятва и благословение. = Из одного рта и тепло и холодно. = Одни уста и теплом и холодом дышат. = Одни глаза и плачут и смеются. = Одна слеза катилась, а другая воротилась.

Вьется ужом, а топорицится ежом. = Поет соловьем, а рыщет волком. = Поет как соловей, а кусает как гадюка.

Двуличный человек хочет всем угодить, чтобы получить больше выгоды:

Одному богу молится, а другому кланяется. = Всем богам по сапогам. = На одних подметках семи царям служил. = Он на пяти овинах рожь молотит. ≈ Эта епанча на оба плеча. ≈ И нашим и вашим за копейку спляшем.

Всем – даже при желании – не угодить:

Двум господинам (Двома господином) один раб не услужит. (Двум господам не служат.) = На двоих господ не долго наслужишься (не угодишь). = Кто в двои бедра бьет, в том пути не живет. = Отсуленная голова двоим не служит.

Богу молись, а черта не гневи! = Ставь и черту свечу: не знаешь, куда угодишь. = Богу свечу, черту ожиг (кочергу). = Умей угодить на угодного и на неугодного.

И волки сыты, и овцы целы. = И нам тепло, и вам сытно, и ему улежно.

Тот, кто тих, смирен и безобиден с виду, может совершить неожиданные и нехорошие поступки. (У двуличного человека обманчивая наружность.) (20 единиц):

В тихом омуте (болоте) черти водятся. = Тихо озеро, а чертей полно. = В тихой воде омуты глубоки. = Тихая вода берега подмывает. = Вода все кроет, и берег роет. = Не верь тишине морской. = Тихо море, поколе на берегу стоишь.

В смирном платье (в печальном), да не с такою думкой. = Поклонен, покорен, а в глазах искра есть. = Бородка Минина, а совесть глиняна. (Борода-то Минина, а совесть-то глиняна.) = Железный кулак в бархатной перчатке. = Бахарь, что сахар, а в подонках пушина. = Волк в овечьей шубе (шуре). (Волк под овчиной.) = Бархатный весь, а жальце есть. = Добрый баранчик, да по-волчьему воеет. ≈ У того голубочка велики (остры) зубочки. = У кошечки когти в рукавичках (в перчатках). = Гладко шерстка, да и ноготок остер (кошка).

На наш взгляд, различие между «лицемерием» и «двуличием» заключается в том, что лицемерный человек проявляет несоответствие мысли словам или действиям, а в двуличном уживаются две личности.

Следует отметить, что в нашем материале выделилась еще одна группа иронических пословиц, вербализующих парадоксальную ситуацию несоответствия описываемого положения дел реальности:

Я, брат, писать умею, а читать не умею = Я по мелочи считаю, а крупных денег не знаю.

Сыт, тетушка, ложки нет. = Сыт и тем, чего не дали.

Антонимия

В случае антонимии «коллективный автор» стремится к исчерпанию всех возможностей, демонстрируя противоположные точки зрения на мир и человека (Левин, 1984: 113).

Приведем пословицы, связанные отношениями антонимии из нашего материала. Графически обозначаем антонимию знаком неравенства.

Выше мы отметили, что простота в русских пословицах оценивается, с одной стороны, положительно, а с другой, отрицательно. Наряду с этим, амбивалентно оценивается и хитрость.

Хитрость, с одной стороны, сложна, с другой, проста:

Что хитро, то и не просто. ≠ Что хитро, то и просто: девятью десять девяносто.

С одной стороны, хитрого человека трудно обмануть, с другой, можно это сделать:

Старого опытного волка в тенега не загонишь. = Старого опытного воробья на мякине не проведешь. ≠ И хитрую лису можно изловить. = И хитрая птица через свой клюв в силок попадает.

Следует отметить, что нередко встречаются лексические антонимы – как правило, в рамках одной пословицы, например:

Простота – хитрость (и их однокоренные производные): *На иную хитрость станет и простоты; Кабы на твою хитрость да не моя простота; Где просто, там ангелов со сто; где хитро, там ни одного* и др.

Сладкий – горький: *Тогда мне губы лижи, когда они горьки, а когда сладки — и сам оближу; Сладко в рот, да горько вглот; Сладкие уста — горькие сердца.*

В глаза (глазах) – за глаза: **В глаза** и бога боится, и людей боится, а за глаза – никого не боится; **В глаза** не льсти, а за глаза не брани; **В глазах** мил, за глаза постыл.

Являясь одной из фундаментальных категорий, которой мы постоянно оперируем в нашем физическом и интеллектуальном восприятии мира, противопоставление признается многими исследователями одним из основных принципов построения пословицы (Юсупова 2010: 667). В нашем материале с помощью этих оппозиций выражается контраст двух личностей, уживающихся в человеке.

Омонимия

По мнению Ю. И. Левина, под омонимией, являющейся достаточно редким явлением в провербиальной семантике, понимается наличие у одного текста более чем одного значения (Левин 1984: 115). В научной литературе в таких случаях чаще говорят о семантической неоднозначности/неопределенности пословиц (см., например, работы Е.И. Селиверстовой).

Приведем пословицы из интересующего нас фрагмента провербиального пространства, связанные отношениями омонимии:

1. Только лапоть на обе ноги плетется, а и рукавчики розни.

‘В разной ситуации нужен разный подход, способ’.

‘Нет двух одинаковых людей’.

2. Ласковы телятки сосут по две матки.

‘Льстивый человек получает больше выгоды’.

‘Дружелюбного человека любят все’.

3. Ахи да охи не дадут подмоги.

‘О сочувствии на словах’.

‘О человеке, который только печалится, не предпринимая никаких мер при столкновении с проблемой’.

4. Соловья кормят за песни.

‘О плате за лицемерие, лесть’.

‘Человеку платят за его работу’.

Как полагает Ю.И. Левин, пословицы-омонимы осложняют и обогащают структуру провербиального пространства, образуя в нем своего рода точки разрыва, в которых как бы соприкасаются отдаленные в других отношениях области этого пространства (Левин 1984: 115). В связи с омонимией рассматриваемый нами фрагмент провербиального пространства соприкасается еще с такими сферами, как «дружелюбие», «торопливость» и др., образованными соответствующими единицами.

Итак, на основе проведенного анализа, мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, частотность синонимии, с одной стороны, свидетельствует о важности и многократном акцентировании исследованными пословицами важных когнитивных признаков, таких, например, как: ‘лесть таит в себе опасность, всегда нужно держать ухо востро’; ‘хитрый человек хочет всем угодить, чтобы получить больше выгоды’ и др., а с другой стороны, синонимия позволяет передать мельчайшие нюансы одного значения и конкретизировать выражаемые когнитивные признаки. В то же время в нашем материале выделяются грамматические, синтаксические, лексические варианты с лексической и/или контекстуальной синонимией и их комбинация. В качестве подтипа семантических отношений с самыми близкими связями, вариантность в определенной степени обогащает пословичный фонд и свидетельствует о разнообразии грамматических форм, синтаксических конструкций, лексических компонентов русских пословиц.

Во-вторых, антонимия и существующие на исследованном нами участке пословичного фонда противоречивые когнитивные признаки говорят о неоднозначности представлений народа о таких концептах, как ХИТРОСТЬ и простота. Наличие частотных лексических антонимов внутри пословиц подтверждает познание мира человеком путем выстраивания оппозиций.

Следующий раздел, посвященный способам номинации пословичных концептов, основан на статье автора (Чжао, 2022 - д).

2.2.2. Прямая и косвенная номинация концептов пословичного поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО»

Номинация – это «процесс и результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами» [Гак 1977: 237]. З.Д. Попова и И.А. Стернин понимают под концептами совокупность вербализованных и невербализованных образов предметов и ситуаций, образующих концептосферу человека, а под денотатами – вербализованные образы [Попова, Стернин 2007: 19]. Обозначая тот или иной денотат, номинация отражает некоторую часть содержания обозначаемого концепта. Причем один и тот же концепт может быть представлен в языке различными номинациями, каждая из которых будет отражать определенную сторону этого ментального образования [Зырянова 2014: 46].

Номинации подразделяются лингвистами на прямые и косвенные. Под прямыми номинациями понимаются такие именованья, которые обладают прямой и непосредственной соотнесенностью с предметом обозначения, а не прямые или косвенные номинации характеризуются опосредованной, двойной соотнесенностью, что типично для стилистически маркированных знаков [Уфимцева, Азнаурова, Кубрякова, Телия 1977].

Вслед З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, под прямой номинацией концепта мы понимаем ключевое слово-репрезентант концепта, которое избирается исследователем в качестве имени концепта и имени номинативного поля, и его системные синонимы (Попова, Стернин, 2007: 12). Наряду с этим, к прямой номинации также относим однокоренные слова слова-репрезентанта концепта и его системных синонимов.

Итак, прямая номинация в основном наблюдается в пословицах, вербализующих концепты ХИТРОСТЬ, ЛЕСТЬ, ПРОСТОТА и ПРЯМОТА. В пословицах, вербализующих концепт ХИТРОСТЬ, фигурируют такие номинанты, как *хитрость*, *хитрый*, *хитрить*, *перехитрить*, *схитрить*, *недохитрить*, *хитрец*, *хитряк*, *хитросплетение*, *лукавство*, *лукавый*,

лукавить, пройдоха. Пословичный концепт ЛЕСТЬ вербализуют такие номинанты, как *лесть, льстить, льстец, льстивый, ласкатель, согнуться, медоточивый, прислуживаться, увиваться*. Кроме того, в пословицах наблюдаются такие контекстуальные синонимы у вышеперечисленных номинантов, как *такать, ухаживать, хвалиться, величать, ласковый, ласка, похвала, благословить, поноровщик, потаковщик*. К прямой номинации концепта ПРОСТОТА в пословицах относятся *простота, простой, попросту, простак, простачок, правдивый*, к концепту ПРЯМОТА – *прямота, прямой, прямик, прямина, прямь, прямья*. Можно отметить лишь три пословицы, в которых непосредственно номинируется концепт ЛИЦЕМЕРИЕ, а именно: *У лицемера хвалы горшок, а у завистного хулы мешок; Лицемерие и ложь – одно и то же; Лицемерицики Богу молятся, а чертям веруют*. А у пословичного концепта ДВУЛИЧИЕ вообще отсутствуют подобные примеры.

Основной функцией вторичной номинации можно считать «переименование предмета речи ..., проводимое с целью образного названия денотата по его характерным признакам» (Волоцкая, 1981). В свете когнитивных исследований вторичную номинацию предмета или явления представляется правомерным понимать как вторичную номинацию концепта или категории в силу того, что за каждой языковой единицей стоит репрезентация отдельных категорий или концептов. Образная природа вторично номинируемого концепта проявляется в создании конкретных образных примеров для вербализации концептов различной степени абстракции (Косычева, 2011: 949).

По внутренней форме В.Г. Гак разделяет косвенную номинацию на абстрактную (генерализующую) и переносную (метафорическую и метонимическую) [Гак 1977: 245].

Вслед за К.С. Шиляевым и Е.А. Шлотгауэром, мы полагаем, что и метафора, и метонимия представляют собой когнитивный механизм, лежащий в основе не только собственно их языковых проявлений, но и смежных явлений. Метонимия рассматривается как референциальный сдвиг

в пределах одной когнитивной сферы, а метафора является проекцией с одной концептуальной сферы на другую, т.е. со сферы-источника на сферу-мишень [Шиляев, Шлотгауэр 2019: 115].

Следует отметить, что здесь мы будем рассматривать метафору и метонимию исключительно как важные способы косвенной номинации концептов. Подробное и системное исследование концептуальных метафор и их типологии на материале анализируемых пословиц будет проводиться в следующем подпараграфе.

По структуре метафоры в нашем материале можно разделить на три подтипа:

1) Представлена лишь сфера-мишень. См., например: *Лестью и душу вынимают*. В этой пословице сохранена сфера-мишень «лесть» как прямая номинация концепта, опущена сфера-источник «орудие убийства». Данный подтип метафоры не выполняет функции косвенной номинации.

2) Представлена лишь сфера-источник. См., например: *Не поддавайся на пчелкин медок, у нее жало в запасе*. В этой пословице сохранена сфера-источник «медок» как косвенная номинация концепта, опущена сфера-мишень «лесть».

3) Представлены оба домена метафоры. См., например: *Хитрость не дурасть, второй ум в голове*. В этой пословице сфера-мишень «хитрость» и сфера-источник «второй ум» соответственно выступают как прямая и косвенная номинации концепта. В данном случае, нам кажется, что функция косвенной номинации концепта у метафоры отходит на второй план. Как мы уже упомянули выше, каждая номинация отражает один из признаков обозначаемого концепта. Здесь косвенная номинация подчеркивает интеллектуальную значимость концепта ХИТРОСТЬ.

Сочетание прямой и косвенной номинаций в одной пословице также наблюдается в единице *Старую лису хитростям не учить*. Здесь словореферент «хитрость» в качестве прямой номинации не является доменом метафоры, а словосочетание «старая лиса» в качестве косвенной номинации

представляет собой сферу-источник метафоры второго подтипа “хитрец – старая лиса”. В данном случае метафора, на наш взгляд, позволяет избежать повтора однокоренных слов в одной единице.

Таким образом, второй подтип метафоры, выполняющий функцию косвенной номинации, является главным объектом данного исследования.

По мнению Г.В. Колшанского, номинация может осуществляться через слово и словосочетание (лексическая), предложение (пропозитивная) и текст (дискурсивная) [Колшанский 1977: 121]. При этом в зависимости от обозначаемого объекта В.Г. Гак выделяет два типа номинации: элементная и событийная (ситуативная). Элементная номинация обозначает определенный элемент действительности: предмет, качество, процесс, отношение, любой реальный или мыслимый объект. Номинантом здесь может быть слово или словосочетание (в этом случае говорят о лексической номинации). Событийная номинация в качестве номинанта имеет микроситуацию, т. е. событие, факт, объединяющий ряд элементов. Она имеет внешнюю форму предложения, т. е. пропозитивной номинации [Гак 1977: 257].

На наш взгляд, некоторые исследуемые нами пословицы можно рассматривать как событийную номинацию, состоящую из ряда элементных (лексических) номинаций, а именно, из нескольких метафор. В качестве примера возьмем пословицу *Это мыши kota погребают*, вербализующую концепт ЛИЦЕМЕРИЕ. Данная ситуация номинируется через метафоры “лицемер – мышь”, “неприятель лицемера – кот” и “лицемерить, притворяться добродушным – погребать”, и соответственно состоит из трех элементов: лицемер как адресант действия, неприятель лицемера как адресат и лицемерное действие.

Более сложные по содержанию элементы фигурируют в пословице *Не поддавайся на пчелкин медок, у нее жальце в запасе*, которая, по нашему мнению, включает в себя следующие лексические номинанты-метафоры: верить в лесть – поддаваться на пчелкин медок, льстец – пчела, злое и опасное намерение в душе – жальце в запасе.

Подобная ситуация также номинируется в таких единицах, как *Плакала кукушка, что детей отдала в люди; Целовал ястреб курочку до последнего перышка; Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву.*

Перейдем к рассмотрению метонимизации концепта как способа его косвенной номинации. В анализируемых пословицах концепт ХИТРОСТЬ обозначается с помощью «способов реализации хитрости»: *Не гонкой волка бьют – уловкой; Идет рыба на блевку, идет на блесну; Клевать-то клюет, да на удочку нейдет.* Такие способы реализации хитрости, или так сказать, ее воплощение, как уловка, блевка и удочка, рассматриваются нами в качестве составляющей хитрости, т. е., реализуется метонимия «часть вместо целого».

Наряду с этим, нередко обнаруживаются “соматические метонимии”, которые осуществляются через модель «часть тела вместо человека», например: в пословице *Добро-добро, а ноги кривы* кривой по характеру человек замещен кривыми по форме ногами; а в единице *Одни глаза и плачут и смеются* двуличный человек обозначен через соматизм *глаза*.

Следует отметить, что в рамках соматической метонимии выделяется особая группа пословиц, в которой концепт номинируется через “двойную метонимию”. В качестве примера рассмотрим пословицу *“Весь бы прост, да привязан хвост (лисий)”*, где двойная метонимия может быть условно представлена как “хвост – лиса, лиса – хитрость” по модели «часть вместо целого, целое вместо части». Под “привязан хвост” понимается то, что “хитрость проглядывает”. Здесь «хитрость» рассматриваем как часть «лисы», так как хитрость издавна считается лисьей повадкой и свойством. К данной группе относятся еще и следующие единицы: *Сам, кажись, и прост – да увяз хвост; И волчий рот, и лисий хвост; Где волчий рот, а где лисий хвост.*

Следующий раздел, посвященный анализу моделей концептуальных метафор и сравнений в русских пословицах, основан на статьях автора (Чжао, 2022 - б, 2022 - г).

2.2.3. Модели концептуальных метафор и сравнений в русских пословицах концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО»

В данной части работы мы будем рассматривать модели концептуальных метафор и сравнений в пословицах концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО», с целью выявления лингвокогнитивного потенциала внутренней формы пословиц, их синтаксических структурных моделей и образности.

Согласно определению «Краткого словаря когнитивных терминов», концептуальная метафора – это одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия, и без которого невозможно получение нового знания [КСКТ 1996: 55]. Основываясь на теории концептуальной метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, российские ученые справедливо полагают, что в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате однонаправленной метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры [Будаев 2007: 22]. Через концептуальные метафоры абстрактные концепты структурируются и понимаются с помощью менее абстрактных или конкретных концептов, с которыми человек имеет дело в повседневной жизни.

В настоящее время концептуальная метафора исследуется лингвистами в различных видах дискурса, в том числе в рассматриваемом нами минимальном дискурсе – пословице. Концептуальные метафоры в паремиях в последние годы уже вызвали интерес у исследователей. На материале русских пословиц были проведены исследования, посвященные моделям концептуальных метафор "голова – вместилище" (Милашевская, 2017) и

"природа – человек" (Хамитова, 2011), метафор, воплощающих концепты «добро» и «зло» (Ван, 2021), «правда» и «ложь» (Абакумова, 2021).

Пословицы интересующего нас концептуального поля являлись материалом для рассмотрения зооморфных метафор, обыгрывающих коварство, двуличие и лицемерие человека в русской и английской лингвокультурах (Горшунов, 2021). Однако системных исследований, посвященных моделям концептуальных метафор в русских пословицах концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» до настоящего времени не предпринималось.

В данном исследовании мы будем придерживаться классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой выделяются три основных типа метафоры: структурная, онтологическая и ориентационная [Johnson, Lakoff 2003: 8-33].

Структурные метафоры характеризуются частичным метафорическим структурированием концепта по образцу исходного концепта [Кузьмиченко 2017: 168]. В исследуемых пословицах наблюдаются следующие структурные метафоры:

Хитрость – ум:

Хитрость — второй ум; Хитрость не дурость, второй ум в голове.

Следует отметить, что в вышеприведенных примерах сохраняются оба домена метафоры — «хитрость» и «ум».

Ум противопоставляется силе и считается более эффективным средством достижения результата, чем сила. Сопоставление в пословицах хитрости и силы, на наш взгляд, свидетельствует о том, что «хитрость» в данном случае отождествляется с «умом»: *Хитрость паче силы; Хитростью силу борют; Где силой не возьмешь, там хитрость на подмогу.*

Через **онтологические метафоры** человек трактует абстрактные концепты как сущности или вещества. На нашем материале в рамках онтологической метафоры условно можно выделить три подтипа: метафора

объективации (термин О.Б. Абакумовой [Абакумова 2021: 24]), зооморфизм и персонификация.

Начнем с **метафоры объективации**.

Простота – ценный товар:

Простота дороже красоты.

Лесть / хитрость – орудие или оружие:

Лестью и душу вынимают; Лиса хитростью берет; Льва ловят хитростью; Хитростью силу борют.

Несмотря на то, что в вышеперечисленных единицах опускается сфера-источник, присутствует эксплицитное основание метафоры, при помощи которого легко распознается опущенный источник. Например, в пословице “*Лестью и душу вынимают*”, которая содержит метафору “лесть – орудие”, отсутствует источник “орудие”, зато присутствует эксплицитное основание – действие “вынимать душу”, которое может быть совершено только с помощью какого-либо орудия.

Кроме того, в некоторых единицах отсутствует сфера-мишень, например:

Лесть – мед:

На языке мед, а под языком лед; Не поддавайся на пчелкин медок; у нее жальце в запасе; И у осы мед есть.

Льстец – что-то маслянистое, скользкое:

Этот человек без подмазки в душу влезет; Блином масляным в рот лезет.

Сфера-мишень может быть формально не выражена в пословицах, поскольку пословица опирается на пресуппозицию, существующую в сознании носителя языка: мед сладок во рту человека, а лесть порождает сходное ощущение в его душе. Смазка обычно помогает проскользнуть в трудно доступные места, но льстец настолько ловок в своем умении, что может проникнуть в душу, как в некий невидимый внутренний орган, и без «подмазки». Аналогичная ситуация и с намазанным маслом блином, который без затруднений попадает в рот, и с которым сравнивается льстивый человек.

При метафоре-зооморфизме свойствами животного наделяются человек или отвлеченное понятие.

Лесть / хитрость – животное:

Лесть без зубов, а с костями съест; У хитрости тараканьи ножки.

Следует отметить, что при изучении интересующих нас концептов важным репрезентантом является человек-носитель этих качеств. В связи с этим метафоры, связанные с человеком-носителем качеств, также входят в наше исследование.

Льстец – пчела / оса:

Не поддавайся на пчелкин медок: у нее жальце в запасе; И у осы мед есть.

Хитрец – лиса:

Лисица от дождя и под бороной ухоронится; Старая лиса рыльцем роет, а хвостом след замечает.

Лицемер – кошечка / собака:

У кошечки когти в рукавичках (в перчатках); Молчан-собака из-под подворотни хватает.

В отличие от метафоры-зооморфизма, в процессе персонификации человеческие свойства приписываются животному, неодушевленному предмету, отвлеченному понятию и пр. В нашем материале обнаружены следующие примеры персонификации:

Лесть / хитрость / простота / прямота – человек:

Лесть да месть дружны; Лесть сама себя обманывает; Хитрость и смекалка — родные сестры; Хитрость и сметка бьют врага метко; Лису хитрость кормит; Простота святая, да ее ж и на зубы поднимают; Простота человека к Богу приводит; Не прямота бранится, а задор.

Следует отметить, что в рамках персонификации выделяется особая подгруппа, в которой каждая пословица таит в себе “двойную метафору”. В качестве примера рассмотрим единицу “*Это мыши kota погребают*”. Естественно, что действие “погребать” не может быть совершено мышью,

поэтому здесь первая метафора может быть представлена как “мышь – человек”. При этом мышь в данной пословице выступает как источник второй метафоры – зооморфизма, где мишенью является лицемер, который притворяется печальным. Данная модель метафор также обнаруживается в следующих пословицах:

Лицемер – животное; животное – человек:

Плакала кукушка, что детей отдала в люди; Целовал ястреб курочку до последнего перышка; Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву; Постригся кот, посихмился кот, а все тот же кот.

Хитрец – лиса; лиса – человек:

Заговелась лиса: загоняй гусей; Лиса семерых волков проведет.

Ориентационные метафоры в основном связаны с пространственной ориентацией и реализуются через пространственные противопоставления типа «верх — низ», «внутри — снаружи», «передняя сторона — задняя сторона», «глубокий — мелкий», «центральный — периферийный» и др. [Johnson, Lakoff 2003: 15].

Простота – снаружи; хитрость – внутри:

На вид простак, а в душе хитряк; Каждая хитрость прикрыта глупостью; Как ни хитри, всех ниток не спрячешь; Как ни хорони концов, а выйдут наружу; Как ни хитри, а все наружу выйдет; Сам, кажись, и прост – да увяз хвост; Весь бы прост, да привязан хвост.

Простота наружна и очевидна, ее не нужно скрывать, а хитрость прикрыта мнимой глупостью или простотой. Однако хитрость не всегда удается скрыть, она может быть разоблачена и становится явной.

Простота – верх; хитрость / лукавство – низ:

Простота человека к богу приводит; В простых сердцах бог поживает; Где просто, там ангелов со сто; Где просто, там ангелов со сто; где хитро, там ни одного; Злой с лукавым водились, да оба в яму ввалились; Будешь лукавить, так черт задавит; Кто лукавит, того черт задавит; Живучи

*просто, доживешь лет до ста; а кто лукавит, того скоро черт задавит;
Простачкам Бог опекун.*

Простой человек окружен ангелами, находится под покровительством Бога, в раю, по религиозным представлениям, наверху, а хитрец и лукавый человек поступают в распоряжение черта, местом обитания которого является ад, вваливаются в яму, то есть оказываются внизу.

Прямота – прямо; кривизна – криво:

*По кривой дороге вперед не видать; По кривой дороге поломаешь ноги;
Наш Авдей никому не злодей, а наш Демид прямо глядит; Прямику одна
дорога, поползну десять.*

Между понятиями «прямого» и «кривого» пространства и соответствующими качествами человека проводится параллель: прямой человек глядит прямо, вводится даже наименование прямого человека – «прямик», а кривой человек идет по кривой дороге.

Перейдем к рассмотрению моделей сравнений в исследуемых пословицах.

Паремии с семантикой сравнения уже привлекали внимание исследователей. Так, синтаксические модели пословичных единиц на материале русского языка были выделены и классифицированы в работах Е.К. Николаевой [Николаева, 2010] и С.Г. Лазутина [Лазутина, 1986]. Заметим, что количество и состав структурных разрядов зависит от исследуемой тематической группы единиц [см., например, Alyoshin, Zinovieva, 2021; Зиновьева, Алёшин, 2022].

Пословицы интересующего нас концептуального поля являлись материалом для рассмотрения концептуальной диады «лицемерие – искренность» в русской и английской лингвокультурах [Храмова, 2010], концепта ЛЕСТЬ в русском и английском языках [Дежужаева, Сарангаева, 2020].

Материалом для исследования послужили 66 русских пословичных единиц, извлеченные из раздела «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» сборника

В.И. Даля «Пословицы русского народа» [Даль, 2000] и «Большого словаря русских пословиц» [Мокиенко, 2010].

1. Наиболее эксплицитно сравнение выражено в пословицах русского языка, *включающих сравнительные обороты, вводимые союзами как, что и словно* (24 единицы).

Остановимся на анализе данного разряда паремий более подробно. Рассматриваемая группа русских пословиц неоднородна с точки зрения своей структуры, можно выделить разные типы таких единиц.

Во-первых, выделяются пословицы, включающие один сравнительный оборот: *Крутит, как пес хвостом; Человек лукавый — что карман дырявый; Лесть словно зубами съест; Играет, как кот с мышкой; На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь; Отыгрывается, как лиса хвостом; Опутали — как волка тенетами; Прямой как шальной; Он, как кошка, на все ноги падает и др.* Сравнительные обороты могут представлять собой устойчивые сравнения: *играть, как кот с мышкой, падать как кошка* (пословица раскрывает данное устойчивое сравнение — *на все ноги*). Некоторые пословицы группы персонифицируют хитрость, лесть, лукавство, и сравнительные обороты этому помогают, приписывая этим абстрактным существительным черты человека, например, *Лесть словно зубами съест*.

Объект сравнения может допускать вариативность, например: *Вильнет умом, как пес (как лиса, как сорока) хвостом*. Варианты возможны в силу того, что в качестве эталонов сравнения выбраны рядоположенные существительные — наименования животных, имеющих хвост, за поведением которых человек издавна имел возможность наблюдать.

Во-вторых, можно выделить пословицы, включающие два сравнительных оборота: *Хитрый как лиса, труслив как заяц; Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь); Словами, что листьем, стелет, а делами, что иглами, колет* и др. Эти пословичные изречения в большинстве своем содержат в составе устойчивые сравнения: *хитрый как лиса,*

трусливый как заяц, (белый, чистый) как снег, (сладкий) как мед, (горький) как полынь, (черный) как сажа, колоть как иголкой и др.

Обычно пословицы данного разряда содержат противопоставление, выражаемое с помощью противительного союза «а»: *Прост, как свинья, а лукав, как змея* и др. Противопоставляться могут как основания (*простой* и *лукавый*) и объекты сравнения (*свинья* и *змея*), так и субъекты сравнения, например, *речи* и *дела* в следующей пословице: *Речи, что снег (что мед), а дела, что сажа (что полынь)*. При этом основания сравнения часто опускаются, т.к. они по умолчанию понятны носителю языка: снег – белый и чистый противопоставляется саже – черной и грязной. Соответственно, человек может говорить об очень хороших и правильных вещах, а поступать прямо противоположным образом. Аналогично, все носители русского языка знают, что мед сладкий, а полынь – горькая, поэтому сладкие речи сравниваются с горькими последствиями плохих поступков, дел. Реже встречается сопоставление левой и правой части пословиц с бессоюзной связью: *Хитрый как лиса, труслив как заяц*. В данном случае основания *хитрый* и *трусливый* не противопоставляются.

В-третьих, особый разряд составляют пословицы, левая часть которых содержит сравнение, а правая часть является пояснением сравнения: *Прямой что слепой: ломит зря; Попросту, как похолсту: все гладко*.

Эксплицитно выраженное в русских пословицах сопоставление с помощью сравнительных оборотов дает однозначную негативную характеристику и прямо оценивает субъект сравнения. Так, персонифицированная лесть предстает в виде агрессивного существа: *Лесть словно зубами съест*. За внешним демонстрируемым лукавством (лестью и лицемерием) кроется злобная истинная сущность: *В глазах — как лисица, а за глазами — как волк*. Только одна пословица о лукавстве имеет положительную оценку: *Всюду захож — как медный грош* (о человеке, которому все рады).

Лишь небольшое количество рассматриваемой группы пословиц откровенно дидактичны, например: *На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь.*

Большинство пословичных единиц имеют констатирующий характер: описывают сложившуюся ситуацию (*Опутали — как волка тенетами*), поведение человека (*Играет, как кот с мышкой; Крутит, как пес хвостом; Отыгрывается, как лиса хвостом*) или дают характеристику личным качествам субъекта (*Хитрый как лиса, труслив как заяц*). Характеризоваться может лицемерное показное отношение к чему-либо: *Противно, как нищему гривна*. Данная пословица иронична, что в целом характерно для многих русских паремий. Часто через сравнение характеризуются слова человека, поскольку лесть вербальна – при этом субъектом сравнения могут выступать речи или сам говорящий: *Речи, как мед, а дела, как полынь; Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь); Бахарь, что сахар, а в подонках пушина (бахарь – ‘сказитель, обычно слепой старец’, пушина ‘острая трава, осока’); Что клеит, говорит (т. е. складно, да лукаво); Словами, что листьем, стелет, а делами, что иглами, колет*. При этом слова противопоставляются очень важному концепту русской ментальности – делу.

Следует отметить, что простота и прямой человек подвергаются характеристике с помощью сравнительных оборотов гораздо реже, чем лесть, хитрость и лукавство. Выделяются только 5 единиц о простоте: *Попросту, как похолсту: все гладко; Прост, как свинья, а лукав, как змея; Прямой как шальной; Прямой что слепой: ломит зря; Прямой что дурной*. Только первая из приведенных пословиц имеет мелиоративную оценку, выражая идею о том, что жить и действовать лучше без затей, в этом случае всё будет хорошо и спокойно.

Если рассматривать пословицы с точки зрения образности, то в рассматриваемой группе изречений используются зоонимы – *пес, сорока, лиса, кошка, свинья, волк, змея*, причем часто фигурирует такая часть тела животного, как *хвост* – символ заметания следов, сокрытия чего-либо;

встречаются наименования денежных единиц – *гривна, грош*; лукавый человек уподобляется *дырявому карману*, которому нельзя доверять. Интересно, что для образного уподобления прямого человека используются субстантивированные наименования лиц: *слепой, шальной, дурной* – все они номинируют человека неадекватного.

2. Следующим по объему разрядом пословиц, эксплицитно выражающим сравнение, являются *единицы, включающие в свой состав прилагательные или наречия в форме сравнительной степени* (15 единиц).

Данные паремии в основном содержат суждения о простоте (прямоте) и хитрости. Две единицы касаются лести.

Пословицы этой группы выражают следующие когнитивные признаки:

- 1) ‘простота может быть губительна для человека’, данные единицы оценочно амбивалентны: с одной стороны, *Простота хуже воровства: с простоты люди пропадают, Простота нуще воровства*; но, с другой стороны, *Простота дороже красоты*. 2) ‘Хитрый человек находится в более выигрышном положении’: *Лисичка всегда сытей волка бывает (или: живет); Кто хитрее, тот победит быстрее*. 3) ‘На каждого хитреца всегда найдется кто-то более хитрый’: *Хитра, мудра казанская, а хитрей ее астраханская, Просчитался злодей: враг хитер, а мы хитрее; Хитра лиса, но еще хитрее – кто ее ловит*. 4) ‘Хитрость предпочтительнее силы’: *Хитрость паче силы*. Особенно это проявляется при определенных обстоятельствах: *На войне хитрость приносит больше пользы, чем сила*; 5) ‘Добро сильнее рациональной хитрости’: *Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости: добро и тварь помнит*. Правая часть данной пословицы раскрывает смысл левой. 6) ‘Существует предел хитрости и прямоты, который трудно превзойти’: *Прямое прямее не будет; Хитрее теленка не будешь: языком под себя не достанешь*. Последняя пословица иронична, правая ее часть раскрывает мысль, выраженную в левой части. Эталоном хитрости выступает лиса: *Хитрее лисы нет зверя*. Пословицы считают, что лучше не переходить негласную границу хитрости: *Лучше недохитрить, чем перехитрить*. 7)

Пословицы о лести противоречивы: с одной стороны, ‘человека, которому не льстят, больше уважают’: *Меньше лести – больше чести*. С другой стороны, ‘лесть может оказаться предпочтительнее правды’: *Иногда и лесть лучше правды*.

3. Пословицы с существительными в творительном падеже в значении сравнения (10 единиц) также эксплицитно выражают когнитивную операцию сопоставления.

В творительном падеже сравнения в пословицах употребляются такие существительные как противопоставляемые друг другу зоонимы *лиса* и *волк*: *Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком; Глядит лисой, а пахнет волком*. Как и в первом разряде паремий со сравнительными оборотами, лиса – символ хитрости и лицемерия (*Лисой пройти*), а волк – истинной сути человека, злобы. В качестве эталонов сравнения льстеца и лицемера выступают также зоонимы *кошка*, *уж*, *жаба*, *змея*: *Лисой ухаживает, кошкой увивается; Вьется и ужом и жабою; Змеей извивается*.

Эталонами в сравнениях служат также наименования предметов, по форме напоминающих позу человека, желающего выслужиться перед другим: *Согнулся дугой, да и стал как другой; Он перед начальством смычком (лучком) стоит*. Ср. также такой объект сравнения для желающего войти в доверие человека, как *масленный блин*, легко проскальзывающий в рот: *Блином масленным в рот лезет*.

Особо выделяются лицемерные слова: *Говорит крестом, а глядит пестом*. В данной пословице наличествует противопоставление, выраженное синтаксически противительным союзом «а». Противопоставляются речь (*говорит крестом*, т.е. по христианскому обычаю, смиренно) и выражение лица, взгляд льстеца (*глядит пестом*, т.е. угрожающе, враждебно: *пест* – короткий тяжелый стержень с округлым концом для толчения чего-либо в ступе).

4. Имплицитно сравнение представлено в пословицах, представляющих собой *предложения тождества* (6 единиц).

В данном типе пословиц хитрость оценивается положительно: *Хитрость — второй ум*. Ср. также «отрицательное предложение тождества», по терминологии З.К. Тарланова [Тарланов, 1999] или «дезиндифицирующую» пословицу, по терминологии Т.Г. Бочиной [Бочина, 2002]: *Хитрость не дурость, второй ум в голове*.

Лесть, льстец и лицемер получают отрицательную оценку, уподобляясь соответственно: лести — чести, оказываемой дьяволу; лицемерие — службе черту, льстец, говорящий красивые слова, — злодею или змею, скрывающемуся под цветами. Ср.: *Лесть — дьяволу честь; Ласкатель — тот же злодей; Льстец под словами — змей под цветами; Душой кривить — черту служить*.

5. Пословичные сравнения, выраженные формой синтаксического параллелизма (7 единиц)

В пословицах данного разряда выражаются семантические отношения противопоставления. Противопоставление может быть выражено сложным предложением с союзной связью — с помощью противительного союза «а», а также бессоюзной связью.

Как и в пословицах рассмотренных выше разрядов, в единицах данной группы выражается идея о том, что хитрость предпочтительнее силы: *Хитростью поймешь даже льва, а силой не поймешь и сверчка*. Противопоставляются зооморфные образы крупного хищника — льва и мелкого насекомого — сверчка. Пословица сопоставляет лицемера и завистника, измеряя используемые ими абстрактные средства достижения цели с помощью образного параллелизма с хозяйственно-бытовыми реалиями-ёмкостями — мешком и горшком: *У лицемера хвалы горшок, а у завистного хулы мешок*. Особо выделяются льстивые слова, мягкие и сладкие, они контрастируют с образом льда, противопоставляя таким образом внешний поверхностный уровень, то, что находится «на языке» и

внутренний, скрытый уровень, отражающий истинную сущность намерений человека – «под языком», «на сердце»: *На языке мед, а под языком лед; На языке медок, а на сердце ледок.*

Пословичные единицы этой группы противоречивы. С одной стороны, простота оценивается положительно, а хитрость – отрицательно, простота угодна Богу: *Где просто, там ангелов со сто; где хитро (где мудрено), там ни одного.* Противопоставление усиливается за счет количественных характеристик: *сто* и *ни одного*. С другой стороны, пословицы признают, что хитрому человеку живется лучше: *Хитрый Митрий, простоват Ипат; Митрий живет — славится, у Ипата все из рук валится.*

Во всех пословицах данного разряда важную роль играет рифма.

6. Пословицы с притяжательными прилагательными (4 единицы)

Пословицы данного разряда также построены по принципу синтаксического параллелизма, но содержат дополнительно в качестве компонента притяжательное прилагательное, что делает выражение сравнения более эксплицитным. Противопоставляются опять же через зооморфные образы лисы и волка внешнее и внутреннее в льстеце и лицемере. При этом задействованными оказываются партитивы *рот*, *зубы*, как метонимические обозначения агрессивности и злобы, и *хвост*, маскирующий, заматающий истинную сущность: *Лисий хвост, да волчий рот; И волчий рот (зубы), и лисий хвост; Где волчий рот, а где лисий хвост.* Пословицы предупреждают, что нельзя доверять покаянию злого человека и мнимому неведению хитрого: *Волчья кайка, да лисья незнайка.* Лицемер может искусно притворяться, под овечьей кротостью и звучанием слов скрывается истинная натура: *Звяга-то овечья, а сыть-то человечья.*

В плане выражения рассмотренных пословиц русского языка можно отметить такие сферы сопоставления, как **Человек – Животное** (самая частотная модель): *Прост, как свинья, а лукав, как змея; Лисой ухаживает, кошкой увивается;* **Человек – Артефакт**: *Согнулся дугой, да и стал как другой; Говорит крестом, а глядит пестом;* **Абстрактное – Человек**: *На*

одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь; Абстрактное – Абстрактное: Лесть – дьяволу честь; Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости; Человек – Человек: Ласкатель – тот же злодей; Прямой как шальной.

Следующий раздел, посвященный анализу зоонимных образов в пословицах, основан на статье автора: Чжао Сыминь 2020.

2.2.4. Зоонимные образы в пословицах концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО»

Объектом исследования в данном разделе являются пословицы концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО», в которых фигурирует зооним или отзоонимное прилагательное. Такие пословицы обладают большим иносказательным потенциалом. Лингвокогнитивный анализ этих пословиц позволит выявить стереотипные представления русского народа о животных и соотношение между образами животных и вербализованными в пословицах концептами.

Из словарей было отобрано 85 пословиц с компонентом-зоонимом, среди них самыми частотными компонентами-зоонимами в пословицах являются *лиса* (24 единицы), *волк* (21 единица), *птица* (18 единиц), *кот/кошка* (9 единиц), *коза/ овца* (8 единиц), *собака* (7 единиц), *змея* (6 единиц), *рыба* (6 единиц), *насекомое* (4 единицы) и *мышь* (3 единицы). Следует отметить, что нередко в одной пословице фигурируют два зоонима. Далее рассмотрим эти пословицы детально.

1. Лиса – волк – коза/овца

Лиса/лисица является самым частотным компонентом-зоонимом в исследуемых пословицах. Данный факт легко объясняется тем, что лиса – это символ хитрого обманщика и корыстного льстеца в сознании русского народа (Кузнецов 2000: 89). Об этом свидетельствуют следующие пословицы, содержащие несколько когнитивных признаков:

Хитрый человек использует любую возможность ради выхода из трудного положения или достижения выгоды: *Лисица от дождя и под бороной ухоронится; Трудно лисе лапку положить, а то и вся взберется.*

Дело зачастую обстоит не так просто, как кажется, особенно когда имеешь дело с хитрым человеком: *Весь бы прост, да привязан хвост (лисий); Когда ищешь лису впереди, то она назади.*

Стоит отметить, что в русских пословицах часто фигурирует хвост лисы. С одной стороны, лисий хвост служит для того, чтобы замести следы преступления или хитрости, избежать наказания. С другой стороны, хвост символизирует лисье лукавство и интриги. В пословицах с этим компонентом вербализованы следующие когнитивные признаки:

Хитрый человек стремится избежать ответственности после совершения плохого поступка: *Лиса своего хвоста не замарает; Накрылся, что лиса хвостом; Старая лиса рыльцем роет, а хвостом след замает.*

Под личиной мягкости и доброты может скрываться корыстный, алчный и злой человек: *Лисий хвост, да волчий рот.*

Хитрость не всегда помогает найти выход из неблагоприятной ситуации: *И лиса хитра, да шкуру ее продают.*

Будучи другим представителем семейства псовых, волк тоже довольно активно фигурирует в вербализующих концептуальное поле «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» пословицах. О хитрости и лицемерии волка говорят следующие единицы: *Волк в овечьей шубе (шкуре); Верь волчьим слезам.* Однако уступая лисе в хитрости, волк отличается своей явной хищностью. Неслучайно в русских пословицах одновременно встречаются компоненты *лиса* и *волк*, данные паремии выражают следующие когнитивные признаки:

Хищность хитрости не противоречит: *Глядит лисой, а пахнет волком; Лисий хвост, да волчий рот.*

Хитрый человек проявляет свое истинное лицо после достижения цели: *Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком.*

Тот, кто умеет скрывать свою хищность, получает больше выгоды: *Лисичка всегда сытей волка бывает (или: живет); Волк – голодай, лиса – лакомка; Лиса семерых волков проведет.*

Злому и хитрому трудно взаимодействовать: *Не сподручно волку с лисой промышлять (из сказки).*

Существует еще один признак в русских пословицах, в которых может употребляться как зооним *волк*, так и *лиса* – **старший хитрее младшего благодаря своей опытности:** *Старого волка в тенета не загонишь; Старую лису хитростям не учить; Старая лиса рыльцем роет, а хвостом след замечает.*

Интересно, что как естественные враги в живой природе, оппозиция «волк – коза/овца» нередко фигурирует в пословицах, в которых овца обычно становится жертвой волка:

Лицемерный человек обращается с другим ласково и дружелюбно ради своей корыстной цели: *Звал волк козу на пир, да коза нейдет; Любит, как волк овиу.* (Данный признак также наблюдается в пословице *Кормят вола, чтоб кожа была гладка*).

Когда человек нуждается в другом, то относится к нему ласково, а когда уже не нуждается, то его отношение резко меняется: *Манят: козанька, козанька, а приманят: волк тебя съешь!*

О ситуации, когда найдено решение, одинаково удобное для обеих сторон, говорят: *И волки сыты, и овцы целы.*

2. Кошка/кот – мышшь

Кошка представляет собой популярное домашнее животное в России и во всем мире. Ее поведение описывается в плане выражения пословиц: *Лисой ухаживает, кошкой увивается; Эти кошки облизали ножки; У кошечки когти в рукавичках (в перчатках); Лукавый — как кошка: спереди лапу дает, а сзади дерет.* В плане содержания этих пословиц явно воплощается концепт ДВУЛИЧИЕ. Кошка выглядит мило и ласково, любит ластиться, хочет человеку понравиться, войти в доверие, но нельзя забывать об острых когтях,

готовности поцарапать. В переносном смысле речь идет об опасности, исходящей от двуличного человека, и его льстивом поведении. (Ср. пословицу *У того голубочка велики (остры) зубочки*).

В пословичном изречении *Он, как кошка, все на ноги падает* выражается такой когнитивный признак — **Хитрый человек умеет оставаться невредимым, избегать беды, выкручиваться из трудных ситуаций.**

Единицы *Кому скоромно, а нам на здоровье (сказал кот Евстафий, постригшись и посхимившись, да поймал мышку)* и *Постригся кот, посхимился кот, а все тот же кот* говорят о неискренности, лицемерии человека. Человек принял монашество, но при это нарушает правила и не ест постную пищу, а ведет себя как обычно. В этих пословицах выражается идея о том, что **как бы внешность или условия жизни человека ни менялись, его сущность не изменится.**

Еще одной оппозицией в рассматриваемых пословицах является противопоставление кота и мыши. Пословица *Это мыши кота погребают* говорит о притворной печали, о лицемерии человека. (О притворной печали также говорит пословица *Плакала кукушка, что детей отдала в люди*).

3. Птица

Пословицы с компонентом-названием птицы и с гиперонимом *птица* вербализуют концепт ЛЕСТЬ. Такую ассоциацию, на наш взгляд, можно объяснить тем, что птицы красиво поют. Поэтому логично сравнивать пение птиц с льстивыми словами. В некоторых пословицах описывается образ птицы, которая любит слушать и говорить льстивые слова. Нами были обнаружены следующие когнитивные признаки в данной группе пословиц:

Человек склонен слушать льстивые слова: *Птицу кормом, а человека словом обманывают; Падок соловей на таракана, человек – на льстивые речи.*

Льстивые слова лишают человека бдительности: *Коли птицу ловят, так ее сахаром кормят.*

Льстец характеризуется двуличностью: *Поет как соловей, а кусает как гадюка; Поет соловьем, а рыщет волком.*

Образ хитрой сороки наблюдается в следующих единицах: *Вильнет умом, как сорока хвостом; Знает сорока, где зиму зимовать!* При этом последняя пословица тесно связана с тем фактом, что зимой сороки предпочитают оставаться в родных местах, находясь в постоянной близости к человеку, что позволяет им легче найти еду. Пословица намекает на хитрого человека, который всегда найдет выход из трудной ситуации.

О том, что лукавый человек производит ложный маневр, вводит в заблуждение, говорится в пословице *Не там курица яйцо снесла, где кудахчет.*

4. Собака

Собака в русском языковом сознании является изворотливым животным. О ее хитрости свидетельствуют следующие пословицы: *Крутит, как пес хвостом; Полазчив пес, да и лиса хитра.*

А пословицы *Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой, Не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка хватает* и *Молчан-собака из-под подворотни хватает* содержат один когнитивный признак: **Не бойся тех, кто прям и честен, а бойся тех, кто скрытен и действует исподтишка.**

5. Змея

О лукавстве змеи говорят следующие пословицы: *Змеей извивается; Вьется ужом, а топорщится ежом; Прост, как свинья, а лукав, как змея.* Ассоциация змеи с лукавством, видимо, объясняется изворотливостью ее движения и переносным значением глаголов «извиваться» и «витьяся». А в пословице *«Льстец под словами – змей под цветами»* льстеца сравнивают со змеей. Данное сравнение обосновано тем, что оба они внешне красивы, но по сути своей ядовиты и опасны.

6. Рыба

Интересно, что в пословицах с компонентом-названием рыбы нередко фигурируют мотивы «опасность» и «недооценивание опасности», например: *Идет рыба на блевку (корм), идет на блесну (на оловянную рыбку); Постится щука, а пискарь не дремлет; Уснула щука, да зубы не спят; Это щучка, остренький носок (хитрец); Щуку съели, да зубы целы;* ироничная пословица *Утопили щуку*. В пословицах данной группы вербализован следующий признак: **Всегда нужно быть настороже, даже если кажется, что опасности нет.**

7. Насекомое

В русских пословицах пчелиный мед широко сравнивается с лестью, так как оба они имеют две стороны: наслаждаясь сладким вкусом, можешь испытать боль пчелиного укуса: *Не поддавайся на пчелкин медок; у нее жало в запасе*. Пословица вербализует тот же когнитивный признак, что пословицы с компонентом-названием рыбы. Пословица *Мед сладко, а мухе падко* выражает признак **Человек склонен слушать льстивые слова.**

Итак, появление рассмотренных компонентов-названий животных в пословицах, вербализующих концептуальное поле «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО», неслучайно, оно обосновано опытом многовекового наблюдения народа-носителя языка за повадками, внешним видом, образом жизни данных животных. Некоторые когнитивные признаки выражаются пословицами с разными наименованиями животных, например, идея о том, что всегда нужно быть настороже, даже если кажется, что опасности нет, выражается и паремиями с компонентом-названием рыб и единицами с компонентом *пчелка*, а признак о склонности человека слушать льстивые слова в свой адрес вербализуется и пословицей с компонентом *муха*, и паремиями с компонентом-названием птиц. Кроме того, в исследованных пословицах часто выступают оппозиции зоонимов, что помогает образному восприятию хитрого и лицемерного человека и его «жертвы».

Интересно, что проанализированные пословицы с компонентом-зоонимом в основном вербализуют такие концепты, как ХИТРОСТЬ, двуличие, лицемерие и ЛЕСТЬ. А подобные единицы, воплощающие концепты ПРОСТОТА и ПРЯМОТА встречаются редко, что свидетельствует о том, что в исследуемом нами фрагменте провербиального пространства фигурирующие в подавляющем большинстве пословиц зоонимы символизируют именно человека с отрицательными качествами.

2.3 Макро- и микроконцепты концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в русском провербиальном пространстве

2.3.1. Концепты ХИТРОСТЬ и ПРОСТОТА в русском провербиальном пространстве

Данный раздел, посвященный анализу пословичного концепта ХИТРОСТЬ, основан на статье автора (Чжао, 2022 - а).

Эти два концепта, на наш взгляд, целесообразно рассматривать вместе, так как они часто противопоставлены и взаимосвязаны между собой в провербиальном пространстве, а также могут одновременно фигурировать в одной пословице.

В толковом словаре определение лексемы «хитрость» приводится отсылочно к однокоренному прилагательному «хитрый». По определению Н.Ю. Шведовой, слово «хитрый» обозначает: 1) ‘изворотливый, скрывающий свои искренние намерения, идущий обманными путями’; 2) ‘лукавый, обнаруживающий какой-н. скрытый умысел, намерение’; 3) ‘изобретательный, искусный в чем-н.’; 4) ‘замысловатый, мудреный’ [Шведова, 2008: 1063]. Основываясь на дефинициях словаря, можно сделать вывод о том, что *хитрость*, *хитрый* в языке оцениваются и отрицательно (значение 1), и нейтрально (значения 2, 4), и положительно (значение 3). ХИТРОСТЬ рассматривается нами как микроконцепт в составе

макроконцепта ЛУКАВСТВО, поэтому интерес для нашего исследования представляют первые три значения слова.

Когнитивная интерпретация пословичных единиц путем ранжирования всех когнитивных признаков концепта ХИТРОСТЬ по частотности позволила получить следующие результаты:

1. Хитрец изобретателен (30 единиц): *Когда ищешь лису впереди, то она назади; Сам наперед бежит, а кричит: держи вора!; Не укусил, так подуськал (натравил); У иноходца тысяча путей, у хитрого тысяча слов; На семи сидел, а десять вывел; Битый небитого на руках носит; Нельзя перескочить, так можно подлезть; Всюду захож — как медный грош; Хитрый всегда лазейку найдет; Хватил коречком (ковшом), да ушел бочком и др.*

В этой группе выделяются иронические единицы: *Милости прошу к нашему грошу со своим пятаком; Вашим добром, да вам же челом.*

1.1. Хитрец умеет оставаться невредимым, избегать беды, выкручиваться из трудных ситуаций: *Знает сорока, где зиму зимовать; Лиса своего хвоста не замазает; Лисица от дождя и под бороной ухоронится; И рыбы наловит, и ног не замочит.*

2. Хитрость не всегда приводит к желаемому результату (20 единиц): *Как ни хитри, а два да один — все три; Можно перехитрить одного, но нельзя перехитрить всех; У хитрости тараканьи ножки; Как ни хитрил, а на то же своротил; Не все, что вздумано хитро, прочно и добро и др.*

2.1. Хитрость может привести к плохому результату: *У хитрого начала скандальный конец; Маслян ком и прошел кувырком, да что-то отрыгается; Тот к добру не управит, кто в делах лукавит; Злой с лукавым водились, да оба в яму ввалились; Будешь лукавить, так черт задавит; Хитростью свет пройдешь — назад не воротишься.*

2.2. Хитрость рано или поздно обнаруживается: *Как ни хитри, всех ниток не спрячешь; Как ни хорони концов, а выйдут наружу; Вилял-вилял да на вилы попал; Хитри, да хвост береги; Как ни хитри, а всё наружу выйдет.*

2.3. Правда сильнее хитрости: *Как ни хитри, а правды не перехитришь.*

2.4. Против дурака хитрость «не работает»: *Как ни хитри, а дурака не перехитришь.*

2.5. Одной хитрости для достижения нужного результата недостаточно: *На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь.*

3. Нужно быть осторожным с хитрецом, не надо ему верить (14 единиц): *Трудно лисе лапку положить, а то и вся взберется (от сказки); С хитрецом водиться — в оба глаза глядеть (бдительность); Говоря с хитрецом, взвешивай ответ свой; Не верь малому да лукавому; В лукавом правды не сыщешь; Разговорам не дивись, на хитрость не ловись; Человек лукавый — что карман дырявый.*

3.1. Хитрец намеренно вводит в заблуждение: *Не всяк спит, кто храпит; Не там курица яйцо снесла, где кудахчет; Бог суди твои костыли (О человеке, притворяющемся инвалидом).*

Из них 3 единицы иронические, близкие по структуре: *Заговелась лиса: загоняй гусей; Постится щука, а пескарь не дремли; Уснула щука, да зубы не спят.*

4. Хитрость сулит преимущество над противником / врагом (11 единиц): *Схитришь — врага победишь; Умей своей хитростью из врага душу вытрясти; У хитрого солдата и рукавица — граната; Хитрость на войне нужна вдвойне; Будь хитер — направляй врага по ложному следу; Кто хитрее, тот победит быстрее.*

4.1. Хитрость нужнее (важнее) силы и смелости: *На войне хитрость приносит больше пользы, чем сила; Исход боя решает не тот, кто смелее, а тот, кто хитрее.*

4.2. Хитрость есть проявление смекалки: *Хитрость и сметка бьют врага метко; Смекнешь да схитришь — врага победишь; Кто смышлен да хитер, тот противнику нос утер.*

В данных ситуациях хитрость является достоинством и оценивается положительно.

5. Хитрость позволяет добиться своего (желаемого) (12 единиц): *Лиса хитростью берет; Лису хитрость кормит; Лиса живет хитростью, а заяц — прыткостью; Елохе (пройдохе) не живется плохо.*

5.1. Хитрость эффективнее силы: *Не гонкой волка бьют — уловкой; Хитрость паче силы; Хитростью силу борют; Где силой не возьмешь, там хитрость на подмогу; Льва ловят хитростью; Хитростью поймаешь даже льва, а силой не поймаешь и сверчка.*

5.2. Хитрый всегда сыт: *Лисичка всегда сытей волка бывает (или: живет); Волк — голодай, лиса — лакомка.*

6. Хитрость можно победить хитростью (7 единиц): *Лисица хитра, да шкуру ее купцам продают; Просчитался злодей: враг хитер, а мы хитрее; И хитрую лису можно изловить; Хитра лиса, но еще хитрее — кто ее ловит; Хитрость хитростью побеждают; Полазчив пес, да и лиса хитра; Хитра, мудра казанская, а хитрей ее астраханская.*

7. Хитреца трудно превзойти (победить) (7 единицы): *Коли поп Сеньку не обманет, так и Сенька попу правды не скажет; Поп Федьку не обманет, а Федька попу правды не скажет; Черт Ваньку не обманет: Ванька про него молитву знает; Клевать-то клюет, да на удочку нейдет; Хитрого да лукавого на кривой не объедешь; Вертляв: в него и в ступе пестом не угодишь; Вьюн: вокруг вьется, а в руки не дается.*

8. Хитрец умеет скрывать свою хитрость (5 единиц): *Тот не хитер, кого хитрым считают; Каждая хитрость прикрыта глупостью; Прищуривай, Агашка, на левый глаз; Прищуривай, на один глаз, хоть и смекаешь, да смалчивай; Глуп как свинья, а лукав как черт.*

9. Хитрость может представляться таковой только тому, кто действует каким-либо соответствующим его собственному представлению о хитрости образом (иронические пословицы) (3 единицы): *Хитрый! Ворота открыты, а он в подворотню лезет; Хитрый: есть ворота, а он забор ломает; Гость коли рано подымается, то ночевать хочет (о засидевшихся гостях).*

10. Хитрить надо в меру (4 единицы): *Перехитришь, так подметки не подкинешь; Всю хитрость не изучишь, а себя измучишь; Лучшие недохитрить, чем перехитрить; Хитрее теленка не будешь: языком под себя не достанешь.*

11. За хитрыми ловушками таится опасность (3 единицы): *В осмеры гости зовут, а все на правеж; Идет рыба на блевку (корм), идет на блесну (на оловянную рыбку); Звал волк коз на пир, да за гостинцами не идут.*

12. Хитрость – признак ума (4 единицы): *Хитрость и смекалка – родные сестры; Хитрость – второй ум; Хитрость не дурость, второй ум в голове; Перемудрил, так перетонил (т. е. перехитрил).*

13. Время и опыт научат хитрости (2 единицы): *Старую лису хитростям не учить; Жизнь научит хитрить.*

14. Все игроки – хитрецы (2 единицы): *В игре не без хитрости; Игрок кум вору.*

15. Женщина хитра по своей природе (2 единицы): *Золовка хитра на уловки; Лукавой бабы и в ступе не утолчешь.*

16. Бедный вынужденно хитер и изобретателен (1 единица): *Голь хитра, голь мудрена, голь на выдумки горазда.*

17. Хитрый глупец оценивается отрицательно, в отличие от хитрого умного (2 единицы): *Не бойся хитрого умного, бойся хитрого дурака; От хитреца да глупца добра не жди.*

18. Противопоставление хитрости и премудрости (1 единица): *Премудрость одна, а хитростей много.*

19. Хитрец превзойдет в хитрости прямого (1 единица): *Горбун прямика перехитрит.*

20. Злому и хитрому трудно взаимодействовать (1 единица): *Не сподручно волку с лисой промышлять.*

21. Хитрец тоже может допустить ошибку по неосторожности (1 единица): *И хитрая птица через свой клюв в силочек попадает.*

22. Хитрец использует труд других людей (1 единица): *Хитрый Митрий: нашими боками пашет, на своих отдыхает.*

23. Хитрость может быть направлена во благо (1 единица): *И гусь от гнезда отводит, собаку отманывает (дикий).*

24. Добро сильнее хитрости (1 единица): Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости: добро и тварь помнит.

25. Примитивная хитрость не ценится (1 единица): *Копеечной хитрости – грош цена.*

26. Мудрый может победить хитрого (1 единица): *На хитрость дай Бог мудрость.*

27. Всю жизнь хитрить не получится (1 единица): *Всякий хитрец в своей старости слепец.*

28. Власть является средством для хитреца (1 единица): *Что беснующемуся нож в руки, то лукавому власть.*

Из выявленных когнитивных признаков (КП) одни признаки характеризуют концепт ХИТРОСТЬ или человека-носителя данного качества «хитреца», например: ‘хитрость не всегда приводит к желаемому результату’, ‘хитрец всегда найдет нужный ему способ добиться своего’; а другие дают рекомендации, как тем, кто общается с хитрецами, так и самому хитрящему, например: ‘нужно быть осторожным и бдительным с хитрецом, не надо ему верить’, ‘хитрить надо в меру’.

Определение лексемы ПРОСТОТА также приводится отсылочно к однокоренному прилагательному «простой¹». По определению Н.Ю. Шведовой, слово «простой¹» включает в себя следующие значения: 1)

‘однородный по составу, не составной’; 2) ‘не сложный, не трудный, легко доступный пониманию, осуществлению’ 3) ‘безыскусственный, незамысловатый’; 4) ‘полн. ф. не лучшего качества, грубый по обработке’; 5) ‘добродушный, простодушный, не церемонный’; 6) ‘полн. ф. самый обыкновенный, не выделяющийся среди других’; 7) ‘полн. ф. принадлежащий к непривилегированным сословиям, не дворянский (устар.)’; 8) ‘глуповатый, недалёкий [первонач. неумный, глупый]’ [Шведова, 2008: 765].

Поскольку концепты, которые мы исследуем, в основном характеризуют качества человека, в фокус нашего внимания попадают только значения №5 и №8 этого слова. При этом из значений №2 и №3 мы учитываем только сему ‘не сложный для понимания человек’. Заметим, что пословиц, вербализующих концепт ПРОСТОТА, количественно гораздо меньше, чем пословиц о хитрости. Итак, когнитивная интерпретация пословиц путем ранжирования когнитивных признаков концепта ПРОСТОТА по частотности выглядит следующим образом:

1. Простота признается духовной ценностью (12 единиц):

Простота – половина спасенья; Простота да чистота – половина спасенья; Простота, чистота, правота – наилучшая лепота; Простота человека к богу приводит; В простых сердцах бог поживает; Где просто, там ангелов со сто; Живи просто, выживешь лет со сто; От чиста сердца чисто зрят очи; Простачкам Бог опекун; За нашу простоту обвенчают и в посту; Где нет простоты, там одни пустоты; Попросту, как по холсту.

2. Простота, с прагматической точки зрения, не приводит к хорошим результатам (5 единиц): *С простоты люди пропадают; Выть тебе волком за твою овечью простоту; Простота – дому пустота; Простота святая, да ее ж и на зубы поднимают; Кому невдомек, так добрый человек.*

3. Простой человек добрый, не делает другим зла (2 единицы): *Наши Авдей никому не злодей, а наши Демид прямо глядит; Простота – безо зла;*

4. Человек иногда не является таким простым, как об этом думают (2 единицы): *Наш Пахом с Москвой знаком; Он и Ивашка, да не промашка.*

5. Простота иногда хуже воровства (2 единицы): *Бывает и простота хуже воровства; Простота пуще воровства.*

6. Простота важнее красоты (1 единица): *Простота дороже красоты.*

7. Простота может быть лучше замысловатости (1 единица): *Замысловато, да туповато; просто, да остро.*

8. Непростого человека трудно раскусить (1 единица): *Тугонек я тебе орешек дался.*

9. В трудных условиях все люди простые, им не до хитрости (1 единица): *Среди поста и матушка проста.*

Когнитивная интерпретация пословиц, одновременно вербализующих концепты ХИТРОСТЬ и ПРОСТОТА представлена ниже:

1. Хитрец только выглядит просто (4 единицы): *Весь бы прост, да привязан хвост (лисий); Сам, кажись, и прост – да увяз хвост; На вид простак, а в душе хитряк; Прост, как свинья, а лукав, как змея.*

2. Хитрость и простота противоположны (2 единицы): *Тут пито, едено по простоте, без хитрости; Правдивому мужу лукавство не под нужу.*

3. Простота доведет до добра, хитрость доведет до зла (2 единицы): *Где просто, там ангелов со сто; где хитро (где мудрено), там ни одного; Живучи просто, доживешь лет до ста; а кто лукавит, того скоро черт задавит.*

4. Хитрец любит иметь дело с простым человеком (1 единица): *На простака хитрецы падки.*

5. Иногда простота оказывается более действенной, более эффективной, чем хитрость (1 единица): *На иную хитрость станет и простоты!*

6. Хитрость и простота взаимосвязаны (1 единица): *Что хитро, то и просто: девятью десять девяносто.*

7. На простоту отвечают простотой, на хитрость отвечают хитростью (1 единица): *Коли ты спроста, и я спроста; коли ты с хитрости, и я с хитрости.*

8. Простой (примитивной) хитростью ничего не добьешься (ирония) (1 единица): *Кабы на твою хитрость, да не моя простота!* В данной пословице простота является мнимой.

Полевая структура концепта ХИТРОСТЬ может быть представлена в следующем виде:

Ядро (2 КП):

Хитрец изобретателен (19.4% всех пословиц), Хитрость не всегда приводит к желаемому результату (12.9%)

Ближняя периферия (3 КП):

Нужно быть осторожным и бдительным с хитрецом, не надо ему верить (9.0%), Хитрость помогает победить на войне (7.7%), Хитрость позволяет добиться своего (7.7%)

Дальняя периферия (7 КП):

Хитрость можно победить хитростью (4.5%), Хитреца трудно превзойти (победить) (4.5%), Хитрец умеет скрывать свою хитрость (3.2%), Хитрость может представляться таковой только для того, кто действует каким-либо соответствующим его представлению о хитрости образом (иронические) (2.6%), Хитрить надо в меру (2.6%), Хитрость – признак ума (2.6%), Хитрец только выглядит просто (2.6%)

Крайняя периферия (24 КП):

За хитрыми ловушками таится опасность (1.9%), Хитрость и простота противоположны (1.3%), Простота доведет до добра, хитрость доведет до зла (1.3%), Время и опыт научат хитрости (1.3%), Все игроки – хитрецы (1.3%), Женщина хитра по своей природе (1.3%), Хитрый умный оценивается положительно, в отличие от хитрого дурака (1.3%), Хитрец любит иметь дело с простым человеком (0.6%), Иногда простота оказывается более действенной, более эффективной, чем хитрость (0.6%),

Хитрость и простота взаимосвязаны (0.6%), На простоту отвечают простотой, на хитрость отвечают хитростью (0.6%), Простой (примитивной) хитростью ничего не добьешься (ирония) (0.6%), Бедный вынуждено хитер и изобретателен (0.6%), Противопоставление хитрости и премудрости (0.6%), Хитрец превзойдет в хитрости прямого и простого (0.6%), Злому и хитрому трудно взаимодействовать (0.6%), Хитрец тоже может допустить ошибку по неосторожности (0.6%), Хитрец использует труд других людей (0.6%), Хитрец может действовать во имя спасения близких (0.6%), Добро сильнее хитрости (0.6%), Примитивная хитрость не стоит (0.6%), Мудрый может победить хитрого (0.6%), Всю жизнь хитрить не получится (0.6%), Власть является средством для хитреца (0.6%)

В ходе анализа исследуемых нами единиц нас интересовали также концепты, имеющие системные связи с концептом «ХИТРОСТЬ». Как отмечают ученые, концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами [Попова, Стернин 2007: 26]. Нами были выявлены следующие концепты, часто фигурирующие одновременно с рассматриваемым концептом в провербиальном пространстве:

1) Концепт УМ: *Хитрость не дурость, второй ум в голове; Хитрость и смекалка — родные сестры; Не бойся хитрого умного, бойся хитрого дурака* и др.

2) Концепт СИЛА: *Хитростью силу борют; Где силой не возьмешь, там хитрость на подмогу* и др.

3) Концепт ВОЙНА: *Хитрость на войне нужна вдвойне; Хитрость и сметка бьют врага метко* и др.

Итак, в результате когнитивного анализа материала, можно сделать следующие выводы о концепте ХИТРОСТЬ:

Положительная оценка в структуре концепта ХИТРОСТЬ характерна для 14.8% когнитивных признаков (например: *Хитрость помогает победить на войне*), ироническая оценка – для 4.5%, отрицательная оценка – для 33.3%,

среди последних в одних признаках внимание обращается на вред, наносимый хитрым поведением другим людям (например: *‘Хитрец использует труд других людей’*), а другие признаки акцентируют возможность получения хитрецом нежелательного для него результата (например: *‘Хитрость не всегда приводит к желаемому результату’*), что говорит о том, что концепт ХИТРОСТЬ в пословицах оценивается по моральному и прагматическому критериям. Неоценочные признаки составляют всего 19% от общего числа признаков. А для уточнения оценки остальных 28.4% признаков необходимо учитывать ситуацию употребления конкретных пословичных единиц, иначе говоря, в данном случае оценка зависит от того, с какой целью (доброй или дурной) используется хитрость.

В ядре и ближней периферии концепта доминируют прагматические признаки, при этом подавляющее большинство непрагматических и описательных признаков относятся к крайней периферии концепта, что свидетельствует о том, что основное внимание в пословицах уделяется прагматической стороне концепта ХИТРОСТЬ, а именно результатам и выгодам, которые может принести хитрость. Периферийная часть пословичного концепта позволяет сделать вывод о том, что в роли «хитреца» могут выступать игроки, женщины, неимущий человек, а также жители определенных городов – казанцы и астраханцы.

В проverbsиальном пространстве концепт ХИТРОСТЬ взаимосвязан с такими концептами, как «война», «ум» и «сила»: хитрость считается необходимой на войне для борьбы с врагом. Наряду с этим, концепт ХИТРОСТЬ нередко сравнивается с концептами «ум» и «сила»: во-первых, хитрость эффективнее силы; во-вторых, хитрость в одних единицах рассматривается как признак ума, а в других единицах описывается хитрый глупец, что свидетельствует о том, что ХИТРОСТЬ не всегда сочетается с умом.

Полевая структура концепта ПРОСТОТА может быть представлена в следующем виде:

Ядро (1 КП):

Простота признается духовной ценностью (30.0%)

Ближняя периферия (2 КП):

Простота, с прагматической точки зрения, не приводит к хорошим результатам (12.5%), Хитрец только выглядит просто (10.0%)

Дальняя периферия (5 КП):

Простой человек добрый, не делает другим зла (5.0%), Человек иногда не такой простой, как об этом думают (5.0%), Простота иногда хуже воровства (5.0%), Простота доведет до добра, хитрость доведет до зла (5.0%), Хитрость и простота противоположны (5.0%)

Крайняя периферия (9 КП):

Простота важнее красоты (2.5%), Простота может быть лучше замысловатости (2.5%), Непростого человека трудно раскусить (2.5%), В трудных условиях все люди простые, им не до хитрости (2.5%), Хитрец любит иметь дело с простым человеком (2.5%), Иногда простота оказывается более действенной, более эффективной, чем хитрость (2.5%), Хитрость и простота взаимосвязаны (2.5%), На простоту отвечают простотой, на хитрость отвечают хитростью (2.5%), Простой (примитивной) хитростью ничего не добьешься (ирония) (2.5%)

Положительная оценка в структуре концепта ПРОСТОТА характерна для 47.5% когнитивных признаков, ироническая оценка – для 5%, отрицательная оценка – для 15%. Неоценочные/описательные признаки составляют всего 32.5% от общего числа признаков. Как и концепт ХИТРОСТЬ, ПРОСТОТА в проverbsиальном пространстве также оценивается по моральному и прагматическому критериям. По моральному критерию, простота в подавляющем большинстве случаев оценивается положительно, простота святая и простой человек не делает другим зла. А с прагматической точки зрения, ПРОСТОТА оценивается амбивалентно, с одной стороны, простота не приносит человеку хорошего результата, а с другой, простота

иногда оказывается более действенной и эффективной, чем хитрость и замысловатость.

В ядре концепта доминирует моральный признак ПРОСТОТЫ, в данной части с простотой связаны такие сакральные лексемы, как чистота, спасенье, Бог и ангел. Периферийная часть концепта показывает, что в проverbsиальном пространстве ПРОСТОТА сравнивается с красотой, воровством и замысловатостью.

Выделяются пословицы, в которых одновременно фигурируют концепты ХИТРОСТЬ и ПРОСТОТА. Данные единицы амбивалентно описывают взаимоотношение между ними: в одних единицах хитрость и простота противопоставляются, выбор обычно делается в пользу простоты; а в других речь идет о примитивной хитрости. Интересно также то, что хитрость тесно связана с обстановкой, в которой находится человек: человеку в трудных условиях не до хитрости.

Следующий раздел, посвященный анализу пословичных концептов ЛИЦЕМЕРИЕ, ЛЕСТЬ и ДВУЛИЧИЕ, основан на статье автора (Чжао, 2022 - в).

2.3.2. Концепты ЛИЦЕМЕРИЕ, ЛЕСТЬ и ДВУЛИЧИЕ в проverbsиальном пространстве русского языка

По определению Н.Ю. Шведовой, слово «лицемерие» обозначает ‘поведение, прикрывающее неискренность, злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью’ [Шведова, 2008: 411]. По данным толкового словаря, слово «двуличие» толкуется с отсылкой к определению лицемерия: ‘ср. лицемерие, неискренность’ [Шведова, 2008: 183]. Для нас важно выявить оттенки семантики этих двух синонимов в проverbsиальном пространстве.

Лицемерный человек, с одной стороны, прикрывает свое настоящее и иногда даже опасное лицо безобидной видимостью или маской, о чем свидетельствуют пословицы: *В смирном платье, да не с такою думкой;*

Бородка Минина, а совесть глиняна и др., а с другой стороны, он думает одно, а говорит или делает другое, т. е. его речь и поступки не соответствуют его истинным мыслям, например: *Речами тих, да сердцем лих; Голосом завывает, а сердцем кутьи поджидает (плакуша)*.

В отличие от лицемера, в двуличном человеке уживаются две личности: *У того голубочка велики (остры) зубочки; Бархатный весь, а жальце есть*. Он ведет себя по-разному перед разными людьми, что описывается в пословицах *В людях ангел, а дома черт; Днем тихо, а ночью лихо; В глазах мил, за глаза постыл*. Очень часто эти две личности совершенно противоположны друг другу. Личность, которую проявляет человек «за глаза» или «ночью», скорее всего, является действительной. Следует отметить, что в таких пословицах часто фигурирует оппозиция «лиса – волк», символизирующая противопоставление вкрадчивого, мягкого с виду и злого, агрессивного по поведению человека: *В глазах – как лисица, а за глазами – как волк; Глядит лисой, а пахнет волком*. В единицах *Где в волчьей нагольной (шубе), где в лисьей под плисом; Где волчий рот, а где лисий хвост* подчеркивается гибкость двуличного человека, который ведет себя в зависимости от ситуации и использует свою двуличность в качестве тактики.

Наряду с этим двуличный человек говорит одно, а делает другое. Его поступки не соответствуют или даже совершенно противоположны его словам, что сообщается в следующих единицах: *Говорит направо, а глядит налево; Говорит прямо, а делает криво*. Речь может быть сладкой и красивой, а поступки – противоположными, например: *Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь); Словами, что листьём, стелет, а делами, что иглами, колет*.

Пословицы вербализуют не только характеристики человека-носителя лицемерия, но и лицемерные сочувствие, печаль, заботу, любовь и притворную бедность, например: *Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву; Плач голосист, а печаль смиренна; Целовал ястреб курочку до последнего перышка; Полно, друг, молоть, отдохни да потолки; Так*

прибеднится, что станового разжалобит. Данный факт, на наш взгляд, тесно связан с сочетаемостью прилагательных «двуличный» и «лицемерный» в русском языке: первое выступает главным образом в сочетании «двуличный человек», а круг сочетаемости второго намного шире.

Следует отметить, что в ироничных пословицах также описывается парадоксальная ситуация, характеризующая и оценивающая лицемера, который пытается скрыть свое желание и стремление, но не получается: *Противно, как нищему гривна; Он не пьет вина, глотает.*

Интересно также то, что в ироничных пословичных единицах отмечается изменение позиции наблюдателя. Как бы от лица лицемера реализуются такие единицы, как *Милости прошу к нашему грому со своим пятаком; Полно, друг, молоть, отдохни да потолки* (говорит лицемерная свекровь невестке); *Вашим добром, да вам же челом.* А в пословице *Не хвали меня в очи, не брани за глаза* говорящим является человек, который общается с лицемером или двуличным человеком. Они как будто бы напрямую разговаривают друг с другом: адресант навязывает другим свою неискреннюю похвалу, доброту и заботу; а адресат отвечает, используя императив глагола, и дистанцируется от этих неискренних действий со стороны адресанта.

Описывается также ощущение после общения с двуличным человеком: *Мягко съел, да черство в живот пошло; Сладко в рот, да горько в глот.* Ощущения говорящего, описываемые в левой и правой частях пословиц, диаметрально противоположны, что полностью соответствует двойственным действиям двуличного человека.

Слово «лесть» определяется в словаре как ‘лицемерие, угодливое восхваление’ [Шведова, 2008: 404]. Несмотря на то, что любое льстивое поведение без исключения является лицемерным, не все пословицы, вербализующие концепт ЛЕСТЬ, явно отражают и концепт ЛИЦЕМЕРИЕ (см. напр.: *Всем угодлив, так никому не пригодлив; Падок соловей на таракана, человек – на льстивые речи*). Синкретизм пословичных концептов

наблюдается лишь в тех единицах, которые описывают несоответствие слов льстеца его настоящим мыслям (см. напр.: *Сладкие уста — горькие сердца; На языке мед, а под языком лед*).

Подобно концепту ЛИЦЕМЕРИЕ, прототипическая коммуникативная структура ситуации «лесть» также включает адресанта – льстеца, адресата и саму лесть или льстивое поведение, при этом адресат и адресант связаны отношениями ориентационной метафоры «верх-низ» [Панченко 2008: 38], что обнаруживается в пословицах *Он перед начальством смычком (лучком) стоит; С просителем шибко, с начальством гибко*. Кроме субординации, отношения между льстецом и адресатом могут быть зависимыми, т. е. льстец в каком-то отношении опирается на адресата, что выражено в следующих пословицах: *Чей хлеб ем, того и песенку пою (того и вем); От кого чают, того и величают; В ком нужда, того знаем, как чувствовать*. Мотив льстеца также может заключаться в том, чтобы втереться в доверие к адресату, ослабить у него бдительность и причинить ему вред: *Лесть да мечь дружны; На хвалу недруга берегись; Лестью и душу вынимают*. Двуличный льстец описывается в следующих пословицах: *На словах его хоть выпись, а на деле и головы не приклонишь; В глаза не льсти, а за глаза не брани*.

Следует отметить, что льстивое поведение может быть и вербальным, и невербальным, например: *льстивая улыбка, взгляд и поза* (см. *Набьет улыбка оскомину; Ласки в глазки; Согнулся дугой, да и стал как другой*).

Итак, на основании проведенного анализа мы пришли к выводу, что двуличный человек отличается двойственным поведением в зависимости от того, перед кем он находится, а лицемер проявляет всегда только личину-маску, не раскрывая своего настоящего лица; льстец может быть двуличным; отношения между льстецом и адресатом могут быть подчиненными, зависимыми и враждебными.

Далее отдельно рассмотрим эти три концепта.

ЛЕСТЬ

Начнем с концепта ЛЕСТЬ. Можно выделить следующие когнитивные признаки концепта ЛЕСТЬ:

1. Человек льстит ради своих корыстных целей (14 единиц): *Тебя манят – твоих денег хотят; В душу вьется, а в карман глядит; Льстивые слова говорит, а сам в карман норовит; Чей хлеб ем, того и песенку пою; В душу влезет, а за грош продаст; Кабы я ведал, где ты ныне обедал, знал бы я, чью ты песню поешь; Для того свинья чужим (иным) голосом запела, что чужого хлеба поела; Которой рекой плыть, ту и воду пить (той и славу петь); От кого чают, того и величают; Потуда полыгал (рассказывал, забавлял), покуда ел; В ком нужда, того знаем, как чествовать; Не в том куту сидишь, не те песни поешь; Не его воз, не его и песенка; У кого видит, тому и бредит.*

Имплицитное пересечение концептов ДВУЛИЧИЕ и ЛЕСТЬ в некоторых из вышеперечисленных пословиц (См. например.: *Чей хлеб ем, того и песенку пою*) обусловлено тем, что льстец может постоянно менять адресата лести в зависимости того, от кого он может получить выгоду.

2. Льстец (лесть) могут быть опасны и губительны для того, кому льстят (13 единиц): *Кто много целует, редко не укусит; Льстец под словами – змей под цветами; Кем хвалился, от того и повалился; Лесть без зубов, а с костями съест; Лесть словно зубами съест; Не поддавайся на пчелкин медок; у нее жальце в запасе; Лестью и душу вынимают; Ласкатель – тот же злодей; Лесть да месть дружны; На хвалу недруга берегись; Не поздоровится от таких похвал; От иной похвалы хоть в землю уйти.* Здесь льстец является двуличным, так как он, с одной стороны, говорит сладкие слова, а с другой, причиняет другим вред.

3. Льстивым поведением усыпляют бдительность и вкрадываются в доверие (6 единиц): *Лестью вкрадываются в доверенность; Коли птицу ловят, так ее сахаром кормят; На словах твоих хоть выпись; Блином*

масленным в рот лезет; Этот человек без подмазки в душу влезет; Эти кошки облизали ножки.

4. Лъстец говорит одно, а думает по-другому (4 единицы): *Сладкие уста — горькие сердца; На языке мед, а под языком лед; На языке медок, а на сердце ледок; Уста медоточивые, а сердце смолой кипит.*

5. Лъстец ведет себя по-разному в зависимости от ситуации (3 единицы): *Согнулся дугой, да и стал как другой; С просителем ищбо, с начальством гибко; Ножки с подходом, ручки с подносом, сердце с покором, голова с поклоном, язык с приговором.* Очевидно, что в этом разряде единиц также одновременно вербализуются концепты ДВУЛИЧИЕ и ЛЕСТЬ.

6. Лесть и честь противопоставляются (3 единицы): *Меньше лести – больше чести; У лести нет чести; Встречай не с лестью, а с честью.*

7. Лесть расценивается как антиценность, осуждается (2 единица): *Лесть – дьяволу честь; Лихва да лесть дьяволу в честь.*

8. Лъстец присоединяется к мнению того, кто ему нужен, поддакивает (2 единицы): *Один поет – другой подыгрывает; Он и чужой песне подыгрывать умеет.*

9. Лесть – это обман (2 единицы): *Птицу кормом, а человека словом обманывают; Лесть сама себя обманывает.*

10. Человек любит слушать лесть (2 единицы): *Падок соловей на таракана, человек – на льстивые речи; Мед сладко, а мухе падко.*

11. Лесть может не привести к желаемому результату (2 единицы): *Не льсти: к празднику не возьмут; Не льсти: не к шерсти.*

12. Лъстец получает больше выгоды (2 единицы): *Ласковое теля двух маток сосет; Ласковы телятки сосут по две матки.*

13. Спорщик лучше того, кто во всем соглашается (2 единицы): *Не люби потаковицика (потакальщицика, потакалы), люби встречника; Не люби поноровицика, люби спорщицика (встречника).*

14. Лесть может иметь плохие последствия для лъстеца (1 единица): *Кабы не такал, так бы и не плакал (и не протакал).*

15. Человек льстит вышестоящим (1 единица): *Он перед начальством смычком (лучком) стоит.*

16. Явная лесть неприятна слушающему (1 единица): *Притворная лесть хуже полыни.*

17. Надо быть осторожным с лестью, критически относиться к лести (1 единица): *На хвалу оберегайся, а похулить и сам сумеешь.*

18. Лестец также является хитрецом (1 единица): *Лестец щурит очами.*

19. Человек, который старается всем польстить, никому не нужен (1 единица): *Всем угодлив, так никому не пригодлив.*

20. После льстивых слов остается осадок (1 единица): *Маслян ком и прошел кувыркком, да что-то отрыгается.*

21. Лести нужно учиться, это умение не прирожденное (1 единица): *Учатся лести, а гордость и сама вырастет.*

22. Даже злой человек умеет льстить (1 единица): *И у осы мед есть.*

23. Женская лесть не постоянна (1 единица): *Женская лесть по Петров день.*

24. Женская лесть опасна (1 единица): *Женская лесть, хоть без зубов, а с костями съест (Женская лесть без зубов, а с костями сглохнет).*

25. Лесть иногда лучше правды (1 единица): *Иногда и лесть лучше правды.*

Полевая структура концепта ЛЕСТЬ может быть представлена в следующем виде:

Ядро (2 КП):

Человек льстит ради своих корыстных целей (20.3%), Лестец (лесть) могут быть опасны и губительны для того, кому льстят (18.8%)

Ближняя периферия (4 КП):

Льстивым поведением усыпляют бдительность и вкрадываются в доверие (8.7%), Лестец говорит одно, а думает по-другому (5.8%), Лестец

ведет себя по-разному в зависимости от ситуации (4.3%), Лесть и честь противопоставляются (4.3%)

Дальняя периферия (7 КП):

Лесть расценивается как антиценность, осуждается (2.9%), Лыстец присоединяется к мнению того, кто ему нужен, поддакивает (2.9%), Лесть – это обман (2.9%), Человек любит слушать лесть (2.9%), Лесть может не привести к желаемому результату (2.9%), Лыстец получает больше выгоды (2.9%), Спорщик лучше того, кто во всем соглашается (2.9%)

Крайняя периферия (12 КП):

Лесть может иметь плохие последствия для лыстеца (1.4%), Человек льстит вышестоящим (1.4%), Явная лесть неприятна слушающему (1.4%), Надо быть осторожным с лестью, критически относиться к лести (1.4%), Лыстец также является хитрецом (1.4%), Человек, который старается всем польстить, никому не нужен (1.4%), После льстивых слов остается осадок (1.4%), Лести нужно учиться, это умение не прирожденное (1.4%), Даже злой человек умеет льстить (1.4%), Женская лесть не постоянна (1.4%), Женская лесть опасна (1.4%), Лесть иногда лучше правды (1.4%)

Положительная оценка в структуре концепта ЛЕСТЬ характерна для 1.4% когнитивных признаков (*Лесть иногда лучше правды*), отрицательная оценка – для 90.7%. Неоценочные/описательные признаки составляют всего 7.2% (см. напр.: *лести нужно учиться*) от общего числа признаков.

Данный концепт амбивалентно описывается в пословицах в плане отношения человека к лести (с одной стороны, человек любит слушать лесть; а с другой, явная лесть неприятна слушающему) и влияния лести на лыстеца (с одной стороны, лыстец получает больше выгоды; а с другой, лесть может иметь плохие последствия для лыстеца).

В ядре концепта доминируют признаки о мотиве льстивого поведения и вреде, причиненном лыстецом адресату. В периферийной части лесть сравнивается с честью, обманом и правдой. Интересно, что женская лесть

отдельно описывается в рассматриваемых пословицах и характеризуется как отличающаяся опасностью и непостоянством.

Лицемерие

Когнитивные признаки концепта **ЛИЦЕМЕРИЕ** выглядят следующим образом.

1. Лицемер думает одно, говорит/делает другое (38 единицы): *В очах мило, да в сердце постыло; Речами тих, да сердцем лих; Лицемерщици Богу молятся, а чертям веруют; Играет, как кот с мышкой.*

1.1. Притворная, лицемерная печаль: *Глазам-то стыдно, а душа-то рада; Кумушкины слезки на базаре дешевы; Это мыши кота погребают; Плакала кукушка, что детей отдала в люди; Голосом завывает, а сердцем кутьи поджидает (плакуша); Горько плачет, а вприсядку пляшет; Глазами плачет, а сердцем смеется; Пойми волка слезы; Верь волчьим слезам; Большому вытью не верь; Плач голосист, а печаль смиренна.*

1.2. Лицемер говорит одно, но при это зная, что реальность другая: *Говорит воду, а во рту сухо; Говорит красно, а поглядишь – пестро.*

1.3. О парадоксальности слов или поступков лицемера (иронические пословицы): *Противно, как нищему гривна; Он не пьет вина, глотает; Сядь-ка на гладком месте, на бороне!; Я, брат, писать умею, а читать не умею; Я по мелочи считаю, а крупных денег не знаю; Сыт, тетушка, ложки нет; Сыт и тем, чего не дали; Близорук: через хлеб, да за пирог; Хлеба не ест, вина в рот не берет, а всегда сыт и пьян живет; От слышит, как трава растет; И не глядит, да видит; Не течет, не течет, да и канет.*

1.4. Лъстец говорит одно, а думает по-другому/лесть лицемерная: *Сладкие уста — горькие сердца; На языке мед, а под языком лед; На языке медок, а на сердце ледок; Уста медоточивые, а сердце смолой кипит.*

1. 5 Лицемер думает одно, а притворяется, что делает другое: *Не всяк спит, кто храпит; Не там курица яйцо снесла, где кудахчет; Заговелась*

лиса: загоняй гусей; Постится щука, а пискарь не дремлет; Уснула щука, да зубы не спят.

2. Лицемер прикрывает свое корыстное намерение лицемерной, бескорыстной оболочкой (любовью, сочувствием, заботой) (9 единиц): *Целовал ястреб курочку до последнего перышка; Называет другом, а обирает кругом; Жена мужа любила: в тюрьме место купила; Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву; Пожалел темени, так ударил в косицу; Полно, друг, молоть, отдохни да потолки; Кормят вола, чтоб кожа была гладка; Звал волк коз на пир, да за гостинцами не идут; У корысти всегда рожжа бескорыстна.*

3. Лицемерный человек навязывает ненужную другим помощь или заботу (6 единиц): *Не накладно сытого потчевать; Не корми меня тем, чего я не ем! (Не жалей меня, пожалей себя!); Не плачь по мне, плачь по себе; Полюби-ко нас в черне, а в красне и всяк полюбит; Подъехал с подгорелым солодом; Тогда мне губы лижи (обнимай меня), когда они горьки, а когда сладки – и сам оближу.*

4. Лицемерный человек прикрывает свое настоящее лицо безобидной видимостью или маской (4 единицы): *В смирном платье, да не с такою думкой; Бородка Минина, а совесть глиняна; Бахарь, что сахар, а в подонках пушина; Железный кулак в бархатной перчатке.*

5. Сущность не изменится несмотря на изменение внешности (3 единицы): *Кому скоромно, а нам на здоровье (сказал кот Евстафий, постригшись и посхимившись, да поймав мышку); Постригся кот, посхимился кот, а все тот же кот; Волк и каждый год линяет, а все сер бывает.*

6. Лицемер также льстец (1 единица): *У лицемера хвалы горшок, а у завистного хулы мешок.*

7. Лицемерие и есть ложь (1 единица): *Лицемерие и ложь – одно и то же.*

8. Лицемерный человек умеет приbedняться (1 единица): *Так приbedнется, что станового разжалобит.*

9. Не надо притворяться слабым, иначе сильный обидит (1 единица): *Не прикидывайся овцою: волк съест.*

Полевая структура концепта ЛИЦЕМЕРИЕ может быть представлена в следующем виде:

Ядро (1 КП):

Лицемер думает одно, говорит/делает другое (58.5%)

Ближняя периферия (2 КП):

Лицемер прикрывает свое корыстное намерение лицемерной, бескорыстной оболочкой (любовью, сочувствием, заботой) (13.8%), Лицемерный человек навязывает ненужную другим помощь или заботу (9.2%)

Дальняя периферия (2 КП):

Лицемерный человек прикрывает свое настоящее лицо безобидной видимостью или маской (6.2%), Сущность не изменится несмотря на изменение внешности (4.6%)

Крайняя периферия (5 КП):

Лицемер опасен, ему нельзя верить (1.5%), Лицемер также льстец (1.5%), Лицемерие и есть ложь (1.5%), Лицемерный человек умеет приbedняться (1.5%), Не надо притворяться слабым, иначе сильный обидит (1.5%)

Отрицательная оценка в структуре концепта ЛИЦЕМЕРИЕ характерна для 81.5% когнитивных признаков, ироническая оценка – для 18.5%.

Ядерный когнитивный признак дает самую обобщающую характеристику концепта: лицемер думает одно, а говорит или делает другое. Внутри ядерного признака мы выделяем еще 5 подгрупп. В периферийной части выявилось, что лицемерие подобно лжи. Лицемер любит притворяться слабым и бедным.

Следует отметить, что слово «лицемерие» и его однокоренные слова в рассмотренных пословицах фигурируют только три раза, в остальных

случаях пословицы либо характеризуют лицемерного человека и его поведение, либо описывают лицемерную ситуацию, в которой часто используются зоонимы в роли субъекта.

Двуличие

В пословичном концепте ДВУЛИЧИЕ можно выделить следующие когнитивные признаки:

1. Двуличный человек умеет подстраиваться, в разных ситуациях проявляет разные свои стороны («лица») (55 единиц): *Где в волчьей нагольной, где в лисьей под плисом; Глядит лисой, а пахнет волком; Поет соловьем, а рыщет волком; Поет как соловей, а кусает как гадюка; Волчья кайка, да лисья незнайка; Звяга-то овечья, а сыть-то человечья; В траве идет – с травой вровень; в лесу – с лесом; Где прыжком, где бочком, где ползком, а где и на карачках; Из-за угла да камнем; Из одной избы и горячо и студено; Из одних уст клятва и благословение; Из одного рта и тепло и холодно; Одни уста и теплом и холодом дышат; Одни глаза и плачут и смеются; Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком; Лисий хвост, да волчий рот; И волчий рот (зубы), и лисий хвост; Одна слеза катилась, а другая воротилась; Ласковый взгляд, да на солнце яд; Помоги, боже, кому бог поможет (а кому поможет, за того и мы).*

1.1 Двуличный совершенно противоположно ведет себя при общении в глаза и за глаза: *В людях ангел, а дома черт; В людях Илья, а дома свинья; В людях Ананья, дома каналья; Днем тихо, а ночью лихо; В глаза ласкает, а по заглазью лает; Спереди лижет, а сзади царапает; Спереди бы любил, а сзади бы убил; В глазах мил, за глаза постыл; Не хвали меня в очи, не брани за глаза; В глаза не льсти, а за глаза не брани (а за глаза как знаешь); В ногах ползает, а за пятку хватает; Одной рукой дает, другою отнимает; Подал ручку, да подставил ножку; Руки лижет, а зубы на оскале; Хвостом вертит, а за руки хватает; Кормит калачом, да в спину кирпичом; Низко кланяется, а больно кусает; Ноги целует, а головы ищет; Ложкой кормит, а стеблом (череном) глаз колет; В ноги кланяется, а за*

пята хватает; Передом кланяется, боком глядит, задом шупает; В глазах — как лисица, а за глазами — как волк; В глаза и бога боится, и людей боится; а за глаза — никого не боится; Спереди машут, а сзади кукиш кажут; Хвостом виляет, а зубы скалит; Вьется ужом, а топорищится ежом; Ярко желают, да руки поджимают; И взлетает, и хвостиком повилает; Лукавый — как кошка: спереди лапу дает, а сзади дерет; Не корми меня калачом, да не бей в спину кулаком.

1.2 Когда человек нуждается в ком-либо, то относится к нему ласково, а когда уже не нуждается, то его отношение резко меняется: *Манят: козанька, козанька, а приманят: волк тебя съешь!; Когда коня вадят, тогда его гладят, а как привадят, так придавят.*

1.3 Лыстец также является двуличным: *Согнулся дугой, да и стал как другой; С просителем шибко, с начальством гибко; Ножки с подходом, ручки с подносом, сердце с покором, голова с поклоном, язык с приговором.*

2. Внешность двуличного человека обманчива (20 единиц): *У того голубочка велики (остры) зубочки; Бархатный весь, а жальце есть; Добрый баранчик, да по-волчьему воеет; Добрый сосед — только волка чужой собакой травит, а свою поберегает; У кошечки когти в рукавичках (в перчатках); Гладко шерстка, да и ноготок остер (кошка); Тупой серп руку режет пуще острого; Поклонен, покорен, а в глазах искра есть; В тихом омуте (болоте) черти водятся; В тихой воде омуты глубоки; Молчан исподтишка хватает; Тихо озеро, а чертей полно; Тихая вода берега подмывает; Вода все кроет, и берег роет; Понурая свинка глубок корень роет; Не ворошенный жар под пеплом лежит; Под пеплом и жару не знать; Не верь тишине морской; Тихо море, поколе на берегу стоишь; Женская ласка да морская затишь (равно надежны).*

3. Двуличный человек пытается всем угодить, чтобы получить больше выгоды, но это стремление не всегда осуществимо (17 единиц): *Одному богу молится, а другому кланяется; Всем богам по сапогам; На одних подметках семи царям служил; Богу молись, а черта не гневи!; Ставь*

и черту свечу: не знаешь, куда угодишь (т. е. в рай или в ад); Богу свечу, черту ожиг (кочергу); Умей угодить на угодного и на негодного; И волки сыты, и овцы целы; И нам тепло, и вам сытно, и ему улежно; Эта епанча на оба плеча; И нашим и вашим за копейку спляшем; Он на пяти овинах рожь молотит; Двум господинам один раб не услужит; На двоих господ не долго наслужишься (не угодишь); Кто в двои бедра бьет, в том пути не живет; Отсуленная голова двоим не служит; Помоги, боже (Помогай бог), и нашим и вашим (и вам и нам)!

4. Двумичный человек говорит одно, а делает другое (14 единиц): *Только славу ведет, что рано встает; Говорит направо, а глядит налево; Говорит крестом, а глядит пестом; В воду глядит, а огонь говорит; В книгу глядит, а огонь говорит; Говорит прямо, а делает криво; Говорит бело, а делает черно; Скажет вдоль, а сделает поперек; Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь); На словах его хоть выпиши, а на деле и головы не приклонишь; На словах, что на санях, а на деле, что на копыле; Словами, что листьём, стелет, а делами, что иглами, колет; Сам нож точит, а говорит: не бось; То се говоря, да гуся за голову.*

5. Двумичный человек может произвести на других два противоположных впечатления (12 единиц): *Хорош напев, да забориста и песня; Сладко поет, инно заслушаешься; Мягко стелет, да жестко спать; Приветлив стлать, да жестко спать; Мягко съел, да черство в живот пошло; Ласково говорит, да черство слушать; Сладко в рот, да горько вглот; Уху сладко, глазам падко, а съешь – гадко; Тихо кадит, да вонько несет; Хорошую ты песню поешь, да слушать-то не хочется; Хорошо ты поешь, да мне плясать неохота ; Ай, ай, месяц май: тепел, да холоден (да голоден).*

Полевая структура концепта ДВУЛИЧИЕ может быть представлена в следующем виде:

Ядро (1 КП):

Двуличный человек умеет подстраиваться, в разных ситуациях проявляет разные свои стороны («лица») (46.6%)

Ближняя периферия (2 КП):

Внешность двуличного человека обманлива (16.9%), Двуличный человек пытается всем угодить, чтобы получить больше выгоды, но это стремление не всегда осуществимо (14.4%)

Дальняя периферия (2 КП):

Двуличный человек говорит одно, а делает другое (11.9%), Двуличный человек может произвести на других два противоположных впечатления (10.2%)

На наш взгляд, все когнитивные признаки, описывающие концепт ДВУЛИЧИЕ, однозначно отрицательные.

Здесь мы не выделяем крайней периферии, так как общее количество когнитивных признаков у данного концепта довольно малое (их всего 5), и соответственно все признаки занимают относительно большую долю.

Ядерный когнитивный признак, подобно концепту ЛИЦЕМЕРИЕ, также дает самую обобщающую характеристику концепта: двуличный человек умеет подстраиваться, в разных ситуациях проявляет разные свои стороны. Внутри ядерного признака мы выделяем 3 подгруппы. В периферийной части нам удалось выявить, что двуличными могут быть женщина, выглядящие добрыми и милыми люди и животные.

Интересно, что слово «двуличие» и его однокоренные слова в рассмотренных пословичных единицах не фигурируют ни разу. Концепт ДВУЛИЧИЕ вербализуется в пословицах с помощью контрастного представления двух личностей человека.

2.3.3. Концепт ПРЯМОТА в русском провербиальном пространстве

В рассматриваемом пословичном концепте выделяются следующие когнитивные признаки:

1. Прямота не приведет к хорошему результату (5 единиц): *Прямой как шальной; Прямой что дурной; Прямой что слепой: ломит зря; Прямьей века не изживешь; Прямой напорется, кривой пройдёт.*

2. Быть прямым не во всех случаях хорошо (4 единицы): *Не прямо, да право; Хотя прям, да упрям; Будь прям, да не (будь) упрям; Будь прям, да упрям.*

3. Прямое (прямого человека) не нужно пытаться усовершенствовать (4 единицы): *Прямого нечего править; Прямого нечего править, а править – испортить; Прямое править – испортить; Прямое прямее не будет.*

4. Всё прямое, правдивое существует в единственном варианте, а косое и кривое вариативно (имеет множество воплощений) (2 единица): *Прямь одна, а косина да кривизна одна на одна не придётся; Прямьку одна дорога, поползну десять.*

5. Незнаемая прямизна приведет к кривизне (2 единица): *Незнаемая прямизна – та же кривизна; Незнаемая прямизна наведёт (наводит) на кривизну.*

6. Все, что прямо, является нужным, пригодится, а то, что криво, можно выбросить, как ненужное (1 единица): *Прямьина в кросны, а кривизна в лес!*

7. Прямота не приведет к ссоре (1 единица): *Не прямота бранится, а задор.*

8. Кривой человек превзойдет в хитрости прямого (1 единица): *Горбун прямьика перехитрит.*

Полевая структура концепта ПРЯМОТА может быть представлена в следующем виде:

Ядро (1 КП):

Прямота не приведет к хорошему результату (25.0%)

Ближняя периферия (2 КП):

Быть прямым не во всех случаях хорошо (20.0%), Прямое (прямого человека) не нужно пытаться усовершенствовать (20.0%)

Дальняя периферия (2 КП):

Всё прямое, правдивое существует в единственном варианте, а косое и кривое имеет множество воплощений (10.0%), Незнаемая прямизна приведет к кривизне (10.0%)

Крайняя периферия (3 КП):

Все, что прямо, получает положительную оценку, нужно, пригодится, а то, что криво, можно выбросить, как ненужное (5.0%), Прямота не приведет к ссоре (5.0%), Кривой человек превзойдет в хитрости прямого (5.0%)

Положительная оценка в структуре концепта ПРЯМОТА характерна для 10% когнитивных признаков, сосредоточенных в крайней периферии. 55% когнитивных признаков с отрицательной оценкой сосредоточены в ядре и ближней периферии. Неоценочные/описательные признаки составляют всего 35% от общего числа признаков.

Важно отметить, что в пословицах ПРЯМОТА нередко одновременно фигурирует с концептом КРИВИЗНА (6 из 20 единиц). Взаимоотношение между этими двумя концептами амбивалентно описывается в провербиальном пространстве: с одной стороны, прямота противопоставляется кривизне по результату и количеству (см. напр.: *Прямой напорется, кривой пройдет; Прямь одна, а косина да кривизна одна на одна не придётся*), а с другой, незнаемая прямота подобна кривизне (см. напр.: *Незнаемая прямизна – та же кривизна; Незнаемая прямизна наведёт на кривизну*).

Мы не будем отдельно рассматривать концепт «кривизна» в рамках исследуемого концептуального поля, так как в большинстве пословиц про

кривизну противопоставляются правда и ложь, что не относится к теме нашего исследования.

Также важно отметить, что в исследуемом материале наблюдается пересечение, семантический синкретизм пословичных концептов, в связи с чем некоторые пословичные единицы могут одновременно вербализовать два концепта, например:

1) **ХИТРОСТЬ и ЛИЦЕМЕРИЕ:** *Не там курица яйцо снесла, где кудахчет; Заговелась лиса: загоняй гусей;*

2) **ХИТРОСТЬ и ДВУЛИЧИЕ:** *Ставь и черту свечу: не знаешь, куда угодишь (т. е. в рай или в ад); Лукавый — как кошка: спереди лапу дает, а сзади дерет.*

Следует отметить, что доминантный концепт и тем самым когнитивный признак в вышеприведенных пословицах трудно определить, они, возможно, актуализируются в конкретном контексте употребления в речи.

3) **ЛЕСТЬ и ЛИЦЕМЕРИЕ:** *Сладкие уста — горькие сердца.*

4) **ЛЕСТЬ и ДВУЛИЧИЕ:** *Согнулся дугой, да и стал как другой.*

На наш взгляд, довольно очевидно, что доминантным концептом, соответственно, являются ЛЕСТЬ в примере №3 и ДВУЛИЧИЕ в примере №4.

2.3.4 Верификация соответствия пословичных концептов представлению, существующему в современном русском языковом сознании

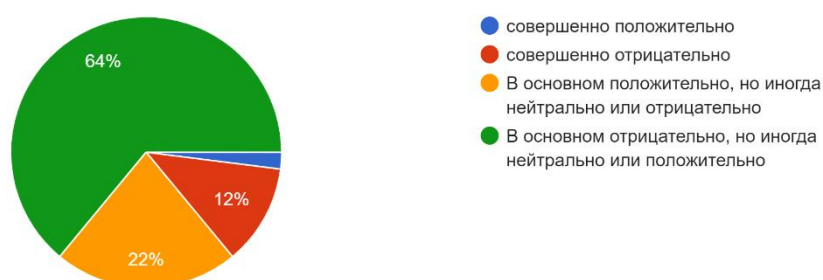
Для верификации соответствия пословичного концепта современному языковому сознанию и разрешения вопросов, вызвавших наше сомнение в ходе исследования, нами был проведен письменный опрос с участием 50 русских респондентов. 40 информантов из них являются филологами.

В заданиях №1~№6 мы проверили соответствие оценки концептов в пословичном фонде оценке носителей языка с помощью таких вопросов, как “Как вы оцениваете слово «название концепта» при описании качества человека?”.

Ниже представлены вопросы и ответы этих заданий.

Хитрость

1. Как вы оцениваете слово «хитрость» при описании качества человека?
50 ответов

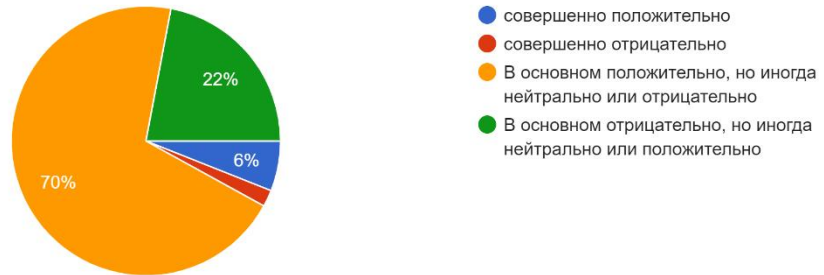
По результатам опроса 64% респондентов считают, что ХИТРОСТЬ в основном оценивается отрицательно, но иногда нейтрально или положительно, 22% опрошенных в основном оценивают ХИТРОСТЬ положительно, но иногда нейтрально или отрицательно, 12% совершенно отрицательно оценивают данный концепт и лишь один информант (2%) совершенно положительно оценивает его. Напомним, что доля отрицательной и положительной оценки концепта ХИТРОСТЬ в пословицах составляет соответственно 33.3% и 14.8%, что в целом соответствует оценке современных носителей русского языка.

Также интересно отметить, что средний возраст опрошенных, выбравших ответ “совершенно отрицательно” (их всего 6 человек) составляет 59 лет, а подобный показатель для групп опрошенных, выбравших ответ “В основном положительно, но иногда нейтрально или отрицательно” (их всего 11 человек) составляет 36 лет. Данный факт, по нашему мнению, свидетельствует о повышении оценки концепта ХИТРОСТЬ среди младшего поколения.

Простота

2. Как вы оцениваете слово «простота» при описании качества человека?

50 ответов

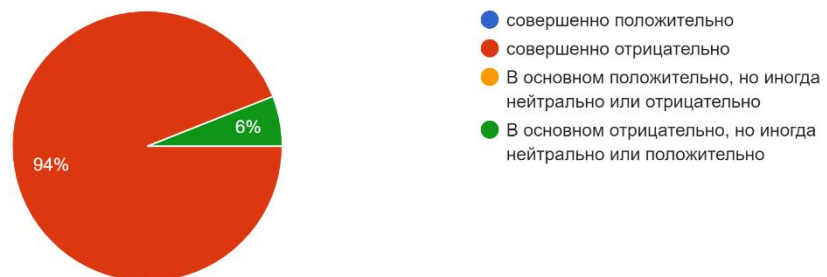

70% респондентов полагают, что ПРОСТОТА в основном оценивается положительно, но иногда нейтрально или отрицательно, 22% опрошенных в основном оценивают ПРОСТОТУ отрицательно, но иногда нейтрально или положительно, 6% совершенно положительно оценивают данный концепт и лишь один информант (2%) совершенно отрицательно оценивает его. Напомним, что доля положительной и отрицательной оценки концепта ПРОСТОТА в proverbialном пространстве составляет соответственно 47.5% и 15%, что в целом соответствует оценке современных носителей русского языка.

Лицемерие

3. Как вы оцениваете слово «лицемерие» при описании качества человека?

50 ответов

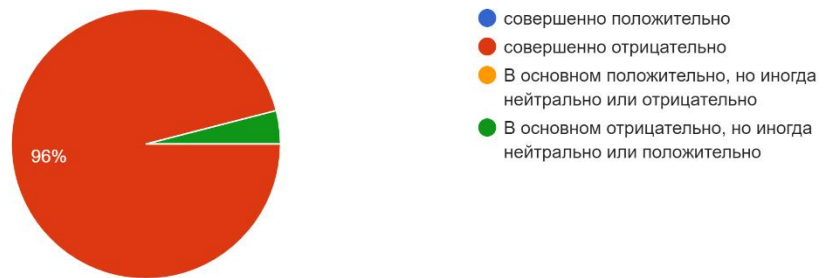

Подавляющее большинство (94%) респондентов считают, что ЛИЦЕМЕРИЕ оценивается совершенно отрицательно. Лишь 6% (их всего 3)

опрошенных в основном оценивают лицемерие отрицательно, но иногда нейтрально или положительно. Напомним, что отрицательная оценка в структуре пословичного концепта ЛИЦЕМЕРИЕ характерна для 81.5% когнитивных признаков, а положительный когнитивный признак не обнаруживается, что в целом соответствует современным оценкам.

Двуличие

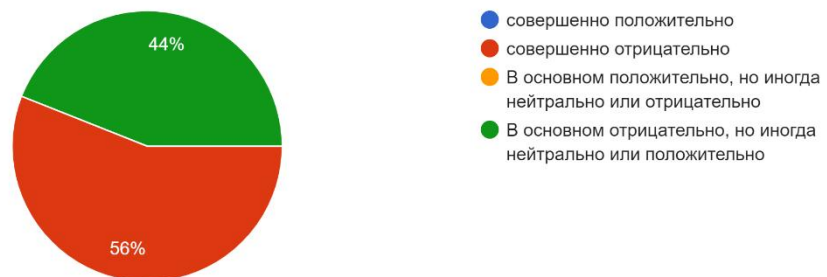
4. Как вы оцениваете слово «двуличие» при описании качества человека?
50 ответов

Подавляющее большинство (96%) респондентов считают, что ДВУЛИЧИЕ совершенно отрицательно оценивается. Лишь 4% (их всего 2) опрошенных в основном оценивают лицемерие отрицательно, но иногда нейтрально или положительно. Напомним, что все выявленные из пословиц когнитивные признаки, описывающие концепт ДВУЛИЧИЕ, на наш взгляд, однозначно отрицательные, что в целом соответствует современным оценкам.

Лесть

5. Как вы оцениваете слово «лесть» при описании качества человека?
50 ответов

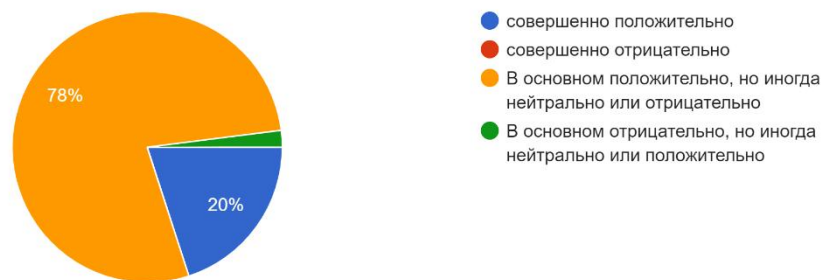

56% респондентов считают, что ЛЕСТЬ оценивается совершенно отрицательно, 44% опрошенных в основном оценивают ЛЕСТЬ отрицательно,

но иногда нейтрально или положительно. Напомним, что доля отрицательной и положительной оценки пословичного концепта ЛЕСТЬ составляет соответственно 90.7% и 1.4%, что в целом соответствует оценке информантов.

Прямота

6. Как вы оцениваете слово «прямота» при описании качества человека?
50 ответов

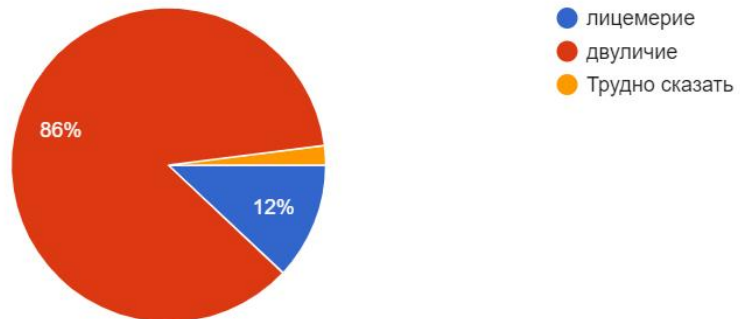

78% респондентов считают, что ПРЯМОТА в основном оценивается положительно, но иногда нейтрально или отрицательно, 20% опрошенных совершенно положительно оценивают ПРЯМОТУ. Лишь 2% в основном отрицательно оценивает ПРЯМОТУ, но иногда нейтрально или положительно. Напомним, что доля отрицательной и положительной оценки пословичного концепта ПРЯМОТА составляет соответственно 55% и 10%, что не соответствует оценке современников и свидетельствует о более высокой оценке концепта ПРЯМОТА в современном русском языковом сознании.

Задания №7~№15 были направлены на дифференциацию лицемерия и двуличия в провербиальном пространстве. В заданиях №7~№14 мы предложили три варианта ответа: лицемерие, двуличие и другой ответ. Ниже представлены задания с ответами:

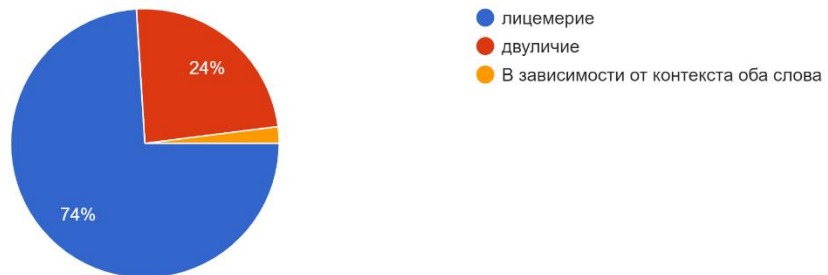
7. Как вы назовете такое поведение человека: человек совершенно противоположным образом ведет себя при общении в глаза и за глаза (см. напр. поговорку *В людях ангел, а дома черт*)?

50 ответов

8. Как вы назовете такое поведение человека: человек думает одно, а говорит/делает другое (см. напр. поговорку *Глазами плачет, а сердцем смеется*)?

50 ответов

9. Как вы назовете такое поведение человека: говорит одно, а делает другое (см. напр. поговорку *В воду глядит, а огонь говорит*)?

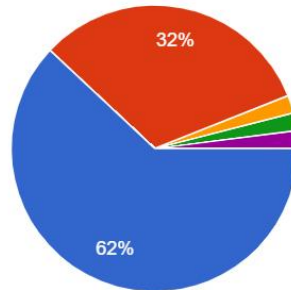
50 ответов

▲ 1/2 ▼

10. Как вы назовете такое поведение человека: человек прикрывает свое корыстное намерение бескорыстной оболочкой (см. напр. поговорку *Кормят вола, чтоб кожа была гладка*)?

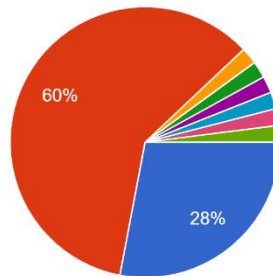
50 ответов

- лицемерие
- двуличие
- Сейчас говорят гибкий прагматик
- инквизитор
- Корысть

11. К какой группе вы бы отнесли поговорку *У того голубочка велики (остры) зубочки*?

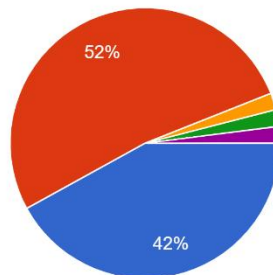
50 ответов

- лицемерие
- двуличие
- Волк в овечьей шкуре
- Хитрец
- Мягко стелет, да жестко спать.
- просто описательная характеристика несоответствия внешнего вида и сути
- Я бы полегче толковал эту поговорку. Кажется, так может сказать человек...
- Не слышал

12. К какой группе вы бы отнесли поговорку *В смирном платье, да не с такую думкой*?

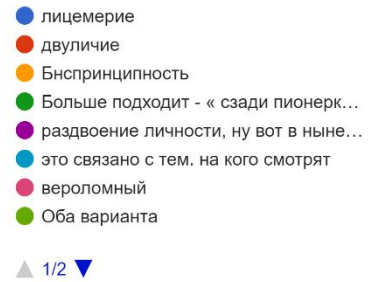
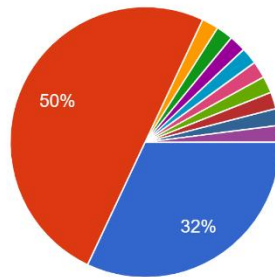
50 ответов

- лицемерие
- двуличие
- «Прикинулась овечкой»
- несоответствие внешнего вида и сути
- Ох! Да ведь поговорки чаще всего вообще не вписываются в одно какое-то понятие. Конечно же, так мы можем сказать и о лицемерном, и о двуличном человеке. Но есть и множество других случаев, других с...

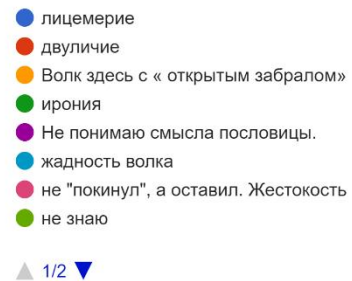
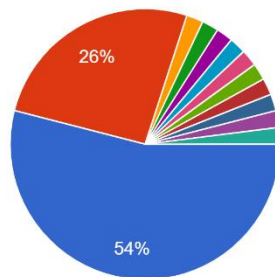
13. К какой группе вы бы отнесли пословицу Спереди бы любил, а сзади бы убил?

50 ответов

14. К какой группе вы бы отнесли пословицу Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву?

50 ответов

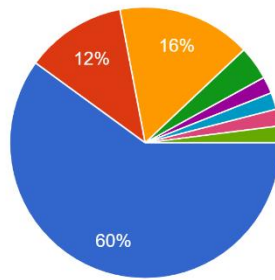

Как показали ответы, между пословичными концептами ЛИЦЕМЕРИЕ и ДВУЛИЧИЕ есть немало пересечений. Тем не менее, выделяются ситуации, когда относительно легко их отличить (см. напр.: задания №7, №8, №10, №11, №13, №14). Безусловно, бывают и случаи, когда трудно отличить одно от другого (см. напр.: задания №9 и №12).

В задании №15 мы попросили опрошенных сформулировать отличия между лицемерием и двуличием. В связи с большим объемом ответов, здесь их полностью приводить не будем.

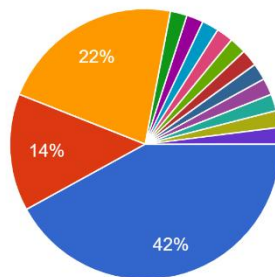
Далее через задания №16~№21 мы проверили феномен синкретизма пословичных концептов в нашем материале. Под каждым заданием даются 4 варианта ответов: концепт¹, концепт², оба концепта (синкретизм) и другой ответ. Ниже представлены ответы заданий:

16. К какой группе вы бы отнесли пословицу Не там курица яйцо снесла, где кудахчет?
50 ответов

- хитрость
- лицемерие
- обе группы
- Не знаю
- Это же курица! Она глупая, сама не знает с какой целью, может быть, н...
- недалекий
- лукавство
- Никогда не слышала этой пословицы, по-видимому она устаревшая.

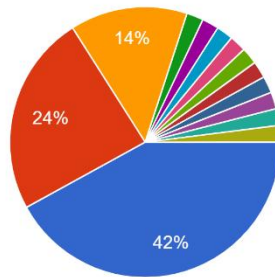
17. К какой группе вы бы отнесли пословицу Заговелась лиса: загоняй гусей?
50 ответов

- хитрость
- лицемерие
- обе группы
- ирония
- У меня вообще ассоциируется с неу...
- Не понимаю смысла пословицы.
- Предусмотрительность
- Хитрость с очень большой натяжкой...

▲ 1/2 ▼

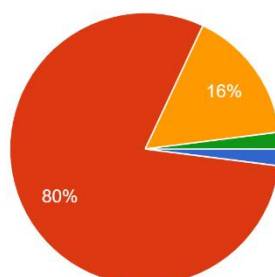
18. К какой группе вы бы отнесли пословицу Ставь и черту свечу: не знаешь, куда угодишь?
50 ответов

- хитрость
- двуличие
- обе группы
- предосторожность, стремление пре...
- Двуличие есть, но ещё и поправление...
- Это вроде "стели солому везде", жит...
- не очень понятен смысл, не знаком...
- предусмотрительность

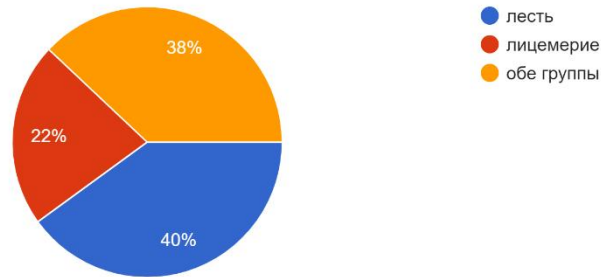
▲ 1/2 ▼

19. К какой группе вы бы отнесли пословицу Одному богу молится, а другому кланяется?
50 ответов

- хитрость
- двуличие
- обе группы
- Толерантность

20. К какой группе вы бы отнесли пословицу Сладкие уста — горькие сердца?
50 ответов

21. К какой группе вы бы отнесли пословицу Согнулся дугой, да и стал как другой?
50 ответов

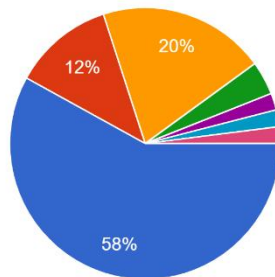
По результатам этих заданий можно сделать следующие предположения:

Во-первых, немалая доля выбора “обе группы” в ответах каждого задания свидетельствует о возможном синкретизме пословичных концептов в нашем материале. Во-вторых, соотношение концепта¹ и коцепта² может помочь определить доминантный концепт в данной пословичной единице, например, в пословице *Одному богу молится, а другому кланяется* (задание №19) доминантным концептом является ДВУЛИЧИЕ, а концепт ХИТРОСТЬ здесь выходит на второй план. А в таких пословицах, которые представлены в задании №20, “конкуренция” между двумя концептами все-таки существует.

Далее с помощью заданий №22~№26 мы верифицировали наличие омонимии в проанализированных пословицах. Под каждым заданием даются 4 варианта ответа: первая или вторая интерпретации пословиц, оба значения правильны (пословицы-омонимы) и другой ответ. Ниже представлены ответы заданий:

22. Выберите значение поговорки, которое вы считаете правильным: Только лапоть на обе ноги плетется, а и рукавички розни.

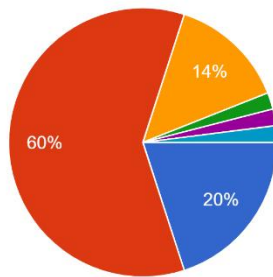
50 ответов

- В разной ситуации нужен разный подход, способ.
- Нет двух одинаковых людей.
- Оба значения правильны (поговорки-омонимы)
- Не знаю
- не могу ответить, не знакома поговорка
- Человек несобранный
- Не слышал

23. Выберите значение поговорки, которое вы считаете правильным: Забегать зайцем вперед.

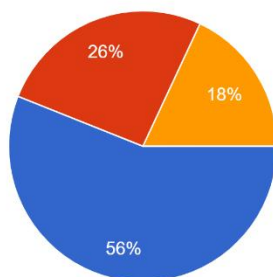
50 ответов

- Заискивать перед кем-то, льстить
- Преждевременно делать что-н., торопясь и нарушая последователь...
- Оба значения правильны (поговорки-омонимы)
- не поговорка, никогда не слышала, скорее второе
- Не слышал
- Никогда не слышала этой поговорки, по-видимому она устаревшая.

24. Выберите значение поговорки, которое вы считаете правильным: Ласковы телятки сосут по две матки.

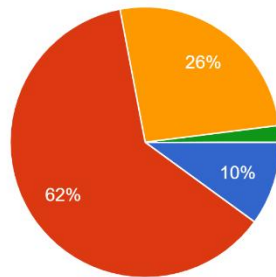
50 ответов

- Льстивый человек получает больше выгоды.
- Дружелюбного человека любят все.
- Оба значения правильны (поговорки-омонимы)

25. Выберите значение пословицы, которое вы считаете правильным: Ахи да охи не дадут подмоги.

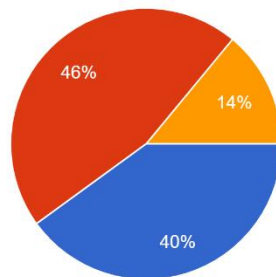
50 ответов

- О сочувствии по отношению к другим на словах.
- О человеке, который только печалится, не предпринимая никаких мер при столкновении с проблемой.
- Оба значения правильны (пословицы-омонимы)
- трудно сказать, не встречала в контексте или ситуации

26. Выберите значение пословицы, которое вы считаете правильным: Соловья кормят за песни.

50 ответов

- О плате за лесть.
- Человеку платят за его работу.
- Оба значения правильны (пословицы-омонимы)

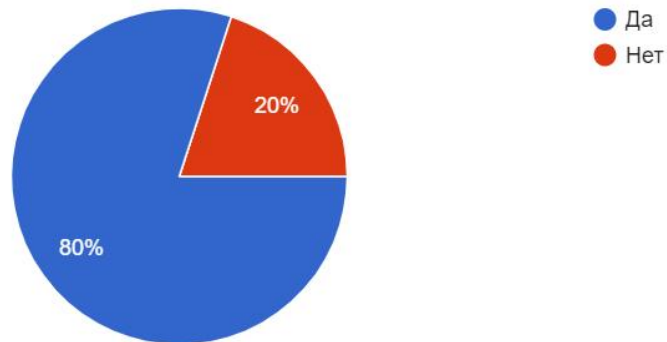
На наш взгляд, немалая доля ответов “оба значения правильны” в рамках каждого задания и соотношение первого и второго значений свидетельствуют о возможной омонимии в заданных единицах.

В заданиях №27~№31 мы попросили информантов интерпретировать те пословицы, которые представляют определенную трудность для нас в ходе исследования. Здесь перечислим только сами единицы: *Всякий хитрец в своей старости слепец; Наш Пахом с Москвой знаком; Он и Ивашка, да не промашка; Бывает и простота хуже воровства; Простота пуще воровства.*

В последнем пункте опроса (задания №32~№39) мы проверили соответствие ядерных когнитивных признаков пословичного концепта представлению в современном языковом сознании. Информантам были предложены следующие вопросы:

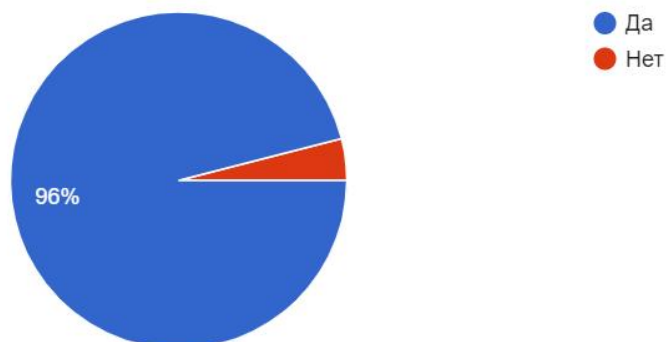
32. Согласны ли вы с выраженным в пословицах *В людях ангел, а дома черт* и *Где в волчьей нагольной, где в лисьей под плисом* смыслом: **Двуличный человек умеет подстраиваться, в разных ситуациях проявляет разные свои стороны?**

50 ответов

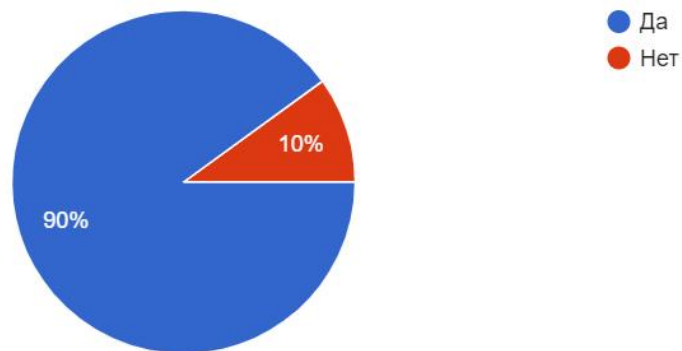
33. Согласны ли вы с выраженным в пословицах *Лицемерщики Богу молятся, а чертям веруют* и *Глазами плачет, а сердцем смеется* смыслом: **Лицемер думает одно, а говорит или делает другое?**

50 ответов

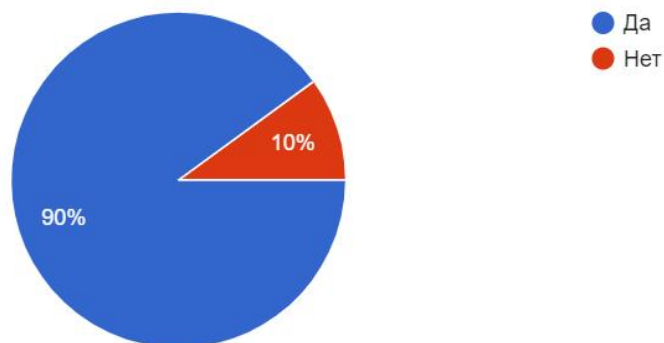
34. Согласны ли вы с выраженным в пословицах *Тебя манят – твоих денег хотят* и *Чей хлеб ем, того и песенку пою* смыслом: Человек льстит ради своих корыстных целей?

50 ответов

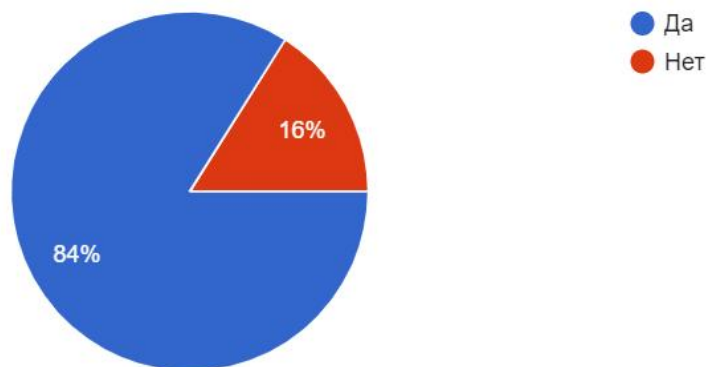
35. Согласны ли вы с выраженным в пословицах *Кто много целует, редко не укусит* и *Кем хвалился, от того и повалился* смыслом: Лстец может быть опасен и губителен для того, кому льстят?

50 ответов

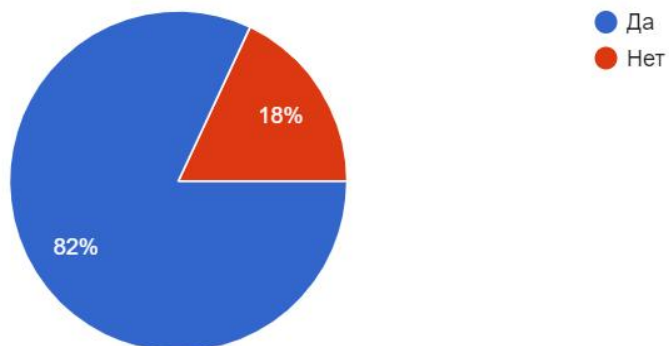
36. Согласны ли вы с выраженным в пословицах *Прямой что слепой: ломит зря* и *Прямой напорется, кривой пройдёт* смыслом о том, что Прямота не приведет к хорошему результату?

50 ответов

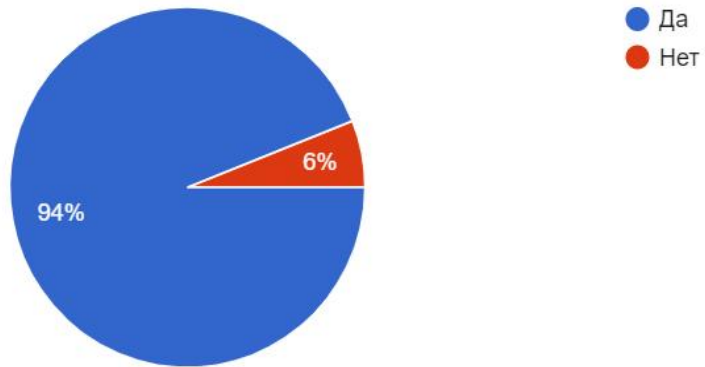
37. Согласны ли вы с выраженным в пословицах *В простых сердцах бог почивает* и *Живи просто, выживешь лет со сто* смыслом: Простота признается духовной ценностью?

50 ответов

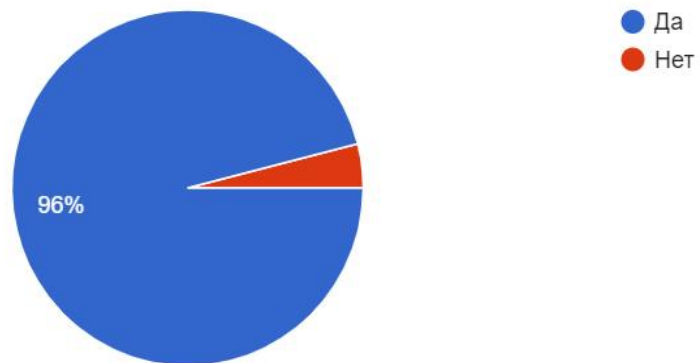
38. Согласны ли вы с выраженным в пословицах *Когда ищешь лису впереди, то она назади* и *Он из воды сух выйдет* смыслом: Хитрец изобретателен?

50 ответов

39. Согласны ли вы с выраженным в пословицах *У хитрого начала скандальный конец* и *Как ни хитри, всех ниток не спрячешь* смыслом: Хитрость не всегда приводит к желаемому результату?

50 ответов

На основании полученных результатов, можно сделать вывод о том, что ядерные когнитивные признаки интересующих нас пословичных концептов в целом соответствуют представлениям в современном языковом сознании.

2.4 Фреймовый анализ пословиц концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в дискурсе

Любое лингвистическое выражение производится и понимается относительно некоторого предполагаемого дискурсного контекста [Langacker, 2001: 164], в том числе и пословицы. По мнению О.Б. Абакумовой, смысл пословиц конкретизируется именно в контексте использования. С функционированием пословиц в дискурсе связано наращение смысла в зависимости от контекста. Исследователей интересует и возможная окказиональная модификация пословиц в акте речи, их специфическая оценочность и референтность [Абакумова, 2013: 3]. На наш взгляд, анализ пословиц в дискурсе представляется особенно необходимым при их интерпретации в иностранной аудитории в связи с тем, что употребление пословиц часто представляет определенную трудность для иностранных учащихся.

Вслед за М. Минским, мы понимаем фрейм как способ структурирования знаний о стереотипной ситуации [Минский, 1979: 7]. В последние годы фреймовый подход нашел свое применение в обучении иностранному языку [см., например, Елина, 2021; Лукьяненко, 2015; Разумкова, 2018]. Фреймовый подход к изучению пословиц применяется в работах, посвященных рассмотрению некоего фрейма в целом ряде пословиц (Го, Абдуллаева, 2020; Го, 2021; Зиновьева, Алёшин 2022; Семененко, 2010), и описанию фреймов в конкретной пословичной единице в контекстах или без (Абакумова, 2011; 2011, 2014; Иванова, 2016).

В данном разделе мы прибегаем к фреймовому анализу русских пословиц в дискурсе, так как, рассматривая пословицу как стандартизированное для типичных жизненных ситуаций обобщение, мы

полагаем, что фрейм является наиболее подходящим и наглядным способом представления структурированных знаний, образующих пропозицию пословиц.

В качестве примера для анализа мы выбрали пословицы «*В тихом омуте черти водятся*» и «*Мягко стелет, да жестко спать*», которые, соответственно, имеют больше 60 и 30 контекстов употребления в НКРЯ, что, с одной стороны, свидетельствует об относительно высокой актуальности и употребительности исследуемой единицы; а с другой, дает нам возможность максимально полно описать пословичный фрейм в разных типах дискурса.

В тихом омуте черти водятся

Инвариант фрейма рассматриваемой пословицы состоит из нескольких слотов: первый слот – человек, употребляющий данную пословицу; второй слот – описываемый пословицей объект, в качестве которого могут выступать человек, животные, предметы или другие абстрактные вещи. Третий слот обозначает внешний (поверхностный) уровень объекта: в интересующей нас пословице – это «омут», который производит впечатление спокойного, безопасного места, но на самом деле всегда оказывается опасным. Это водоворот, попав в который, человек сильно рискует жизнью, может погибнуть. Четвертый слот – глубинный уровень или нераскрытая сторона объекта: «черти», которые таятся за внешне спокойной водной поверхностью. Черти персонифицируют нечто скрытое от глаз, что может неожиданно дать о себе знать, проявиться. Здесь важен момент неожиданности, которая обусловлена контрастом между двумя уровнями. И пятый слот – условие для раскрытия глубинного уровня объекта (т.е. четвертого слота). Следует отметить, что пятый слот является факультативным в отличие от первых четырех.

Рассмотрим варианты данного фрейма.

Вариант 1. О двуличном человеке как свойстве личности

Тихий человек, выглядящий добрым и безобидным, может иметь злую сущность, например:

1) *Вообще, когда было нужно, она умела прикинуться совершенно овечкой, готовой уступать во всем каждому, не задевающей ничего самолюбия, заботящейся только о том, чтобы ее любили. И ухабинская молодежь действительно называла ее ангелом. В сущности же она олицетворяла собою русскую поговорку «**В тихом омуте черти водятся**»* (А.Н. Плещеев. Пашинцев (1859)) [НКРЯ].

В данном случае поговоркой описывается двуличный человек, который прикидывался совершенным ангелом при людях. А его настоящую сущность (т. е. четвертый слот фрейма) знает только всеведущий рассказчик, автор. В рассматриваемом варианте фрейма пятый слот отсутствует.

Вариант 2. О человеке, действия которого не соответствуют ожиданиям окружающих

Человек, которого ранее считали не способным на какие-то нарушающие принятые социальные нормы поступки, может неожиданно начать вести себя по-другому.

2) ***В тихом омуте черти водятся** – это про маленький городок Эмпайр Фоллз и его обитателей, где все близки и друг друга знают, как в деревне, но полны буржуазных амбиций, как в мегаполисе* (Наталья Кочеткова. Неравный брак // lenta.ru, 2019.03) [НКРЯ].

3) *Когда мы были во втором классе, Митяй – он тогда бы в восьмом – залез в эту каморку и стырил две коробки патронов, а потом продал по десять копеек пацанам из первого и второго класса. Я не купил – у меня копеек с собой тогда не было, а остальные почти все купили, даже Егоров. Ему потом больше всех ввалили – типа, отличник, а такое натворил: «**в тихом болоте все черти водятся**»* (Владимир Козлов. Гопники (2002)) [НКРЯ]. Третий слот (внешний уровень) допускает замену компонента «омут» на «болото». Болото так же обманчиво и опасно, как и омут. Местоимение «все» способствует интенсификации поговорочного выражения.

4) *Что подвигло их на такое дерзкое преступление, пока знают только следователи. Мачеха Данила узнала о новости от журналиста «КП»*

– *Тихий такой, спокойный, проронила ошарашенная женщина. – Получается, в тихом омуте черти водятся. Боже мой, отец его убьет!* (Юлия Бондарева, Алена Шаповалова. ЧП в Новокуйбышевске: ученик колледжа ограбил класс во время урока // Комсомольская правда, 2011.02) [НКРЯ].

Следует отметить, что степень отрицательной оценки исследуемого выражения варьируется в зависимости от степени нарушения принятых в обществе норм, что графически можно представить следующим образом: пример № 4: ограбление (преступление) > пример № 3: покупка патронов (правонарушение) > пример № 2: буржуазные амбиции (нарушение деревенских традиций).

Несмотря на выраженную негативную оценку адресантом данной пословицы, наблюдается несогласие во мнениях между адресантом и рассказчиком, например:

5) *Особенно плохо приходилось тому мальчику, который постоянно вел себя хорошо; стоило ему попасться в какой-нибудь обыкновенной детской шалости, и Елизавета Николаевна, кроме наказания, донимала такими замечаниями: «Небось тихоня, а сам исподтишка, лукавый мальчишка, в тихом омуте черти водятся» и т. п.* (В.Г. фон Бооль. Из воспоминаний педагога (1880-1899)) [НКРЯ].

В примере № 5 рассказчик не разделяет оценку Елизаветы Николаевны, считая, что поступки мальчика – это лишь обыкновенная детская шалость, которую вполне можно понять и простить.

Интересно, что подобный вариант фрейма также применяется для описания животных, поступки которых не соответствуют их внешнему смирному виду.

б) *Хотя селятся черноголовые довольно плотной колонией, они редко скандалят с соседями. Еще реже дерутся. Лишь вялый выпад-кивок в сторону чужака да стонущий, с жалобинкой, крик «э-эва» подтверждают суверенитет семейной пары. Смирные, казалось бы, эти птицы, да в «тихом омуте черти водятся»... Коллеги рассказывали: стоит*

потревожить колонию во время насиживания кладки – чайки нередко разбивают свои яйца. С точки зрения биологии подобной реакции трудно объяснить (И. Никольский. Крик чайки // «Вокруг света», 1984) [НКРЯ].

В противоположность вышеприведенным примерам, человек, обычно отличавшийся пассивностью, может вдруг начать проявлять какие-то ранее не свойственные ему черты характера, поведения или способности, становится активным и непредсказуемым. И соответственно, отрицательная оценка говорящего в данной ситуации отсутствует. Например:

7) *Главный тренер Владимир Барнашов уже второй сезон словно задался целью проиллюстрировать выражение «**в тихом омуте черти водятся**».* Начиналось все действительно с тихого омута – Барнашов выполнял чисто административные функции и в тренировочный процесс почти не вмешивался. Однако чем больше становилось в команде разнообразных менеджеров, тем теснее чувствовал себя олимпийский чемпион Барнашов в отведенной клетке. Дверца открывалась в одном направлении – и Владимир Михайлович незаметно превратился из менеджера и спикера в полноценного тренера (Марьянчик Н. Завладей биатлонным пьедесталом. «Советский спорт» написал для российского биатлона антикризисную программу // Советский спорт, 2011.03). [НКРЯ].

8) – *Раздавалось по всем комнатам и переходам лицейским: – Дельви́г печатается в «Вестник Европы»! Каков тихоня! Недаром говорится, что **в тихом омуте черти водятся*** (В.П. Авенариус. Юношеские годы Пушкина (1888)) [НКРЯ].

9) *Ведь недаром тихая, скромная Катерина пытается вырваться из него, но, понимая, что не будет свободна никогда, выбирает смерть как избавление. Говорят: “**В тихом омуте черти водятся**”* (Крон Сергей. Иду на «грозу» // Труд-7, 2004.04) [НКРЯ].

В примерах № 8 и № 9 говорящий употребляет пословицу, восхищаясь внезапно проявленной способностью Дельвига и смелостью Катерины сопротивляться.

При втором варианте пословица, которая носит в контекстах обобщающий характер, употребляется говорящим или рассказчиком после совершения описываемым пословицей объектом какого-то действия, превосходящего ожидания окружающих людей. Мы полагаем, что в данном случае пятый слот совпадает с четвертым.

Вариант 3. За внешне спокойной обстановкой накапливается напряжение или скрывается потенциальная опасность

За видимой стабильной обстановкой в стране возможно скрываются проблемы и противоречия, которые могут нарушить спокойствие общества:

10) *В России все спокойно, свидетельствуют опросы общественного мнения. А на политической сцене вообще царит смертельная скука. Но, как гласит народная мудрость, в тихом омуте черти водятся. Многие наши социологи и политологи говорят о нарастающих внутриэлитных противоречиях, предсказывая, что рано или поздно подземный пожар вырвется наружу и положит конец эпохе стабильности* (Андрей Камакин. Царьизбирком: предстоящие президентские выборы в России могут стать последними // Московский комсомолец, 2018.02) [НКРЯ].

11) *Россияне долго мечтали о предсказуемом и надежном будущем – и вот пришел долгожданный “стабилизец”. Народ ощутил уверенность в завтрашнем дне, почувствовал, что от него ничего не зависит – и активность населения предсказуемо сменилась сытым умиротворением. Но как известно, в тихом омуте могут завестись любые черти* (Лесков Дмитрий. Страна оптимистов // Труд-7, 2007.12) [НКРЯ].

В примере № 11 наблюдается трансформация пословицы «*В тихом омуте могут завестись любые черти*», выполняющая здесь гипотетическую функцию вместо констатации факта.

За хладнокровным внешне состоянием человека могут скрываться эмоции и чувства, накопление которых, может быть, приведет к негативным последствиям:

12) *Огурец и арбуз. В вашей душе постоянное смятение. Внешнее*

спокойствие и сдержанность таят в себе внутреннее напряжение. Про таких мужчин говорят: в тихом омуте черти водятся. С огуречно-арбузным человеком живешь как на вулкане – никогда не знаешь, что будет завтра и какую идею он сейчас вынашивает. Огуречно-арбузные женщины не устраивают скандалов по пустякам – они копят обиды и в один прекрасный день способны перебить всю посуду в доме, нередко о голову бедного супруга. Огуречно-арбузные люди – самый творческий психотип (Каждому овощу – свой фрукт (тест) // Аргументы и факты, 2001.11) [НКРЯ].

13) *Его замкнутость и медлительность часто не позволяет ему выплеснуть эмоции вовсе, поэтому он способен к накоплению большого эмоционального потенциала, который может неожиданно выплеснуть вовне в виде неконтролируемой агрессии и привести к негативным последствиям. «Выходя из себя» меланхолик теряет контроль над действиями и часто не помнит после боя своих действий. Хотя вывести его из равновесия, как правило, трудно, он скорее стерпит и «уйдет в тень». Тут как говорится в народной поговорке: «**В тихом омуте черти водятся**» (Тактика и психология (2003) // «Боевое искусство планеты», 08.12.2003) [НКРЯ].*

14) *Перед камерой я должен сохранять хладнокровие, но это вовсе не значит, что я такой всегда, не правда ли? Может, как раз в эту минуту меня что-то мучает или терзает. Но какое до этого дело телезрителю или тем более руководству? – **В тихом омуте**, как известно, **черти водятся** (Славуцкий Александр. Лев Новоженев: Телевидение – это своеобразное родео // Труд-7, 2002.02) [НКРЯ].*

15) *Но это не значит, что я такой спокойно-пассивный, без внутреннего движения, – наоборот! Как говорится: “**В тихом омуте черти-то и водятся!**” Я – человек очень эмоциональный, просто знаю, что эмоции, внутренняя энергетика очень дорого стоят. Как говорила Раневская: “Это же не помои, чтобы их все время выплескивать!” Когда это оправданно, можно и “рвануть”, но пока хватает и того, что есть*

(Александр Пороховщиков: «Граница проходит за моим порогом» // Аргументы и факты, 2000.11) [НКРЯ].

Видно, что в примерах № 12 и № 13 человек скрывает свои эмоции по имманентным и инстинктивным причинам, в связи с присущими ему темпераментом и психологическим типом. Однако постепенно накопленные таким человеком внутри эмоции могут привести к неконтролируемой вспышке. А в примерах № 14 и № 15 человек сознательно контролирует свои эмоции, чтобы сохранять хладнокровие перед камерой, или просто не истощать свою внутреннюю энергетику.

Подобно первому рассмотренному варианту фрейма, в примерах №№ 10 – 13 внутреннее состояние общества или человека знают лишь лица, употребляющие поговорку, в роли которых могут выступать корреспонденты, социологи, политологи (в примерах № 10 и № 11) и психологи (в примерах № 12 и № 13). Четвертый слот фрейма будет раскрываться для всех лишь при условии качественного изменения ситуации (конец эпохи стабильности или выход эмоций из-под контроля), вызванного количественным накоплением. Интересно также совпадение первого и второго слотов в примерах № 14 и № 15. В подобных случаях человек сам раскрывает свою глубинную сторону перед остальными.

Вариант 4. О поверхностном (примитивном) и внутреннем (глубоком) уровнях абстрактных вещей

16) *Иногда многомерность мысли доходит до двусмысленности. Например, об Ахматовой. Очень красиво, но при втором, при третьем чтении из прудов, из изящного зеркала вод выплывает совсем не похвальное: в тихом омуте черти водятся... Или как будто язвит Бабея – но потом выплывает восхищение писательской страстностью...* (Г. Померанц. Страстная односторонность и бесстрастие духа. Статья втора я // «Страна и мир», 1984) [НКРЯ].

От первого чтения художественного произведения человек получает поверхностное впечатление; а при повторном чтении воспринимает из него более глубокие мысли.

17) *Контрольной по геометрии не было, будет во вторник. По-английскому 5 три 5 в тетради. Был Grammar Quiz – не очень сложно, но кто его знает! В тихом омуте черти водятся. 3 декабря – полугодовой зачет по флейте. Я буду играть* (М.Н. Коган. Дневник (1991)) [НКРЯ].

Обычная контрольная по грамматике может содержать очень сложные задания. В данном случае условием для раскрытия четвертого слота является более глубокое знакомство с объектом.

Проанализируем еще один пример – «Мягко стелет, да жестко спать».

Мягко стелет, да жестко спать

В прямом смысле пропозиция данной пословицы реализуется с точки зрения человека¹, для которого мягко стлал постель человек². Но когда человек¹ спит, то он чувствует жесткость постели. Исходя из этого инвариант фрейма пословицы, на наш взгляд, состоит из следующих слотов: первый слот – субъект, производящий мягкое и жесткое впечатления, в качестве которого могут выступать человек, животные, предметы или другие абстрактные вещи; второй слот – объект, который получает соответствующие ощущения. Третий слот обозначает поверхностный мягкий уровень субъекта. А четвертый слот – сущностный жесткий уровень субъекта.

Рассмотрим варианты данного фрейма.

Вариант 1. О характере человека

Внешне кажущийся мягким и нежным человек может быть жестким и требовательным по своей сущности, например:

1) *Вроде автор на самом деле жесткий человек, только кажется мягким, никому нечего не прощает, никем не восхищается. Так сказать, **мягко стелет – жестко спать*** [А.Б. Гребнев. Дневник (1999)].

2) *Я не оспариваю способностей Владимира Алексеевича. Но он слишком властолюбив и **хотя мягко стелет, но жестко спать...*** Нахимов

гораздо прямодушнее его, хотя не столь любезен с подчиненными... А Владимир Алексеевич никогда тебя по имени не назовет, делая замечание, говорит как будто о другом, а в результате выходит: полезай за борт, никуда не годишься! Говорят, – прибавил он, – Нахимов теперь очень не доволен Корниловым: Владимир Алексеевич распоряжается его мичманами как своими [М.М. Филиппов. Осажденный Севастополь (1889)].

Также бывает, что человек специально ведет себя мягко и скрывает свою жесткую сущность:

3) А.Л. Лосев был среднего роста, худой, с бледным лицом, с большим развитым лбом, со стальными серыми глазами, и в то время, когда он был кем-нибудь недоволен, на его глаза смотреть было неприятно, хотя, зная это, он потуплял их. Говорил тихим и как бы спокойным голосом, но чувствовалось, что внутри его клокочут страсти; принадлежал он к типу людей, про которых говорят: **«Мягко стелет, да спать-то жестко!»** [Николай Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое (1930-1935)]

Пословицей положительно оценивается человек, который внешне мягок и обаятелен, умеет расположить к себе людей, в деле справедливо требователен, при необходимости жесткий, не делающий уступок ради достижения цели в работе:

4) – Руслан, поздравляю тебя с днем рождения! Ты относишься к той категории людей, в которых деликатно сочетаются уникальные качества. Ты одновременно очень интеллигентный и приятный собеседник, но тогда, когда дело касается бизнеса, становишься тонким, остроумным и достаточно жестким переговорщиком. О таких, как ты, говорят: **мягко стелет, да жестко спать**. С днем рождения, твой Виктор Шкулев [Дни рождения // Коммерсант, 2010.12].

Иногда обаяние человека состоит не во внешней мягкости, а в его жесткости, требовательности и тем самым большой способности при работе:

5) *Он был человек эмоциональный, где-то до сентиментальности. Шел на сопереживание, чувствовал чужую боль, никогда не был груб, не повышал голос. Но при всем при этом он был очень жестким политиком и твердым человеком. Из тех, кто **мягко стелет, да жестко спат**. Он был обаятелен, но это шло не от мягкости. Обаяние, говорил он, в политике великая вещь. Так он располагал людей, убаюкивал их* [Налбандян Лиана. Леонид Ильич в маске доброго дедушки // Труд-7, 2006.12].

В вышеприведенных примерах в роли второго слота, скорее всего, выступает не конкретный человек или определенная группа людей, а все люди, которые имели дело с субъектом. Говорящий является лишь одним представителем этих людей.

Данный вариант фрейма также применяется для описания животных, совмещающих мягкую внешность и хищные повадки:

6) *И в Соловках, и в Пушкине, и на Урале я наблюдал с интересом жизнь соболей, и самое первое, на что я обратил свое внимание, была их внутренняя, страстно-хищная кровожадность и внешняя пушистость, гибкость и грация. Этот зверек вполне отвечает пословице: «**Мягко стелет – жестко спат**».* [М.М. Пришвин. Звери-кормилицы (1939)]

Вариант 2. Человек говорит одно, а делает по-другому, или реальность другая (т. е. он врет):

Человек дает обещания, чтобы достичь своих корыстных целей, но при этом не собирается их выполнять:

7) – *Про Элопа есть хорошая поговорка: **мягко стелет, да жестко спат**. Он говорил то, что его собеседники хотели услышать – но собирался ли он выполнять свои обещания? Он говорил, что производство в Финляндии сохранится – оно было закрыто. Он вроде бы намеревался развивать мобильную платформу Meltemi, которая угрожала Windows Phone, но передумал...* [«Элоп не жалеет себя. Никогда. Он – машина» // Ведомости, 2013.09].

8) *Лопухин (юстиция) против объявления Петербурга на военном положении. Около Петербурга забастовало до 100 тыс. рабочих. Витте написал письмо к рабочим – приглашает их снова заняться работой, обещает им улучшить их положение. Ответ рабочих: «Мягко стелет, жестко спать».* [А. И. Богданович. Дневник (1905)]

Человек красиво говорит, но делает по-другому:

9) *С помещиком мировой посредник хорош, в карты играет, за дочками ухаживает; возиться с мужиками некогда, а так себе поговорит с крестьянами. «Уж красно они говорят, да дела не делают в нашу пользу», – говорят крестьяне. И действительно, говорит посредник долго, по-крестьянски старается заговорить; крестьянин слушает, чешет себе бока да затылок, улыбнется широко, когда посредник скажет теперича... «А прокурат этот посредственник: мягко стелет, да жестко спать; хоть бы удовлетворил, чем язык чесать: коли начальство, так не дури; коли ты помогать нашему горю приставлен – не представляйся, а добро нам делай». А посредник рассуждает о крестьянах так: «Плут этот народ! А как глуп, – черт знает что! Бъешься-бъешься с ним, и так, и эдак, – ничего не понимает»... [Ф. М. Решетников. Между людьми (1864)]*

Человек говорит одно, а реальность может оказаться другой:

10) – *А скоро ли будут? – К самому концу, – ответил Дмитрий Петрович. Хотел было Доронин подробнее про тюленя расспросить, но вспомнил слова Смолокурова. «Кто его знает, этого Веденеева, – подумал он, – мягко стелет, а пожалуй, жестко будет спать, в самом деле наврет, пожалуй, коробка с три. Лучше покамест помолчать». И свел разговор на иное. – Не забывайте нас, Дмитрий Петрович, – сказала на прощанье Татьяна Андревна, – жалуйте почаще к нам.* [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875-1881)]

Говорящий не верит Веденееву, который, может быть, скажет одно, а на практике получится совсем другое. Поэтому Доронин не стал спрашивать то, о чем хотел узнать. Здесь наблюдается трансформация пословицы «мягко

стелет, а пожалуй, жестко будет спать», выполняющая гипотетическую функцию вместо констатации факта.

Вариант 3. Человек мягким образом совершает действия, которые могут привести к плохим последствиям или нанести ущерб другим:

Человек усыпляет бдительность других вкрадчивыми манерами и извлекает выгоду для себя в ущерб другим:

10) *Актеру в этой роли удалось показать хитрого, но не злобного, мошенника, с вкрадчивыми манерами, плавными движениями, который «мягко стелет, да жестко спать». Он всегда себе на уме. Окружив себя малолетними воришками, он и живет за их счет. [И.Л. Шолохова. Дневник (2010)]*

Важен не образ совершения действия (грубый или вежливый), а само действие и его сопутствующие последствия:

12) *У меня в камере этот добрый христианин обратил внимание на отсутствие иконы и спросил смотрителя, почему ее нет. – Заключенные снимают их, – объяснил тот. Не желая входить в пререкания, я промолчала: икону сняли жандармы и, должно быть, унесли к себе на дом, видя, что мы не молимся перед ними. Приезжали – мягко стелет, жестко спать – вежливый, ускользающий, изящный Зволянский и типично барственный бюрократ, снисходительно величественный министр внутренних дел Н.И. Дурново. Все они спрашивали, нет ли заявлений, а когда их делали, толку выходило мало, но на нервы и грубые, и вежливые действовали одинаково: каждое посещение выбивало из колеи, нервы приходили в возбуждение, болела голова, тяжелее чувствовались условия тюремной жизни. [В.Н. Фигнер. Запечатленный труд. Том 2. Когда часы жизни остановились (1922)]*

13) – *Вот до чего мы дожили, Матвей Егорыч! – закричала она, кидая письмо, свернутое в комок, на стол, стоявший у кушетки. – Прочтите это письмо. Он мягко стелет, да жестко спать... И это наши дети, дети! – продолжала она громче и громче, смотря на дочь, – дети, на которых мы*

издерживали последние свои крохи, о которых думали день и ночь... Поди прочь с глаз моих, поди! [И.И. Панаев. Прекрасный человек (1840)]

Из контекстов фрагмента № 13 нам известно, что мать написала сыну письмо и попросила его одолжить ей сумму денег, в ответном письме сын очень мягким и деликатным образом отклонил ее просьбу, что очень раздражило и расстроило мать.

14) *(Политической свободой в Европе обладает каждый совершеннолетний гражданин: у него есть право голоса и право быть избранным в государственные органы. Значит, речь идет, в сущности, о квотах для мусульман.) И наиболее интересный пункт: «создание института ислама в Европе» и «развитие исламских школ, способных воспитать новых европейских мусульман». В сущности, всю программу можно свести к русской поговорке: «мягко стелет да жестко спать». – Что вы имеете в виду, говоря о создании институтов ислама в Европе? – Спросила я доктора Церича. – Что-то вроде главного муфтия Европы, который сидит в Брюсселе в официальной резиденции?* [Дарья Асламова, Фото автора и АП. Почему Европа становится исламской. Окончание // Комсомольская правда, 2006.08]

В примере № 14 позиция мусульман в Европе значительно укрепилась через кажущийся мягким и демократическим способ – реализацию ряда программ, что в какой-то степени представляет угрозу для европейцев-немусульман.

Вариант 4. О несоответствии ожиданий и реальности

Надеялись, что какое-то происшедшее событие может принести позитивный результат, но ожидания не оправдались, дело идет к худшему:

15) *У нас в народе есть очень хорошее выражение: мягко стелет, но жестко спать кладет. Вот это, мне кажется, вполне наш стиль. – Крым – это одно из ключевых событий 20-летия, по некоторым меркам вообще ключевое. Но вот приобрели Крым и потеряли практически Украину*

[Конституция, преемник и стиль работы. Эксклюзивное интервью Владимира Путина // Vesti.ru, 2020.06]

Вариант 5. О вещи, которая выглядит просто и безопасно, но на самом деле трудно и опасно.

16) *Как ни странно – сложнее в техническом отношении именно спуск по линейным опорам. Конечно, на спуске, если и потеешь, то только от страха, а вот при подъеме от вас, порой, такой пар валит, что колодец застилает. И тем не менее, абсолютное большинство аварий в этой области приходится именно на спуск. Спуск, как говорится, **мягко стелет, да жестко сплет**.* [Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978-1996)]

Следует отметить, что для экономии времени на занятиях преподаватель может провести фреймовый анализ всего пословичного синонимического ряда. Перспектива подобного исследования видится в разработке модели словарной статьи для учебного фреймового словаря пословиц, адресованного иностранным учащимся.

2.5. Модель полевой организации пословичного концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в русском языке

По результатам проведенного исследования представляется возможным предложить модель полевой организации пословичного концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в русском языке. Как отмечалось в первой главе, можно представить вертикальную и горизонтальную организацию исследуемого поля.

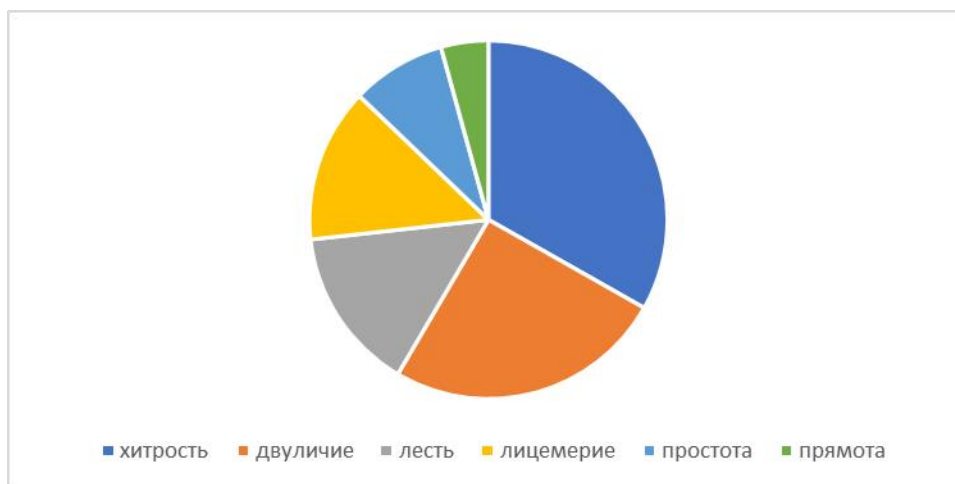
2.5.1. Вертикальная организация пословичного концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО»

С учетом отмеченного в ходе анализа синкретизма и пересечения интересующих нас концептов статистические данные относительно

пословицных единиц, вербализующих каждый концепт, выглядят следующим образом: ХИТРОСТЬ (155 единиц), ДВУЛИЧИЕ (118 единиц), ЛЕСТЬ (69 единиц), ЛИЦЕМЕРИЕ (65 единиц), ПРОСТОТА (40 единиц), ПРЯМОТА (20 единиц).

На схеме № 1 показано количественное соотношение пословиц всех концептов.

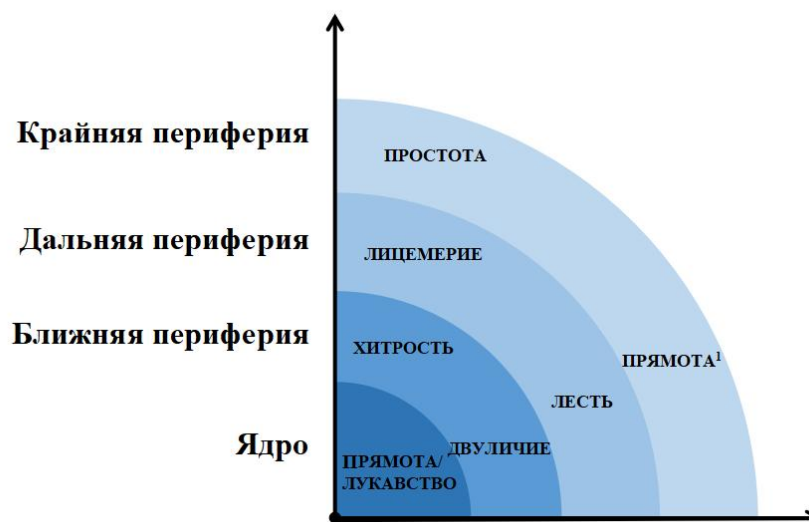
Схема № 1 Количественное соотношение пословиц всех концептов

Составляющие поле концепты структурированы по частотности их вербализации в провербиальном пространстве от ядра к ближней, дальней и крайней периферии. В первой главе было отмечено, что наименование концептуального поля обычно представляет собой имя ядерного концепта или концептов. Поэтому ядерными концептами в нашем случае является оппозиция «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО». Здесь концепт ПРЯМОТА рассматривается нами как интегрирующий концепт, который практически объединяет два микроконцепта: ПРОСТОТА и ПРЯМОТА. Последний мы обозначаем на схеме ПРЯМОТА¹.

Итак, наглядно вертикальная организация концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» может быть представлена на схеме.

Схема № 2. Вертикальная организация концептуального поля
«ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО»

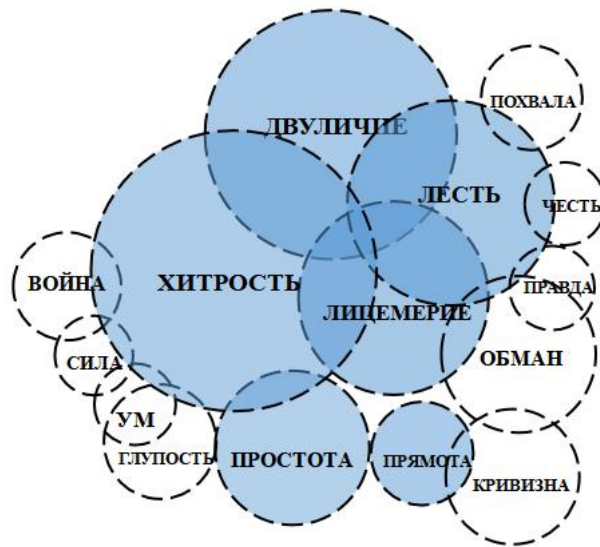
Таким образом, ядро исследуемого концептуального поля составляют концепты ПРЯМОТА и ЛУКАВСТВО, ближнюю периферию – ХИТРОСТЬ и ДВУЛИЧИЕ, дальнюю периферию – ЛЕСТЬ и ЛИЦЕМЕРИЕ, крайнюю периферию – ПРОСТОТА и ПРЯМОТА.

2.5.2. Горизонтальная организация концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в провербиальном пространстве

Горизонтальная организация концептуального поля рассматривается нами как его содержательное наполнение, организованное микрополями входящих в поле концептов, находящимися в отношениях семантической близости.

Итак, на основе проведенного исследования наглядно вертикальная организация концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» может быть представлена на схеме.

Схема № 3. Горизонтальная организация концептуального поля
«ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО»

Как показано на схеме, исследуемые концепты могут пересекаться между собой внутри поля, могут пересекаться и с концептами, не входящими в рассматриваемое поле.

ХИТРОСТЬ пересекается в proverbialном пространстве с самым большим количеством концептов, их всего восемь: ЛИЦЕМЕРИЕ, ДВУЛИЧИЕ, ЛЕСТЬ, ПРОСТОТА, ВОЙНА, УМ, ГЛУПОСТЬ и СИЛА. С одной стороны, среди них наблюдается синкретизм между ХИТРОСТЬЮ и ЛИЦЕМЕРИЕМ, ДВУЛИЧИЕМ в семантике одних пословиц; с другой, УМ в других пословицах отождествляется с ХИТРОСТЬЮ. А концепты ПРОСТОТА, ГЛУПОСТЬ и СИЛА часто противопоставляются ХИТРОСТИ. Хитрость помогает победить на войне.

Концепт ЛЕСТЬ пересекается с ЛИЦЕМЕРИЕМ, ДВУЛИЧИЕМ, ХИТРОСТЬЮ, ПОХВАЛОЙ, ЧЕСТЬЮ, ПРАВДОЙ и ОБМАНОМ. Лъстец может также являться лицемерным и двуличным. ЛЕСТЬ в пословицах часто отождествляется с ПОХВАЛОЙ, так как лицемерная похвала представляет собой главный способ реализации лести. Лъстивые слова считаются «обманом» и часто противопоставляются «чести» и «правде».

Несмотря на то, что по данным толковых словарей, «лицемерие» и «двуличие» являются синонимами, в нашем материале оказалось возможным четко выделить их границы в провербиальном пространстве для детального рассмотрения пословичных концептов. Что касается пересечения концептов ЛИЦЕМЕРИЕ и ОБМАН, то о его наличии свидетельствует когнитивный признак *Лицемер говорит одно, при это зная, что реальность другая*.

Концепт ПРЯМОТА противопоставляется «КРИВИЗНЕ», при этом последний также тесно связан с концептом «обман».

Следует отметить, что на схеме показаны только самые типичные и представительные концепты, которые пересекаются с входящими в исследуемое концептуальное поле основными (базовыми) концептами.

Выводы по главе

Итак, в результате проведенного анализа пословичного материала можно сделать следующие выводы.

Исследованные нами 506 пословиц были классифицированы по вербализуемым концептам ХИТРОСТЬ, ЛИЦЕМЕРИЕ, ДВУЛИЧИЕ, ЛЕСТЬ, ПРОСТОТА и ПРЯМОТА.

В проанализированном фрагменте провербиального пространства наблюдаются варианты, синонимы, квазисинонимы, антонимы и омонимы.

Прямая номинация концептов в основном наблюдается в пословицах, вербализующих концепты ХИТРОСТЬ, ЛЕСТЬ, ПРОСТОТА и ПРЯМОТА. Метафора и метонимия часто выступают важными способами косвенной номинации концептов, при этом функцию косвенной номинации концепта в основном выполняют метафоры, в которых представлена лишь сфера-источник. Некоторые исследуемые пословицы можно рассматривать как событийную номинацию, состоящую из ряда элементных номинаций, которые реализуются с помощью ряда метафор. В рамках соматической

метонимии обнаруживаются пословицы, в которых концепт номинируется через “двойную метонимию”.

При метафоризации в пословицах, выражающих оппозицию «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО», отмечаются все три основных типа метафоры: структурная, онтологическая и ориентационная. В рамках онтологической метафоры условно можно выделить три подтипа: метафора объективации, зооморфизм и персонификация. В рамках персонификации выделяется особая подгруппа, в которой каждая пословица таит в себе “двойную метафору”.

В исследуемом материале обнаруживаются 6 моделей компаративных структур в пословицах: пословицы, включающие сравнительные обороты, вводимые союзами *как, что* и *словно*; пословицы, включающие в свой состав прилагательные или наречия в форме сравнительной степени; пословицы с существительными в творительном падеже в значении сравнения; пословицы, представляющие собой предложения тождества; пословичные сравнения, выраженные формой синтаксического параллелизма; Пословицы с притяжательными прилагательными.

В исследуемых пословицах отмечаются такие зоонимы, как *лиса, волк, птица, кот, коза, собака* и т.д. Такие пословицы с зоонимом в основном вербализуют концепты ХИТРОСТЬ, ДВУЛИЧИЕ, ЛИЦЕМЕРИЕ и ЛЕСТЬ. А подобные единицы, воплощающие концепты ПРОСТОТА и ПРЯМОТА, в нашем материале обнаружены не были.

При когнитивной интерпретации пословичных концептов и их моделировании наблюдается пересечение, а в ряде случаев и семантический синкретизм концептов.

Результаты проведенной верификации свидетельствуют о том, что пословичные концепты в основном соответствуют представлениям в современном русском языковом сознании, кроме концепта ПРЯМОТА.

Мы полагаем, что фрейм является наиболее целесообразным и наглядным способом представления структурированных знаний, образующих

пропозицию пословиц, и продемонстрировали возможную методику фреймового анализа пословиц при обучении русскому языку как иностранному на примерах «*В тихом омуте черти водятся*» и «*Мягко стелет, да жестко спать*», которые имеют самое большое количество контекстов употребления в НКРЯ.

Предложенные модели вертикальной и горизонтальной составляющих организации концептуального поля наглядно демонстрируют его структуру и содержание. С точки зрения структуры, ядро исследуемого концептуального поля составляют концепты ПРЯМОТА и ЛУКАВСТВО, ближнюю периферию – ХИТРОСТЬ и ДВУЛИЧИЕ, дальнюю периферию – ЛЕСТЬ и ЛИЦЕМЕРИЕ, крайнюю периферию – ПРОСТОТА и ПРЯМОТА. По содержанию исследуемые концепты не только пересекаются между собой внутри поля, но и перекрещиваются с концептами, не входящими в рассматриваемое поле, такими как «УМ», «ГЛУПОСТЬ», «СИЛА», «ЧЕСТЬ», «ПРАВДА» и «ОБМАН».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы когнитивный подход предоставляет новые возможности исследования в такой традиционной лингвистической науке, как паремиология. Изучение пословиц в рамках лингвокогнитивного подхода, с одной стороны, позволяет углубленно и системно описать пословичные единицы, вербализующие тот или иной концепт, а с другой, моделировать структуру концептов в провербиальном пространстве.

Для того, чтобы комплексно рассмотреть пословицы, относящиеся к одной тематической группе (в нашем случае, это тематическая группа «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО», выделенная В.И. Далем в сборнике «Пословицы русского народа»), мы прибегли к полевому подходу. Исследуемые пословицы были классифицированы по вербализуемым концептам: ХИТРОСТЬ (155 единиц), ДВУЛИЧИЕ (118 единиц), ЛЕСТЬ (69 единиц), ЛИЦЕМЕРИЕ (65 единиц), ПРОСТОТА (40 единиц), ПРЯМОТА (20 единиц).

Предложенный алгоритм исследования включал несколько последовательных этапов:

1. Изучение семантических отношений пословиц, вербализующих рассматриваемое концептуальное поле.

2. Выявление способов прямой и косвенной номинаций пословичных концептов.

3. Рассмотрение моделей концептуальных метафор, сравнений, зоонимных образов для раскрытия лингвокогнитивного потенциала внутренней формы пословиц.

4. Выявление когнитивных признаков концептов для раскрытия лингвокогнитивного потенциала значения пословиц и моделирование полевой структуры пословичных концептов.

5. Верификация соответствия пословичного концепта представлению, существующему в современном русском языковом сознании.

6. Дискурсивно-фреймовый анализ пословиц для описания когнитивных моделей пословиц.

7. Моделирование вертикальной и горизонтальной организации пословичного концептуального поля.

Проведенное исследование позволило прийти к следующему заключению.

Между пословичными единицами в проанализированном фрагменте провербиального пространства наблюдаются такие семантические связи, как вариантность, синонимия, квазисинонимия, антонимия и омонимия.

Прямая номинация в основном наблюдается в пословицах, вербализующих концепты ХИТРОСТЬ, ЛЕСТЬ, ПРОСТОТА и ПРЯМОТА. В таких единицах фигурируют само слово-репрезентант концепта, его однокоренные слова или синонимы однокоренных слов. А прямая номинация концептов ЛИЦЕМЕРИЕ и ДВУЛИЧИЕ довольно редко встречается в провербиальном пространстве.

Метафора и метонимия являются важными способами косвенной номинации концептов. На наш взгляд, некоторые исследуемые нами пословицы можно рассматривать как событийную номинацию, состоящую из ряда элементных (лексических) номинаций, а именно, из нескольких метафор.

При косвенной номинации нередко обнаруживаются “соматические метонимии”, которые осуществляются через модель «часть тела вместо человека». В рамках соматической метонимии выделяется особая группа пословиц, в которой концепт номинируется через “двойную метонимию”.

При метафоризации в пословицах, выражающих оппозицию «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО», отмечаются все три основных типа метафоры: структурная, онтологическая и ориентационная. С точки зрения структуры, в рассмотренных пословицах могут быть представлены оба домена, опущены сфера-источник, или сфера-мишень, если в языковом сознании носителя языка они присутствуют в виде пресуппозиции. В рамках онтологической метафоры наиболее продуктивным подтипом в исследуемом концептуальном

поле оказалась метафора-зооморфизм. Наиболее часто используемыми для метафоры льстеца являются образы пчелы и осы, а для хитреца – образ лисы. Исследованные пословицы позволили выявить особый тип метафоры-персонификации – двойную метафору. Ориентационная метафора актуализирует оппозиции «верх – низ» и «внутри – снаружи». При этом в центре оказываются такие образы как мифологемы «черт» и «Бог», Бог, соответственно, это верх, а черт – низ; простота предстает как нечто, находящееся на поверхности, снаружи (на вид), а хитрость как внутренняя сущность (в душе).

Обнаруживаются в исследуемом материале 6 моделей компаративных структур: пословицы, включающие сравнительные обороты, вводимые союзами *как, что* и *словно*; пословицы, включающие в свой состав прилагательные или наречия в форме сравнительной степени; пословицы с существительными в творительном падеже в значении сравнения; пословицы, представляющие собой предложения тождества; пословичные сравнения, выраженные формой синтаксического параллелизма; пословицы с притяжательными прилагательными.

В исследуемых пословицах отмечаются такие зоонимы, как *лиса, волк, птица, кот, коза, собака*. Подобные пословичные единицы вербализуют концепты ХИТРОСТЬ, ДВУЛИЧИЕ, ЛИЦЕМЕРИЕ и ЛЕСТЬ.

Проведена когнитивная интерпретация всех концептов, входящих в рассматриваемое поле, и выявлена их полевая структура. Важно отметить, что в исследуемом материале наблюдается синкретизм пословичных концептов.

Анализ каждого концепта по трем категориям: оценка, содержание ядра и периферии, взаимосвязи с другими концептами, позволил выявить следующее:

Положительная оценка преобладает только в концепте ПРОСТОТА, а отрицательная оценка превалирует в концептах ХИТРОСТЬ, ЛЕСТЬ, ЛИЦЕМЕРИЕ, ДВУЛИЧИЕ, ПРЯМОТА. Концепты ХИТРОСТЬ,

ДВУЛИЧИЕ, ЛИЦЕМЕРИЕ и ЛЕСТЬ пересекаются между собой. Наряду с этим, ХИТРОСТЬ еще пересекается с такими концептами внутри поля и вне поля, как ПРОСТОТА, ВОЙНА, УМ, ГЛУПОСТЬ и СИЛА; ЛЕСТЬ – с ПОХВАЛОЙ, ЧЕСТЬЮ, ПРАВДОЙ и ОБМАНОМ; ЛИЦЕМЕРИЕ – с ОБМАНОМ; ПРЯМОТА – с КРИВИЗНОЙ.

Проведенный опрос носителей русского языка позволил провести верификацию полученных результатов и сделать вывод о том, что пословичные концепты в основном соответствуют представлениям современных носителей русского языка, исключение составляет только концепт ПРЯМОТЫ.

Полученные в ходе исследования результаты позволили предложить модель концептуального провербиального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО», учитывая вертикальную и горизонтальную составляющие. Ядерными концептами являются ПРЯМОТА и ЛУКАВСТВО, к ближней периферии относятся концепты ХИТРОСТЬ и ДВУЛИЧИЕ, к дальней периферии – ЛЕСТЬ и ЛИЦЕМЕРИЕ, к крайней периферии – ПРОСТОТА и ПРЯМОТА¹.

Перспектива исследования видится в дальнейшем углубленном и детальном анализе концептуального поля «ПРЯМОТА / ЛУКАВСТВО» в провербиальной концептосфере, а также в разработке модели словарной статьи для учебного фреймового словаря пословиц, адресованного иностранным учащимся.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абакумова О.Б.* Концептуальная метафора, эмоции и оценки, эталоны и стереотипы в русских и английских пословицах о правде и лжи // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. – 2021. № 2(15). – С. 7-50.
2. *Абакумова О.Б.* Пословичные концепты и паремический дискурс // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. Т. 153. № 6. – С. 128-139.
3. *Абакумова О.Б.* Прагматические функции пословиц в тексте / дискурсе (на материале имитации бытового диалога в художественном фильме и художественном тексте) // Вестник Новгородского государственного ун-та. – 2014. № 77. – С. 7-9.
4. *Абакумова О.Б.* Проблемы референции и инференции пословиц и референциально-ролевая грамматика // Язык и культура. – 2011. № 3(15). – С. 5-14.
5. *Абакумова О.Б.* Пословичные концепты в паремическом дискурсе. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Орел, 2013. – 46 с.
6. *Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н.* Когнитивно-прагматическая природа паремии // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты: монография / Под ред. *Т.Н. Федуленковой.* – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. – С. 14-53.
7. *Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова* Паремииология без границ. – М.: Рос. ун-та. дружбы народов, 2020. – 244 с.
8. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. № 1. – С. 37–57.
9. *Арутюнова Н.Д.* Истина: фон и коннотации / Отв. ред. *Н.Д. Арутюнова* // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 21-30.

10. *Балашова Е.Ю.* Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004. – 22 с.
11. *Балашова Е.Ю.* Паремииологическая зона концептуального поля вера / faith в русском и английском языках (на материале лексикографических источников) // *Фундаментальные исследования.* – 2014. № 6-7. – С. 1539-1542.
12. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
13. *Беляевская Е.Г.* Когнитивные основания изучения семантики слова // *Структуры представления знаний в языке.* – М., 1994. – С. 87-110.
14. *Беляевская Е.Г.* Модель лексической семантики в когнитивной научной парадигме // *Междунар. конгресс по когнитив. лингвистике: сб. материалов.* Тамбов, 26-28 сент. 2006 г. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 45-46.
15. *Борщева О.В.* Концептуальное поле "ТРУД" сквозь призму идиоматики (на материале русского и английского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2012. – 303 с.
16. *Бочина Т.Г.* Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 196 с.
17. *Бредис М.А.* Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. – 346 с.
18. *Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В.* Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // *Вестник Рос. ун-та дружбы народов.* Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. Т. 11. № 2. – С. 265-284.
19. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // *Вестник*

- Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. № 3. – С. 34-41.
20. *Брутян Г.А.* Язык и картина мира // *Философские науки.* – 1973. № 1. – С. 107-111.
21. *Будаев Э.В.* Становление когнитивной теории метафоры // *Лингвокультурология.* – 2007. № 1. – С. 19-35.
22. *Ван Тяньцзяо.* Модели концептуальных метафор в языковом воплощении этических концептов "добро" и "зло" в русской фразеологии и паремиологии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2021. – 26 с.
23. *Васильев Л.М.* Теория семантических полей // *Вопросы языкознания.* – 1971. № 5. – С. 105-113.
24. *Волоцкая З.М.* Способы номинации в загадках (к вопросу о произвольности и языкового знака) // *Структура текста.* – М.: 1981. – 96 с.
25. *Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. – М., 2004. – 192 с.
26. *Гак В.Г.* К типологии лингвистических номинаций // *Языковая номинация. Общие вопросы / под ред. А.А. Уфимцевой.* – М.: Наука, 1977. – С. 230-293.
27. *Герасимов В.И.* К становлению когнитивной грамматики // *Современные зарубежные грамматические теории.* – М., 1985. – С. 213-250.
28. *Го Лихун.* Отражение семейных отношений в пословицах и поговорках русского и китайского языков (на материале фреймов свекровь – невестка, теща – зять, золовка – невестка) // *Вестник Кемеровского государственного ун-та.* – 2021. Т. 23. № 1(85). – С. 211-219.
29. *Го Лихун.* Пропозиционально-фреймовый анализ семантики пословиц в русском и китайском языках (на материале фрейма отец - сын) // *Вестник Кемеровского государственного ун-та.* – 2020. Т. 22. № 4(84). – С. 1061-1068.

30. *Гориунов, Ю.В.* Зооморфные метафоры, обыгрывающие коварство, двуличие и лицемерие человека, в русской и английской лингвокультурах // Вестник Башкирского ун-та. – 2021. Т. 26. № 1. – С. 144-150.
31. *Дежужаева Е.А., Сарангаева Ж.Н.* Концепт «Лесть» в английской и русской паремии // Фундаментальные и прикладные аспекты развития современной науки. Сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2020. – С. 167-170.
32. *Дейк, Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. составление *В.В. Петрова*; пер. с англ. яз. под ред. *В.И. Герасимова*; вступ. ст. *Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова.* – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
33. *Демьянков В.З.* Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. – М., 1992. – С. 39-77.
34. *Демьянков В.З.* Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке. – М., 1994. – С. 32-86.
35. *Добровольский. Д.О.* Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. – 1997. № 6. – С. 37–48.
36. *Долгова И.А.* Концептуальное поле "терпение" в английской и русской лингвокультурах. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 26 с.
37. *Елина Е.Н.* Лингводидактический потенциал учебного фреймового словаря // Мир науки, культуры, образования. – 2021. № 4(89). – С. 191-194.
38. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 1991. – 544 с.
39. *Зиновьева Е.И., Алёшин А.С.* Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. – 2022. №1. – С. 131-145.
40. *Зиновьева Е.И., Алёшин А.С.* Вербализация концептуальной оппозиции «свое – чужое» в proverbiallyм пространстве (на материале компаративных паремий шведского и русского языков) // Вестник

- Волгоградского государственного ун-та. Серия 2, Языкознание. – 2022. Т. 21, № 5. – С.73-82.
41. *Зырянова М. Н.* Классификационные типы номинаций художественного концепта (на примере постмодернистских текстов Д. А. Пригова) // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2014. № S1. – С. 46-50.
42. *Иванов Е.Е.* Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. Т. 12. № 4. – С. 996-1035.
43. *Иванова Е.В.* Пословица как стратегия действия // Наука вчера, сегодня, завтра. – 2016. № 2-2(24). – С. 76-82.
44. *Иванова Е.В.* Пословичная концептуализация мира: На материале английских и русских пословиц. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 2003. – 38 с.
45. *Иванова Е.В.* Мир в английских и русских пословицах. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 278 с.
46. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976, – 355 с.
47. *Касевич В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – 288 с.
48. *Касевич В.Б.* Языковые и текстовые знания // Вопросы языкознания. – 1990. № 6. – С. 98–101.
49. *Койранская Е.А.* Разностороннее изучение паремий в русской и зарубежной лингвистике // Вестник Орловского государственного ун-та. – 2011. №1(15). – С. 257-259.
50. *Константинова А.А.* Англо-американские паремии в медиадискурсе: когнитивно-дискурсивный анализ. – Тула: [б/и], 2012. – 226 с.
51. *Косычева М. А.* Концепт "childhood": особенности вторичной номинации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. Т. 13. № 2-4. – С. 949-954.

52. *Кошарная С.А.* Понятие о концепте: взгляд лингвокультуролога // Лингвистические и методические основы филологической подготовки учителя-словесника : материалы междунар. науч.-метод. конф. : в 2 т. / БелГУ, Старооскол. фил. ; под ред.: *И.Б. Игнатовой, Л.Н. Разинковой, Н.Н. Семененко.* – Старый Оскол, 2005. Т.1. – С. 71-80.
53. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
54. *Красных В.В.* Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. *В.В. Красных, А.И. Изотов.* – М.: МАКС Пресс, 2012. Вып. 45. – 91 с.
55. *Кузьмиченко А.А.* Лингвокультурный потенциал концептуальной метафоры // Вестник Псковского государственного ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2017. № 5. – С. 167-170.
56. *Лаенко Л.В.* Концептуальное поле как способ организации лексикона носителя английского языка // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. №1. – С. 29-35.
57. *Лазутин С.Г.* Сравнения в пословицах и поговорках // Язык и стиль произведений фольклора. Межвузовский сборник научных трудов. 1986. – С. 3-9.
58. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. / Под ред. и с предисл. *А.Н. Баранова.* – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
59. *Лебедева М.Ю.* Концептуальное поле "Детство" и его репрезентация в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 260 с.
60. *Левин Ю.И.* Провербиальное пространство // Паремиологические исследования: Сб. статей / Сост. и ред. *Г.Л. Пермяков.* – М.: Наука, 1984. С. 109-126.
61. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. – 2018. №4 (54). – С. 303-317.

62. *Ломоносова Ю.Е.* Концептуальное поле «Атмосферные явления» во французской языковой картине мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008. – 22 с.
63. *Лотман Ю.М.* О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. / отв. ред. *Ю.М. Лотман.* – Тарту, 1971. – С. 144-166.
64. *Лукьяненко И.Н.* Фреймовый подход к обучению лексике на уроке РКИ // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2015. № 1. – С. 74-78.
65. *Милашевская И.В.* Концептуальная метафора "голова - вместилище": объективация в поговорках русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. № 11-2(77). – С. 117-119.
66. *Минский М.* Фреймы для представления знаний: монография (пер. с англ.). – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
67. *Моисеева В.Л.* Безличные глагольные предикаты состояния лица в русской языковой картине мира: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1998. – 147 с.
68. *Мокиенко В.М.* Аспекты исследования славянской паремиологии // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. *О.В. Ломакиной.* – М.: Ленанд, 2015. – С. 4-25.
69. *Мокиенко В.М.* Идеография и историко-этимологический анализ фразеологии // Вопросы языкознания. – 1997. № 6. – С. 37–48.
70. *Нелюбова Н.Ю.* Аксиологические доминанты поговорок как типологические маркеры тувинской, русской и французской лингвокультур // Новые исследования Тувы. – 2022, №1. – С. 146-163.
71. *Николаева Е.К.* Устойчивые сравнения в русских пословицах // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. №3 (29). – С. 238-243.
72. *Панченко Н.Н.* Коммуникативный типаж «Льстец» // Вестник Ленинградского государственного ун-та. им. А. С. Пушкина. – 2008. № 5(19). – С. 36-45.
73. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. – М.: Изд-во «Наука», 1988. – 235 с.

74. *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). – М., 1970. – 240 с.
75. *Попова З.Д.* Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. – 226 с.
76. *Разумкова Н.В.* Сценарно-фреймовый подход к преподаванию русского языка в иностранной аудитории // *CCS&ES*. – 2018. № 3. – С. 333-338.
77. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты [Текст] / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
78. *Савенкова Л.Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. – 240 с.
79. *Селиверстова Е.И.* Пословичный тип: модель, вариант, синоним // *Вестник СПбГУ. Язык и литература*. – 2009. № 3. – С. 185-193.
80. *Селиверстова Е.И.* Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. – СПб.: ООО «Мирс», 2009. – 270 с.
81. *Семенов Н.Н.* Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // *Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. – 2020. Т.11. №2. – С. 213-232.
82. *Семенов Н.Н.* Когнитивная интеграция в вербализованном пространстве фрейма (на материале русских паремий) // *Вестник Московского государственного областного ун-та. Серия: Русская филология*. – 2010. № 1. – С. 47-51.
83. *Серегина М.А.* Паремия как форма представления знаний народа в языке: когнитивно-структурный аспект // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2016. Вып. 1. – С. 19-25.
84. *Серегина М.А.* Паремиологическая картина мира: вопросы теории // *Materiály RIII mezinárodní vědecko-praktická conference «Řědecky pokrok na přelomu tysyachalety – 2012»*. – Praha: Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2012. – С. 52–56.

85. *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с.
86. *Сулиман Эльтайеб Эльзейн Эльтайеб.* Русское концептуальное поле ВЕРА: на фоне арабо-мусульманской лингвокультуры. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 24 с.
87. *Тананина А.В.* Концептуальное поле "Любовь" и его представление в иноязычной аудитории. Дисс. ...канд. педаг. наук. – М.: 2003. – 159 с.
88. *Тарланов З. К.* Русские пословицы: синтаксис и поэтика. – Петрозаводск, 1999. – 447 с.
89. *Телия В.Н.* Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М, 1988. – С. 173-203.
90. *Толстой Н.И.* Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция, Москва, 20–23 мая 1991 г. Доклады. – М.: ИРЯЗ, 1991. Ч. 1. – С. 5-22.
91. *Тукаева Г.С.* исследовательский потенциал когнитивных структур // Вестник Башкирск. ун-та. – 2009. №14 (3). – С. 861-865.
92. *Урысон Е.В.* Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. № 2. – С. 3-21.
93. *Уфимцева А.А.* Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 30-68.
94. *Хамитова, Э.Р.* Модели концептуальной метафоры "природа - человек" в паремиях русского языка // Вестник Башкирского ун-та. – 2011. Т. 16. № 4. – С. 1323-1325.
95. *Харитончик З.А.* Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний. – М., 1992. – С. 98-123.

96. Храмова Ю.А. Паремиологическая реализация концептуальной диады «Лицемерие – искренность» в русской и английской лингвокультурах // Гуманитарные исследования. – 2010. №1 (33). – С. 124-131.
97. Чжао Сыминь. Русские пословицы с компонентом-зоонимом, вербализующие концепт «лукавство» // Славянская фразеология и паремиология в языке и речи: Сборник научных статей / Редколлегия: О.Н. Мельникова (отв. ред.) [и др.]. – Гомель: Гомельский гос. ун-т. им. Франциска Скорины, 2020. – С. 189-195.
98. Чжао Сыминь. Типы семантических связей пословиц, вербализующих оппозицию "прямота-лукавство" (лингвокогнитивный подход) // Ученые записки Новгородского гос. ун-та. – 2021. № 4(37). – С. 448-452.
99. Чжао Сыминь. Концепт "хитрость" в русском провербиальном пространстве: лингвокогнитивный аспект // Известия Волгоградского гос. педаг. ун-та. – 2022а. № 1(164). – С. 184-188.
100. Чжао Сыминь. Лингвокультурный потенциал русских паремий со сравнительными оборотами (на материале пословиц о лукавстве и прямоте) // Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: Тезисы докладов, Санкт-Петербург, 15–23 марта 2022 года. – СПб.: Изд-во. СПбГУ, 2022б. – С. 522.
101. Чжао Сыминь. Концепт "лицемерие" в русском провербиальном пространстве: лингвокогнитивный аспект // Вестник Чувашского гос. педаг. ун-та. им. И.Я. Яковлева. – 2022в. № 2(115). – С. 133-138.
102. Чжао Сыминь. Концептуальные метафоры в русских пословицах, вербализующих оппозицию «прямота - лукавство» // Когнитивные исследования языка. – 2022г. № 2(49). – С. 505-510.
103. Чжао Сыминь. Метафора и метонимия как способы косвенной номинации концептов в провербиальном пространстве (на примере русских пословиц, вербализующих концептуальное поле “прямота -

- лукавство”) // Когнитивные исследования языка. – 2022д. № 2(50). – С. 562-566.
104. *Шиляев К.С.* Концептуальная метафора и метонимия в русскоязычных обзорах вин и коньяков // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – 2019. № 61. – С. 113-134.
105. *Щур Г.С.* Теории поля в лингвистике Текст. – М.: Изд-во «Наука», 1974. – 255 с.
106. *Юсупова З.А.* Когнитивный аспект исследования противопоставления в паремии (на материале французских, английских и русских пословиц и поговорок) // Вестник Башкирск. ун-та. – 2010. № 3. – С. 667-669.
107. *Яковлева Е.С.* К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. – 1996. №1-3. – С. 47-57.
108. *Alyoshin A., Zinovieva E.* Woman, girl and wife in Swedish and Russian comparative paremias // Scandinavian Philology, 2021, – vol. 19, issue 2, – Pp. 219-235.
109. *Dundes A.* The meaning of folklore: the analytical essays of Alan Dundes / edited and introduced by *Simon J. Bronner*. – Logan: Utah State University Press, 2007. – 443 p.
110. *Evans V.A.* Glossary of Cognitive Linguistics. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – 239 p.
111. *Langacker, R.W.* Discourse in Cognitive Grammar // Cognitive Linguistics. 2001. – Vol. 12, № 2. –Pp. 143-188.
112. *Mieder W.* Proverbs are never out of season. Popular wisdom in the modern ages. – N. Y.: Oxford University Press, 1993. – 284 p.
113. *Sapir E.* Selected writings in language, culture and personality / Ed. by *D.G. Mandelbaum*. – Los Angeles, 1973. – 642 p.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Большой толковый словарь русского языка* / ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. *Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 2.* – М.: Эксмо Пресс, – 2000 с.
3. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
4. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц.* – М: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1023 с.
6. *Национальный корпус русского языка* – <http://www.ruscorpora/> (дата обращения : 10.08.2022).
7. *Российское общественное достояние. Электронная библиотека* – <http://publicadomain.ru/russkie-narodnye-poslovicy-i-pogovorki/o-prostote-lestihitrosti-i-licemerii> (дата обращения: 25.02.2021).
8. *Сборник народной мудрости* – <https://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-pro-xitrost/> (дата обращения: 25.02.2021).
9. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / отв. ред. Н.Ю. Шведова; Российская акад. наук, Отд-ние ист.-филологических наук, Ин-т русского яз. им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник. – 2008 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ. СПИСОК АНАЛИЗИРУЕМЫХ ПОСЛОВИЦ**ХИТРОСТЬ**

1. Как ни хитри, а дурака не перехитришь.
2. Как ни хитри, а правды не перехитришь.
3. Как ни хитри, а два да один – все три.
4. Можно перехитрить одного, но нельзя перехитрить всех.
5. На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь.
6. У хитрого начала скандальный конец.
7. У хитрости тараканьи ножки.
8. Как ни хитри, всех ниток не спрячешь.
9. Как ни хорони концов, а выйдут наружу.
10. Вилял-вилял да на вилы попал.
11. Как ни хитрил, а на то же своротил.
12. На иную хитрость станет и простоты!
13. Весь бы прост, да привязан хвост (лисий).
14. Сам, кажись, и прост – да увяз хвост (т. е. слукавил неудачно).
15. Маслян ком и прошел кувырком, да что-то отрыгается.
16. Не все, что вздумано хитро, прочно и добро
17. Тот к добру не управит, кто в делах лукавит.
18. Хитрый! Ворота открыты, а он в подворотню лезет.
19. Хитрый: есть ворота, а он забор ломает.
20. Гость коли рано подымается, то ночевать хочет (собирается).
21. Хитрость и сметка бьют врага метко.
22. Будь хитер – направляй врага по ложному следу.
23. Схитришь – врага победишь.
24. Смекнешь да схитришь – врага победишь.
25. Умей своей хитростью из врага душу вытрясти.
26. Кто смышлен да хитер, тот противнику нос утер.
27. У хитрого солдата и рукавица – граната.

28. Хитрость на войне нужна вдвойне.
29. Исход боя решает не тот, кто смелее, а тот, кто хитрее.
30. На войне хитрость приносит больше пользы, чем сила.
31. Кто хитрее, тот победит быстрее.
32. Около болотца, да в задние воротца.
33. Лисица от дождя и под бороной ухоронится.
34. Старая лиса рыльцем роет, а хвостом след замечает.
35. В одно ухо влезет, в другое вылезет.
36. Лиса хитростью берет.
37. Где прыжком, где бочком, где ползком, а где и на карачках.
38. Лису хитрость кормит.
39. Лиса живет хитростью, а заяц – прыткостью.
40. Не гонкой волка бьют – уловкой.
41. Лиса семерых волков проведет.
42. Хитрость паче силы.
43. Хитростью силу борют.
44. Где силой не возьмешь, там хитрость на подмогу.
45. Льва ловят хитростью.
46. Лисица хитра, да шкуру ее купцам продают.
47. Просчитался злодей: враг хитер, а мы хитрее.
48. И хитрую лису можно изловить.
49. Хитра лиса, но еще хитрее – кто ее ловит.
50. Хитрость хитростью побеждают.
51. Полазчив пес, да и лиса хитра.
52. Хитра, мудра казанская, а хитрей ее астраханская.
53. Хватил коречком (ковшом), да ушел бочком.
54. Он из воды сух выйдет.
55. Он обувшись в рот влезет.
56. Он, как кошка, на все ноги падает.
57. Отыгрывается, как лиса хвостом.

58. И рыбы наловит, и ног не замочит.
59. В осмеры гости зовут, а все на правеж.
60. Идет рыба на блевку (корм), идет на блесну (на оловянную рыбку).
61. Звал волк коз на пир, да за гостинцами не идут.
62. Не ворошенный жар под пеплом лежит.
63. Под пеплом и жару не знать.
64. Хитрость и смекалка – родные сестры.
65. Хитрость – второй ум.
66. Хитрость не дурость, второй ум в голове.
67. Дурацкое дело – не хитро.
68. Вильнет (Крутит) умом, как пес (как лиса, как сорока) хвостом.
69. Перехитришь, так подметки не подкинешь.
70. Всю хитрость не изучишь, а себя измучишь. (в меру)
71. Лучше недохитрить, чем перехитрить.
72. Старую лису хитростям не учить.
73. Жизнь научит хитрить.
74. Премудрость одна, а хитростей много.
75. Что хитро, то и просто: девятью десять девяносто.
76. Коли ты спроста, и я спроста; коли ты с хитрости, и я с хитрости.
77. Тут пито, едено по простоте, без хитрости.
78. Хитрее теленка не будешь: языком под себя не достанешь.
79. Трудно лисе лапку положить, а то и вся взберется (от сказки).
80. С хитрецом водиться – в оба глаза глядеть. (бдительность)
81. Говоря с хитрецом, взвешивай ответ свой.
82. Не верь малому да лукавому.
83. В лукавом правды не сыщешь.
84. Разговорам не дивись, на хитрость не ловись.
85. Берегись: этот продаст, так не выкупит.
86. Заговелась лиса: загоняй гусей.
87. Постится щука, а пескарь не дремли.

88. Уснула щука, да зубы не спят.
89. Человек лукавый – что карман дырявый.
90. Не всяк спит, кто храпит.
91. Не там курица яйцо снесла, где кудахчет.
92. Когда ищешь лису впереди, то она назади.
93. Сам наперед бежит, а кричит: держи вора!
94. Не укусил, так подуськал (натравил).
95. У иноходца тысяча путей, у хитрого тысяча слов.
96. На семи сидел, а десять вывел (т.е. хитрый).
97. Битый битого (небитого) везет (из сказки о лисе).
98. Битый небитого на руках носит.
99. Нельзя перескочить, так можно подлезть.
100. Всюду вхож – как медный грош.
101. На грош пятаков ищет.
102. Пролезет в (сквозь) игольное ушко (Об опытном, хитром, изворотливом человеке.).
103. Коли поп Сеньку не обманет, так и Сенька попу правды не скажет.
104. Поп Федьку не обманет, а Федька попу правды не скажет.
105. Черт Ваньку не обманет: Ванька про него молитву знает.
106. Клевать-то клюет, да на удочку нейдет.
107. Его на кривых оглоблях не объедешь.
108. Хитрого да лукавого на кривой не объедешь.
109. Тот не хитер, кого хитрым считают.
110. На вид простак, а в душе хитряк.
111. Каждая хитрость прикрыта глупостью.
112. Волк в овечьей шубе (шкуре).
113. Прищуривай, Агашка, на левый глаз.
114. Хитри, да хвост береги.
115. В игре не без хитрости.
116. Игрок кум вору.

117. Золовка хитра на уловки.
118. Лукавой бабы и в ступе не утолчешь.
119. Голь хитра, голь мудрена, голь на выдумки горазда.
120. Голь на выдумки хитра.
121. Вертляв: в него и в ступе пестом не угодишь.
122. Вьюн: вокруг вьется, а в руки не дается.
123. У Лисы Патрикеевны ушки на макушке.
124. Лиса своего хвоста не замарает.
125. Хитрый всегда лазейку найдет.
126. Прямику одна дорога, поползнию десять.
127. Не бойся хитрого умного, бойся хитрого дурака.
128. От хитреца да глупца добра не жди.
129. Горбун прямика перехитрит.
130. Не сподручно волку с лисой промышлять.
131. И хитрая птица через свой клюв в силочку попадает.
132. Хитрый Митрий: нашими боками пашет, на своих отдыхает.
133. И гусь от гнезда отводит, собаку отманивает (дикий).
134. Всякий хитрец в своей старости слепец.
135. Лживому хитрецу румяна не к лицу.
136. Как ни хитри, а всё наружу выйdet.
137. Хитросплетения всегда отзываются ложью.
138. Копеечной хитрости – грош цена.
139. Хитрости лисы хитры для курицы.
140. Всякая хитрость глупостью закрыта.
141. Кабы на твою хитрость, да не моя простота!
142. На хитрость дай Бог мудрость.
143. Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости: добро и тварь помнит.
144. Хитростью поймашь даже льва, а силой не поймашь и сверчка.
145. Хитростью свет пройдешь – назад не воротишь.
146. И не хитро, да больно кстати.

147. Парень не промах.
148. Это щучка, остренький носок.
149. Ужом вьется, развивается.
150. Змеей извивается.
151. Вертеться как бес (черт) перед заутреней.
152. Вертеться как береста на огне.
153. Лисой пройти.
154. Слышу, лиса, про твои чудеса.
155. Будешь лукавить, так черт задавит. (Кто лукавит, того черт задавит.)
156. Злой с лукавым водились, да оба в яму ввалились.
157. Хитрый думает одно, говорит другое, делает третье.
158. Что хитро, то и не просто.
159. Что хитро, то и просто: девятью десять девяносто.
160. Только лапоть на обе ноги плетется, а и рукавички розни.
161. Перемудрил, так перетонил (т. е. перехитрил).
162. Ему бы только рыло свиное, так от него бы и сморчок под землей не ушел.
163. Лисичка всегда сытей волка бывает (или: живет).
164. Волк – голодай, лиса – лакомка.
165. Елохе (пройдохе) не живется плохо.
166. Не копай другу ямы: сам в нее ввалишься.
167. Что беснующемуся нож в руки, то лукавому власть.
168. Знает сорока, где зиму зимовать.
169. Худая увертка, а все лучше с нею (а без нее нельзя).
170. Финти-фанты, немецкие куранты.
171. То-сс говоря, да гуся по голове.
172. То-то невзначай, за вами примечай!
173. Хорошо чужими руками жар грести (загрывать).
174. Бог суди твои костыли.

ЛЕСТЬ

175. Согнулся дугой, да и стал как другой.
176. Кто много целует, редко не укусит.
177. Лъстец под словами – змей под цветами.
178. Лесть без зубов, а с костями съест.
179. Лесть словно зубами съест.
180. Кем хвалился, от того и повалился.
181. На языке мед, а под языком лед.
182. На языке медок, а на сердце ледок.
183. Уста медоточивые, а сердце смолой кипит.
184. Речи, как мед, а дела, как полынь.
185. На словах, что на санях, а на деле, что на копыле.
186. Не поддавайся на пчелкин медок; у нее жало в запасе.
187. Лихва да лесть дьяволу в честь.
188. И у осы мед есть.
189. Лесть да месть дружны.
190. Лестью и душу вынимают.
191. Ласкатель – тот же злодей.
192. Нахвалу недруга берегись.
193. Тебя манят – твоих денег хотят.
194. В душу вьется, а в карман глядит.
195. Ласки в глазки.
196. Птицу кормом, а человека словом обманывают.
197. Коли птицу ловят, так ее сахаром кормят.
198. Падок соловей на таракана, человек – на льстивые речи.
199. Мед сладко, а мухе падко.
200. На словах твоих хоть выпись.
201. Блином масляным в рот лезет.
202. Он без масла влезет.
203. Этот человек без подмазки в душу влезет.

204. Он куда хочешь без мыла влезет.
205. Он и чужой песне подыгрывать умеет.
206. Чей хлеб ем, того и песенку пою.
207. Кабы я ведал, где ты ныне обедал, знал бы я, чью ты песню поешь.
208. Для того свинья чужим (иным) голосом запела, что чужого хлеба поела
209. Которой рекой плыть, ту и воду пить (той и славу петь).
210. От кого чают, того и величают.
211. Потуда полыгал (рассказывал, забавлял), покуда ел.
212. В ком нужда, того знаем, как чувствовать.
213. Не в том куту сидишь, не те песни поешь.
214. Не его воз, не его и песенка.
215. Не льсти: к празднику не возьмут.
216. Не льсти: не к шерсти.
217. Ласковое теля двух маток сосет.
218. Ласковы телятки сосут по две матки.
219. Встречай не с лестью, а с честью!
220. Кабы не такал, так бы и не плакал (и не протакал).
221. Он перед начальством смычком (лучком) стоит.
222. С просителем шибко, с начальством гибко.
223. Мелким бесом рассыпается.
224. Что клеит, говорит.
225. Против шерсти не гладят.
226. Выпарь, да не обожги.
227. Эти кошки облизали ножки.
228. Служить бы рад, прислуживаться тошно.
229. Лисой ухаживает, кошкой увивается.
230. Меньше лести – больше чести.
231. У лести нет чести.
232. Не лести в болести: больше сляжешь - всё скажешь.
233. Учатся лести, а гордость и сама вырастет.

234. Женская лесть без зубов, а с костями сгложет.
235. Женская лесть по Петров день.
236. Женская лесть, хоть без зубов, а с костями съест.
237. Иногда и лесть лучше правды.
238. Лесть – дьяволу честь.
239. Лесть сама себя обманывает.
240. Римская лесть – мнимая честь.
241. Лестью вкрадываются в доверенность.
242. У кого видит, тому и бредит.
243. Ножки с подходом, ручки с подносом, сердце с покором, голова с поклоном, язык с приговором.
244. Не поздоровится от таких похвал.
245. От иной похвалы хоть в землю уйти.
246. Притворная лесть хуже полыни.
247. Нахвалу оберегайся, а похулить и сам сумеешь.
248. Льстивые слова говорит, а сам в карман норовит.
249. В душу влезет, а за грош продаст.
250. Один поет – другой подыгрывает.
251. Льстец шурит очами.
252. Сладкие уста — горькие сердца.
253. Забегать зайцем вперед.
254. Соловья кормят за песни.
255. Благослови, да головы не сломи!
256. Не люби потаковщика (потакальщика, потакалы), люби встречника.
257. Не люби поноровщика, люби спорщика (встречника).
258. Всем угодлив, так никому не пригодлив.
259. Такой-сякой, сухой, намазанный (лесть).

ДВУЛИЧИЕ

260. В людях ангел, а дома черт.

261. В людях Илья, а дома свинья.
262. В людях Ананья, дома каналья.
263. Днем тихо, а ночью лихо.
264. Бородка Минина, а совесть глиняна.
265. Где в волчьей нагольной, где в лисьей под плисом.
266. Глядит лисой, а пахнет волком.
267. Поет соловьем, а рыщет волком.
268. Поет как соловей, а кусает как гадюка.
269. Волчья кайка, да лисья незнайка.
270. Звяга-то овечья, а сыть-то человечья.
271. У того голубочка велики (остры) зубочки.
272. Бахарь, что сахар, а в подонках пушина.
273. Железный кулак в бархатной перчатке.
274. В глаза не льсти, а за глаза не брани (а за глаза как знаешь).
275. Ногами хром, а душою крив.
276. Нос крив, и нрав неправ.
277. Кос очами, крив речами.
278. В тихом омуте (болоте) черти водятся.
279. В тихой воде омуты глубоки.
280. Тихо озеро, а чертей полно.
281. Тихая вода берега подмывает.
282. Вода все кроет, и берег роет.
283. Понурая свинка глубок корень роет.
284. Не верь тишине морской.
285. Тихо море, поколе на берегу стоишь.
286. Хвостом вертит, а за руки хватает.
287. Ласковый взгляд, да на солнце яд.
288. Руки лижет, а зубы на оскале.
289. Из-за угла да камнем.
290. В ногах ползает, а за пятку хватает.

291. Из одной избы и горячо и студено.
292. Из одних уст клятва и благословение.
293. Из одного рта и тепло и холодно.
294. Одни уста и теплом и холодом дышат.
295. Одни глаза и плачут и смеются.
296. Одна слеза катилась, а другая воротилась.
297. Ай, ай, месяц май: тепел, да холоден (да голоден).
298. Одной рукой дает, другою отнимает.
299. Подал ручку, да подставил ножку.
300. Ложкой кормит, а стеблом (череном) глаз колет.
301. Кормит калачом, да в спину кирпичом.
302. Низко кланяется, а больно кусает.
303. Ноги целует, а головы ищет.
304. В ноги кланяется, а за пяты хватает.
305. Бархатный весь, а жальце есть.
306. Добрый баранчик, да по-волчьему воет.
307. Добрый сосед — только волка чужой собакой травит, а свою поберегает.
308. Передом кланяется, боком глядит, задом щупает.
309. Спереди машут, а сзади кукиш кажут.
310. Хвостом виляет, а зубы скалит.
311. Вьется ужом, а топорщится ежом.
312. Ярко желают, да руки поджимают.
313. И взлетает, и хвостиком повиляет.
314. Поклонен, покорен, а в глазах искра есть.
315. В глаза и бога боится, и людей боится; а за глаза — никого не боится.
316. В очах мило, да в сердце постыло.
317. У кошечки когти в рукавичках (в перчатках).
318. Гладко шерстка, да и ноготок остер (кошка).
319. Злой человек и повалясь в глаза глядит.

320. В глаза ласкает, а по заглазью лает.
321. Спереди лижет, а сзади царапает.
322. Спереди бы любил, а сзади бы убил.
323. В глазах мил, за глаза постыл.
324. Не хвали меня в очи, не брани за глаза.
325. Тупой серп руку режет пуще острого.
326. Поднять бы ему губы, да заглянуть в зубы (на годы).
327. Согнулся дугой, да и стал как другой.
328. Кто кого заглазно бранит, тот того боится.
329. Набьет улыбка оскомину.
330. В глазах — как лисица, а за глазами — как волк.
331. Лисий хвост, да волчий рот. И волчий рот (зубы), и лисий хвост.
332. Волк в овечьей шубе (шкуре). (Волк под овчиной.)
333. Где волчий рот, а где лисий хвост.
334. Манят: козанька, козанька, а приманят: волк тебя съешь!
335. Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком.
336. Когда коня вадят, тогда его гладят, а как привадят, так придавят.
337. Лукавый — как кошка: спереди лапу дает, а сзади дерет.
338. Не корми меня калачом, да не бей в спину кулаком.
339. Вьется и ужом и жабою.
340. В траве идет — с травой вровень; в лесу — с лесом.
341. Где в волчьей нагольной (шубе), где в лисьей под плисом.
342. Помоги, боже, кому бог поможет (а кому поможет, за того и мы).
343. Помоги, боже (Помогай бог), и нашим и вашим (и вам и нам)!
344. Одному богу молится, а другому кланяется.
345. Всем богам по сапогам.
346. На одних подметках семи царям служил.
347. Богу молись, а черта не гневи!
348. Ставь и черту свечу: не знаешь, куда угодишь (т. е. в рай или в ад).
349. Богу свечу, черту ожиг (кочергу).

350. Умей угодить на угодного и на неугодного.
351. И волки сыты, и овцы целы.
352. И нам тепло, и вам сытно, и ему улежно.
353. Эта епанча на оба плеча.
354. И нашим и вашим за копейку спляшем.
355. Он на пяти овинах рожь молотит.
356. Двум господам один раб не услужит.
357. На двоих господ не долго наслужишься (не угодишь).
358. Кто в двой бедра бьет, в том пути не живет.
359. Отсуленная голова двоим не служит.

ЛИЦЕМЕРИЕ

360. В смирном платье, да не с такою думкой.
361. Только славу ведет, что рано встает.
362. Кумушкины слезки на базаре дешевы.
363. Это мыши кота погребают.
364. Плакала кукушка, что детей отдала в люди.
365. Голосом завывает, а сердцем кутьи поджидает (плакуша).
366. Горько плачет, а вприсядку пляшет.
367. Говорит направо, а глядит налево.
368. Хорош напев, да забориста и песня.
369. Сладко поет, инно заслушаешься.
370. Мягко стелет, да жестко спать.
371. Приветлив стлать, да жестко спать.
372. Мягко съел, да черство в живот пошло.
373. Ласково говорит, да черство слушать.
374. Сладко в рот, да горько вглот.
375. Уху сладко, глазам падко, а съешь – гадко.
376. Не всяк спит, кто храпит.
377. Не там курица яйцо снесла, где кудахчет.

378. Говорит крестом, а глядит пестом.
379. Целовал ястреб курочку до последнего перышка.
380. Называет другом, а обирает кругом.
381. Хорош мой друг, да дурен (правды не говорит).
382. Я тебе рад, да боюсь, что ты вороват.
383. Речами тих, да сердцем лих.
384. Тихо кадит, да вонько несет.
385. В воду глядит, а огонь говорит.
386. В книгу глядит, а огонь говорит.
387. Говорит воду, а во рту сухо.
388. Сказал сухо: подымайся под самое ухо!
389. Говорит красно, а поглядишь – пестро.
390. Говорит прямо, а делает криво.
391. Говорит бело, а делает черно.
392. Скажет вдоль, а сделает поперек.
393. Речи, что снег (что мед), а дела, что сажа (что полынь).
394. На словах его хоть выспись, а на деле и головы не приклонишь.
395. Словами, что листьём, стелет, а делами, что иглами, колет.
396. Не корми меня тем, чего я не ем! (Не жалей меня, пожалей себя!)
397. Не плачь по мне, плачь по себе.
398. Вашим добром, да вам же челом.
399. Противно, как нищему гривна.
400. Он не пьет вина, глотает.
401. Не накладно сытого потчевать.
402. Сам нож точит, а говорит: не бось.
403. Полно, друг, молоть, отдохни да потолки.
404. Кормят вола, чтоб кожа была гладка.
405. Подъехал с подгорелым солодом.
406. Милости прошу к нашему грошу со своим пятаком.
407. Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву.

408. Пожалел темени, так ударил в косицу.
409. Пойми волка слезы.
410. Верь волчьим слезам.
411. Большому вытью не верь.
412. Плач голосист, а печаль смиренна.
413. Так прибедрнется, что станового разжалобит.
414. Не прикидывайся овцою: волк съест.
415. Полюби-ко нас в черне, а в красне и всяк полюбит.
416. Тогда мне губы лижи (обнимай меня), когда они горьки, а когда сладки
– и сам оближу.
417. У лицемера хвалы горшок, а у завистного хулы мешок.
418. Хорошую ты песню поешь, да слушать-то не хочется.
419. Хорошо ты поешь, да мне плясать неохота.
420. Кому скромно, а нам на здоровье.
421. Постригся кот, посхимился кот, а все тот же кот.
422. Волк и каждый год линяет, а все сер бывает.
423. Молчан-собака из-под подворотни хватает.
424. Молчан исподтишка хватает.
425. Кто голдобней, кто молчанкой.
426. Иной тем подсидит, что ловко (кстати) смолчит.
427. Исподтишка кладет (ловит) шишки.
428. Смалчивай, невестка, сарафан куплю.
429. Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой.
430. Не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка хватает.
431. Лицемерие и ложь – одно и то ж.
432. Лицемерщики Богу молятся, а чертям веруют.
433. Сядь-ка на гладком месте, на бороне!
434. Глазами плачет, а сердцем смеется.
435. Глазам-то стыдно, а душа-то рада.
436. Я, брат, писать умею, а читать не умею.

437. Я по мелочи считаю, а крупных денег не знаю.
438. Сыт, тетушка, ложки нет.
439. Сыт и тем, чего не дали.
440. Близорук: через хлеб, да за пирог.
441. Хлеба не ест, вина в рот не берет, а завсегда сыт и пьян живет.
442. От слышит, как трава растет.
443. И не глядит, да видит.
444. Не течет, не течет, да и канет.
445. Ахи да охи не дадут подмоги.
446. Круто-туго выжимает (белье), знать, дружка поджидает.
447. Выжимает, как дружка поджидает.
448. Ныне люди слезам не верят, а охти мне нипочем.
449. Женская ласка да морская затишь (равно надежны).
450. Жена мужа любила: в тюрьме место купила.
451. У корысти всегда рожа бескорыстна.
452. Играет, как кот с мышкой. Кошке игрушки, мышке слезки.

ПРОСТОТА

453. Простота святая, да ее ж и на зубы поднимают.
454. Простота хуже воровства. С простоты люди пропадают.
455. Выть тебе волком за твою овечью простоту.
456. Среди поста и матушка проста.
457. Прост, как свинья, а лукав, как змея.
458. Глуп как свинья, а лукав как черт.
459. Кому невдомек, так добрый человек.
460. Простота – половина спасенья.
461. Простота да чистота – половина спасенья.
462. Простота, чистота, правота – наилучшая лепота.
463. Простота человека к богу приводит.
464. В простых сердцах бог почивает.

465. Где просто, там ангелов со сто.
466. Где просто, там ангелов со сто; где хитро (где мудрено), там ни одного.
467. Живи просто, выживешь лет со сто.
468. От чиста сердца чисто зрят очи.
469. Наш Авдей никому не злодей, а наш Демид прямо глядит.
470. Попросту, как по холсту.
471. Живучи просто, доживешь лет до ста; а кто лукавит, того скоро черт задавит.
472. Наш Пахом с Москвой знаком.
473. Он и Ивашка, да не промашка.
474. На простака хитреца падки.
475. Простачкам Бог опекун.
476. Бывает и простота хуже воровства.
477. Простота – безо зла.
478. Простота – дому пустота.
479. Простота дороже красоты.
480. Простота пуще воровства.
481. Простота святая – да ее ж и на зубы подымают.
482. За нашу простота обвенчают и в посту.
483. Где нет простоты, там одни пустоты.
484. Замысловато, да туповато; просто, да остро.
485. Его сразу не раскусишь.
486. Тугонек я тебе орешек дался.
487. Правдивому мужу лукавство не под нужу.

ПРЯМОТА

488. Хотя прям, да упрям.
489. Незнаемая прямизна – та же кривизна.
490. Незнаемая прямизна наведёт (наводит) на кривизну.
491. Прямина в кросны, а кривизна в лес!

492. Не прямо, да право.
493. Будь прям, да не (будь) упрям.
494. Будь прям, да упрям.
495. Прямого нечего править.
496. Прямого нечего править, а править – испортить.
497. Прямое править – испортить.
498. Прямое прямее не будет.
499. Прямой напорется, кривой пройдёт.
500. Прямой как шальной.
501. Прямой что дурной.
502. Прямой что слепой: ломит зря.
503. Не прямота бранится, а задор.
504. Прямь одна, а косина да кривизна одна на одна не придётся.
505. Прямьей века не изживешь.
506. Прямику одна дорога, поползнию десять.

SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY

As a manuscript copyright

Zhao Simin

**THE CONCEPTUAL FIELD “DIRECTNESS / SLYNESS” IN THE
RUSSIAN PROVERBIAL SPACE: LINGUO-COGNITIVE ASPECT**

Scientific specialty 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia

Dissertation

For a scientific degree of
Candidate of Philological Sciences

Translation from Russian

Scientific advisor:
doctor of Philology, Professor
Zinovieva Elena Innokentievna

Saint Petersburg

2023

CONTENTS

INTRODUCTION	184
CHAPTER 1. THEORETICAL BASIS OF THE RESEARCH OF THE CONCEPTUAL FIELD OF PROVERBS	192
1.1. Linguocognitive direction of studying linguistic units	192
1.1.1 Definition and essence of the linguo-cognitive approach	192
1.1.2. The content of the terms "concept", "proverbial concept", "cognitive model" and "cognitive model of the proverb"	194
1.1.3. Methodology of semantic-cognitive research of proverbial concepts	198
1.2. The proverbial picture of the world as part of the linguistic picture of the world	203
1.2.1. The concept of "linguistic picture of the world"	203
1.2.2. The content of the term "proverb". The main directions of the study of proverbs	206
1.2.3. The concepts of "proverbial/paremiological picture of the world", "Proverbial space"	211
1.3 The Field Approach in Linguistics	214
1.3.1 Field Theory in Linguistics	214
1.3.2 The concept of the conceptual field	217
Conclusion of the chapter	219
CHAPTER 2. LINGUO-COGNITIVE ANALYSIS OF RUSSIAN PROVERBS OF THE CONCEPTUAL FIELD «DIRECTNESS / SLYNESS»	222
2.1. The general composition and characteristics of the material	222
2.2. Means of organizing the proverbial conceptual field “DIRECTNESS / SLYNESS” in Russian	223
2.2.1 The semantic relations of proverbs verbalizing the conceptual field “DIRECTNESS / SLYNESS”	223

2.2.2. Direct and indirect nomination of concepts of the proverbial field “DIRECTNESS / SLYNESS”	232
2.2.3. Models of conceptual metaphors and comparisons in Russian proverbs of the conceptual field “DIRECTNESS / SLYNESS”	237
2.2.4. Zoonimic images in the proverbs of the conceptual field “DIRECTNESS / SLYNESS”	249
2.3 Macro- and microconcepts of the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS" in the Russian proverbial space	255
2.3.1. The concepts "CUNNING" and "SIMPLICITY" in the Russian proverbial space	255
2.3.2. The concepts "HYPOCRISY", "FLATTERY" and "DUPLICITY" in the proverbial space of the Russian Language	266
2.3.3. The concept "DIRECTNESS" in the Russian proverbial space	280
2.3.4 Verification of the Proverbial Concepts Consistency with the Present Concepts in the Modern Russian Language Consciousness	282
2.4 Frame Analysis of Proverbs of the Conceptual Field "DIRECTNESS / SLYNESS" in Discourse	298
2.5. Model of the Field Organization of the Proverbial Conceptual Field "DIRECTNESS / SLYNESS" in the Russian Language	311
2.5.1. Vertical organization of the proverbial conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS"	312
2.5.2. Horizontal organization of the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS" in the Proverbial space	313
Conclusion of the chapter	315
CONCLUSION	318
LIST OF USED LITERATURE	322
LIST OF DICTIONARIES AND SOURCES	333
ANNEX. LIST OF THE ANALYZED PROVERBS	334

INTRODUCTION

During the last decades in the Russian linguistics the basic concepts of the Russian mentality were studied, the analysis was carried out on the lexical, phraseological, paremiological material, with the latter being involved in the study of the peripheral zone of the corresponding concepts. It should be noted that the linguistic study of the concepts **DIRECTNESS** and **SLYNESS** is currently insufficient, despite the fact that their opposition organizes around itself an important fragment of the conceptosphere of the Russian man.

In our opinion, in order to study the ways of verbalizing certain parts of the national picture of the world, it is advisable to use the Field approach, which has long been proven in the scientific literature. The concept of "Conceptual field" is relevant in this connection. The Conceptual field "is not simply a set of concepts, the features of which are ordered in a certain hierarchy, but a system of interconnected, mutually intersecting cognitive structures, represented in the linguistic picture of the world by means of various ways of nomination". [Lomonosova 2008: 5]. An important fact is that "the Conceptual field is a fragment of the conceptual system of the speaking society, which reflects the ethnic scale of values, including the current cultural codes" [Laenko 2011: 34].

Conceptual fields are now widely studied by linguists as a way of organizing the lexicon [Laenko 2011], as a fragment of the Russian language picture of the world, including in a comparative aspect [Liang Hongqi 2016, Wang Yicheng 2019]. The conceptual field is studied on the material of a particular discourse [Ostrovskaya 2017], on the material of phraseology and paremiology [Borscheva 2012, Balashova 2014]. Such Conceptual fields as "Love" have been analyzed. [Tananina 2003], "Patience" [Dolgova 2006], "Aggression" [Klyuchevskaya 2011], "Sin" [Zhukovskaya, Saygin 2017], "Childhood" [Lebedeva 2013], "Faith" [Elzein 2013], etc.

In this study the term "Conceptual field" will be used in relation to the set of proverbs of the Russian language, forming a fragment of the proverbial space, objectifying the opposition "**DIRECTNESS / SLYNESS**".

The relevance of this study is conditioned by: 1) its inclusion in the problems of the modern paradigm of scientific linguistic research, the fact that it will be integrative in nature, due to the use of methods of cognitive linguistics, linguocultural studies, conceptology; 2) the fact that the conceptual field of Russian proverbs "DIRECTNESS / SLYNESS" is voluminous in its composition, and therefore forms a significant for native speakers fragment of paremiological space; 3) little study of the analyzed conceptual opposition, important for the Russian mentality.

The object of the study is Russian proverbs, which verbalize the opposition "DIRECTNESS / SLYNESS".

The subject of the study is the linguo-cognitive potential, cognitive features, knowledge structures, expressed by the proverbs of the Conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS".

The hypothesis of the study is that the proverbs belonging to the Conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS" have their own characteristic features, manifested in their nominative density, vivid imagery, evaluation and ambivalence. An integrative analysis of Russian proverbs in this group will reveal the linguo-cognitive potential of the internal form and meaning of proverbs.

The aim of this work is to model the Conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS" as a fragment of the proverbial space of the Russian language.

The set goal implies the solution of the following **tasks**:

- 10) to describe the theoretical basis of the study;
- 11) to carry out a complete selection of proverbs, verbalizing the opposition "DIRECTNESS / SLYNESS", from the dictionaries of Russian proverbs;
- 12) to identify the micro-concepts of the Conceptual field;
- 13) to identify the ways of nominating concepts in proverbial space;
- 14) to identify the linguo-cognitive potential of the internal form of proverbs;

- 15) to conduct a discourse-frame analysis of the proverbs, which are most frequently encountered in the "the Russian National Corpus" (hereinafter - RNC);
- 16) to conduct a linguo-cognitive analysis of the concepts of the field;
- 17) to reveal the correspondence of the proverbial concepts to the representation existing in the modern Russian language consciousness;
- 18) to present the vertical and horizontal organization of the Conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS".

Research methods: the method of entire material sampling from lexicographic sources, methods of linguo-cognitive analysis, component analysis, comparison, discourse-frame analysis, descriptive method, method of contextual analysis, method of stylistic characteristics, the method of quantitative calculations.

The material of the study is the data extracted from the dictionary "Proverbs of the Russian people" by V.I. Dal, "Big dictionary of Russian proverbs" by V.M. Mokienko and T.G. Nikitina, explanatory dictionaries of the Russian language, used for the semantization of words-representatives of the Conceptual field and individual components of the proverbs, illustrative contexts from RNC and Internet sources.

The theoretical and methodological basis of the thesis research consisted of:

- The works on cognitive linguistics and linguocultural studies: Y.M. Lotman 1971, G.A. Brutyan 1973, V.I. Gerasimov 1985, Dyck, T.A. van. 1989, V. B. Kasevich 1990, N. D. Arutyunova 1991, V. Z. Demyankov 1992, E. G. Belyaevskaya 1994, Y. D. Apresyan 1995, E. S. Kubryakova, V. Z. Demyankov, Y. G. Pankratz, L. G. Luzina 1996, E.S. Yakovleva 1996, D.O. Dobrovolsky 1997, V.P. Rudnev 1997, V.L. Moiseeva 1998, E.V. Uryson 1998, E.Yu. Balashova 2004, S.A. Kosharnaya 2005, 3.D. Popova, I.A. Sternin 2007, V.V. Krasnykh 2012, E.I. Zinovieva 2016, etc.;
- works in the field of studying the field approach: A.A. Ufimtseva 1961, D.N. Shmelev 1964, L.M. Vasiliev 1971, Y.D. Apresyan 1974, G.S. Schur 1974, Y.N. Karaulov 1976, I.A. Sternin 1985, A.V. Tananina 2003, I.A. Dolgova

2006, V.V. Krasnykh 2012, O.V. Borscheva 2012, L.V. Laenko 2012, M.Y. Lebedeva 2013, etc;

– works devoted to the study of Russian proverbs: Y.I. Levin 1984, G.L. Permyakov 1970, 1988; V.P. Zhukov 1991, L.B. Savenkova 2002, E.V. Ivanova 2003, A.N. Baranov 2008, Y.E. Lomonosova 2008, E.I. Seliverstova 2009, E.A. Koiranskaya 2011, A.A. Konstantinova 2012, M.A. Seregina 2012, A.A. Konstantinova 2012, V.M. Mokienko 1997, 2015, M.A. Bredis 2017, O.V. Lomakina 2018, 2019, 2020, M.A. Bredis, T.E. Vladimirova 2020; E.N. Antonova 2020, E.E. Ivanov 2021, E.I. Zinovieva, A.S. Aleshin 2022, etc.

The following main **theses** to be defended:

1. The Conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS" in the proverbial space is a set of interconnected / mutually intersecting or forming an opposition in the proverbial fund of micro-concepts, united or opposed by certain cognitive features.

2. Linguo-cognitive analysis of proverbs as biplanar linguistic units involves, on the one hand, the interpretation of their meaning plan by identifying and describing cognitive features, and on the other hand, the disclosure of the internal form of proverbs through the study of ways of nominating the concept, consideration of conceptual metaphors and comparisons contained in the plan of expression of proverbial units.

3. When describing the cognitive models of proverbs, it is advisable to distinguish general and private models, which allow for a dual approach to their definition. On the one hand, private cognitive models may include the internal form of the proverb, and general models may include the meaning of the proverb, since proverbial units with different internal forms may have the same meaning in the proverbial space. On the other hand, it is possible to consider the invariant meaning of one proverb as a general model, and its variant meanings in different discursive situations as private models. In this case, the general and private cognitive models of the proverb are revealed in the contexts.

4. The discourse-frame analysis is particularly relevant to the interpretation of proverbs in linguadidactic aspect because the frame is a visual way of representing the structured knowledge that forms the proposition of the proverb, allowing to identify the invariant cognitive model, and the discourse approach allows to identify the variant implementations of this model.

5. In the conceptual proverbial field of the Russian language "DIRECTNESS / SLYNESS" there is an intersection and semantic syncretism of the concepts "CUNNING", "HYPOCRISY", "FLATTERY" and "DUPLICITY".

The scientific novelty of the study is:

- First, in comprehensive linguistic and cognitive analysis of the internal form and meaning of the proverbs, including the study of conceptual metaphors, metonymies, comparisons, zoonisms in proverbs, the identification of cognitive features of proverbial concepts;

- Secondly, in the Field approach to the consideration of proverbial concepts, which allows us to model the structure not only of the concepts themselves, but also of the conceptual field formed by the concepts;

- Third, in the discourse-frame approach to the analysis of the contexts in which proverbs are used;

- Fourth, in revealing different types of semantic relations between the proverbial units in the studied fragment of proverbial space.

The theoretical significance of the study lies in the fact that it can contribute to the further development of the methodology of linguo-cognitive analysis of paremics, to create a basis for a lexicographic description of Russian proverbs in the educational frame dictionary for foreignophones.

The practical significance of the study is determined by the possibility of using its results in the practical Russian language classes in foreign audiences, in lecture courses on cognitive linguistics, paremiology, linguoculturology, as well as in lexicographic practice in the preparation of learner's dictionaries.

Structure of the work: the thesis consists of an introduction, two chapters, a conclusion, lists of references, dictionaries and sources, appendices.

The introduction defines the relevance, novelty, object and subject of the study, hypothesis, goal, objectives, methods of the research, material, theoretical and practical significance of the work, theses to be defended.

The first chapter deals with issues related to the linguo-cognitive direction in modern science, and the basic concepts of cognitive linguistics: analyzes the content of the terms "concept", "proverbial concept", "cognitive model" and "cognitive model of the proverb", highlights the problem of different understanding of the proverb in Russian linguistics, reveals the content of the terms "linguistics world picture", "proverbial world picture", "The proverbial space", considers the Field theory and the concept "Conceptual field".

The second chapter is devoted to the linguo-cognitive analysis of Russian proverbs of the studied conceptual field. It reveals the linguo-cognitive potential of the internal form of proverbs through the study of metaphors and comparisons contained in the proverbs. Cognitive features of the concepts and their field structure are revealed. Vertical and horizontal components of the organization of the Conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS" are presented.

The conclusion contains a summary of the observations made.

The appendices contain a list of Russian proverbs involved in the analysis.

Approbation: Theoretical theses and results of the study were discussed at postgraduate seminars of the Department of Russian as a Foreign Language and Methodology of its Teaching, and presented in the form of reports at scientific conferences:

6. International Scientific Conference "Slavic Phraseology and Paremiology: Current Issues and Prospects of Development" (Gomel, Belarus, December 2020);

7. The 50th L.A. Verbitskaya International Scientific Philological Conference (St. Petersburg, March 2022);

8. International scientific-practical conference "Ethnopedagogy as a Factor in Preserving Russian Identity" (Cheboksary, June 2022)

9. All-Russian Scientific Conference with International Participation "Cognition, Culture, and Communication in Modern Humanities" (Novosibirsk, September 2022)

10. International Scientific and Practical and Scientific-Methodical Conference "Actual Problems of Teaching Russian as a Foreign Language in Modern Education - 2022" (Petrozavodsk, October 2022)

The main results of the thesis research are reflected in 7 publications, 5 of which were published in scientific indexed journals from the list recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation:

1. Types of Semantic Connections of Proverbs Verbalizing the Opposition "DIRECTNESS / SLYNESS" (Linguo-cognitive Approach) // Uchenye Zapiski Novgorodskogo Gosudarstva. - 2021. № 4(37). - C. 448-452.

2. The concept "cunning" in the Russian proverbial space: linguo-cognitive aspect // Izvestiya Volgogradskogo gos. pedagogicheskogo uezta. - 2022. № 1(164). - C. 184-188.

3. The concept "hypocrisy" in Russian proverbial space: linguo-cognitive aspect // Bulletin of Chuvash State Pedagogical Univ. of I. Yakovlev. - 2022. № 2(115). - C. 133-138.

4. Conceptual metaphors in Russian proverbs, verbalizing the opposition "DIRECTNESS / SLYNESS" // Cognitive language research. - 2022. № 2(49). - C. 505-510.

5. Metaphor and metonymy as methods of indirect nomination of concepts in the proverbial space (on the example of Russian proverbs, verbalizing the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS") // Cognitive language research. - 2022. № 2(50). - C. 562-566.

6. Russian proverbs with the component-zoonym, verbalizing the concept "slyness" // Slavic phraseology and paremiology in language and speech: Collection of scientific articles / Editors: *O.N. Melnikova* (ed.) [etc.]. - Gomel: Francysk Skaryna State University of Gomel, 2020. - C. 189-195.

7. The Linguistic and Cultural Potential of Russian Parems with Comparative Expressions (on the Proverbs about Lyudmila Alekseevna Verbitskaya) // Theses of Reports of the 50th International Scientific Philological Conference named after Ludmila Alekseevna Verbitskaya. St. Petersburg, March 15-23, 2022. - SPb.: Izd. St. Petersburg State University, 2022. - C. 522.

CHAPTER 1. THEORETICAL BASIS OF THE RESEARCH OF THE CONCEPTUAL FIELD OF PROVERBS

1.1. Linguocognitive direction of studying linguistic units

Having emerged in the last two decades of the 20th century, cognitive linguistics is one of the actively developing linguistic trends both in Russia and abroad. According to V.Z. Demyankov and E.S. Kubryakova, cognitive linguistics studies language as a general cognitive mechanism, as a cognitive instrument of the system of signs that play a role in the representation (coding) and transformation of information (Demyankov, Kubryakova, 1996: 53).

Although the field of research in cognitive linguistics has not yet been definitively formed, today it has already identified, on the one hand, numerous currents characterized by their general cognitive organization (cf. [Gerasimov 1985]), within which projects of different types of cognitive grammars, cognitive studies of discourse, cognitive lexicology, etc. are put forward. On the other hand, different variants of its cognitive versions are being actively developed in the field of semantics - prototypical semantics, conceptual semantics, frame semantics, etc. can be considered its varieties (cf.: [Demyankov 1992; 1994; Kharitonchik 1992; Belyaevskaya 1994, etc.]).

1.1.1 Definition and essence of the linguo-cognitive approach

A number of linguistic problems can be distinguished, which receive new coverage and new solutions by virtue of their consideration from the cognitive point of view (Demyankov and Kubryakova 1996: 55). In our opinion, the cognitive approach also provides new research possibilities in such traditional linguistic sciences as paremiology. The study of proverbs from the cognitive point of view, on the one hand, allows for an in-depth and complex description of the proverbial units, verbalizing one or another concept, and, on the other hand, to

reveal cognitive features and model the structure of concepts in the proverbial space.

European linguistic literature distinguishes two branches of cognitive linguistics: cognitive semantics and cognitive grammar (Evans, 2007: 22). This division is based on the object of study. In Russian linguistics, the branches of cognitive linguistics are distinguished on the basis of different criteria.

As E.Yu. Balashova rightly points out, in Russian cognitive linguistics there are two main approaches to the study of language units: linguo-cultural and linguo-cognitive (Balashova, 2004: 6).

The linguocultural approach implies the study of the specificity of the national conceptosphere in the direction from culture to individual consciousness. This approach defines concepts as the basic units of culture possessing figurative, conceptual and value components, with prevalence of the latter (V.I. Karasik). To researchers working in the framework of the linguocultural approach, E.Yu. Balashova classifies Yu.S. Stepanova, V.I. Karasik, V.V. Krasnyh, V.A. Maslova, N.F. Alefirenko and others.

The representatives of the linguo-cognitive approach E.Yu. Balashova includes researchers who proceed from the fact that such unit of mental information as a concept, which provides "access to the conceptosphere of society", lies at the basis of knowledge about the world. From the positions of the linguo-cognitive approach to the study of the concept its field model presented in terms of the core and periphery was developed. E.Yu. Balashova names E.S. Kubryakova, Z.D. Popova, I.A. Sternin, V.N. Telia and others as representatives of this approach. (Ibid.: 6).

The most complete, in our opinion, directions of cognitive linguistics are represented by the works of Z. D. Popova and I. A. Sternin. The researchers distinguish:

- The culturological direction, which involves the study of concepts as elements of culture with the help of methods of various sciences (the authors consider Y.S. Stepanov to be a representative of this direction);

- Linguoculturological – study of concepts "from language to culture", i.e. the fixation of features of culture in the verbal space is investigated (V.I. Karasik, S.G. Vorkachev);
- logical – analysis of concepts by logical methods (N.D. Arutyunova);
- semantic-cognitive – the study of lexical and grammatical semantics to obtain information about concepts, to model them (E.S. Kubryakova, N.N. Boldyrev, E.V. Rakhilina, A.P. Babushkin, Z.D. Popova, I.A. Sternin);
- philosophical-semiotic – analysis of signification and its cognitive basis (A.V. Kravchenko) (Popova, Sternin, 2007: 12).

The semantic-cognitive direction, developed by Z.D. Popova and I.A. Sternin within the framework of the linguo-cognitive approach, involves the study of lexical and grammatical semantics of language as a means of access to the content of concepts, as a means of their modeling from language semantics to the conceptsphere (Ibid.). In this dissertation research we will consider a individual fragment of the conceptsphere through the appeal to the semantics of proverbs, adhering in general to the methodology developed by Z.D. Popova and I.A. Sternin.

The essence of this methodology is that through the study of the semantics of linguistic signs one can penetrate into the conceptsphere of language, find out what was important for this or that people in different periods of its history, and what remained out of sight (ibid.: 13). In this study we will be interested in the traditional perceptions of the Russian people, fixed in proverbs.

1.1.2. The content of the terms "concept", "proverbial concept", "cognitive model" and "cognitive model of the proverb"

Despite the fact that the concept is a key term in cognitive linguistics, the term is defined ambiguously by scientists.

E.S. Kubryakova understands the concept as an operative unit of memory, mental lexicon, conceptual system and language of the brain, the whole picture of

the world, a quantum of knowledge. In her opinion, the most important concepts are expressed in language (KSCT, 1996: 90 - 92).

As a representative of the linguocultural approach, V.V. Krasnykh defines a concept as follows: it is the most abstract idea of the "cultural object", which has no visual prototypical image, although visual-image associations associated with it are possible (Krasnykh, 2003: 272). In the interpretation of V.V. Krasnykh the concept can only be a unit of a high degree of abstraction, having a national-cultural specificity, called a word and including verbal associations on the name of the concept.

From S.G. Vorkachev's point of view, if a mental formation has no ethnocultural specificity, it does not belong to concepts (Vorkachev, 2004: 51).

In contrast to the opinions of the above-mentioned linguists, Z.D. Popova and I.A. Sternin believe that, firstly, concepts are more correctly interpreted as units of thinking and not memory, since their main purpose is to provide the process of thinking; secondly, the concept does not necessarily have language expression. There are verbalized and non-verbalized concepts; third, not all concepts refer to higher spiritual entities or abstracted ideas. Many concepts have an empirical and concrete character, for example: the concepts "hand", "run", etc.; fourthly, there are everyday concepts, which have no ethno-cultural specificity (Popova, Sternin, 2007: 25).

In our study, we will adhere to the definition proposed by Z.D. Popova and I.A. Strynin, according to which the concept is the “discrete mental formation, which is the basic unit of human mental code, which has a relatively ordered internal structure, which is the result of cognitive (cognitive) activities of the individual and society and carries a comprehensive, encyclopedic information about the reflected object or phenomenon, about the interpretation of this information by public consciousness and the attitude of public consciousness to this phenomenon or object” (Ibid: 24).

Despite the fact that the proverbs we study originated in distant chronological periods, they preserve the constants of the system of values of the Russian people,

not changing over time and actualized in the thinking and communication of man to this day. The study of proverbs as a means of access to the content of concepts allows us to reveal cognitive information about the reflected object or phenomenon, about the attitude of language consciousness to this phenomenon or object.

In addition to the term “Concept”, V.V. Krasnykh also singles out the term “Cognitive structure”. According to the author's definition, the cognitive structure is an indivisible cognitive unit that stores "coiled" knowledge and/or representation. The researcher distinguishes two types of cognitive structures: cognitive structures that include information (knowledge and representations) about the real surrounding world, and knowledge about language (Krasnykh, 2003: 64). Z.D. Popova and I.A. Sternin conditionally call them phenomenological and linguistic cognitive structures (Popova, Sternin, 2007: 24). In our opinion, the task of cognitive linguistics is to consider the linguistic cognitive structure in order to bring it closer to the phenomenological one.

In V.V. Krasnykh's concept the relationship between the terms *concept* and *cognitive structure* remains unexplained; in principle, a concept can be defined as a cognitive structure and vice versa. A number of scientists use the term *cognitive structure* as a synonym of the term *concept* (see, for example, the article by G.S. Tukaeva (2009)).

In this study, we will use the term *concept* as a working term, viewing it as one possible type of cognitive structure.

In recent years the term *concept* is widely used when considering the semantics of linguistic units, including proverbs, from a new perspective. Relying on the opinion of V.N. Telia, E.V. Ivanova puts forward the term *proverbial concept* and defines it as all knowledge about the object, which can be obtained on the basis of the analysis of the content plan of proverbs. Then, following R.M. Frumkina, E.V. Ivanova divides her proposed concept into proverbial concept-maximum and concept-minimum, which, respectively, speak of one concept described by all the proverbs and of all the concepts included in the cognitive model of one proverb (Ivanova, 2006: 109). For example, in our material all

proverbs, verbalizing the concepts DIRECTNESS and SLYNESS, form the concept-maximum.

Let us further consider the term *cognitive model*.

E.S. Kubryakova and V.Z. Demyankov note that the cognitive model describes the mechanisms of thinking and the formation of the conceptual system of human consciousness as the base on which thinking proceeds (KSCT, 1996: 56). E.G. Belyaevskaya understands the cognitive model of the word as a mental essence, a schematized mental image which is not realized by the speaker, but which allows the correct use (or non-use) of the word in a certain speech context (Belyaevskaya, 2006: 45).

Unlike other scholars, T.A. van Dijk views the cognitive model as the structure for representing knowledge in memory rather than in thinking. By model the scholar understands the cognitive correlate of a situation represented by some discourse: it is what happens in a person's mind when he or she is an observer or participant in the situation, when he or she hears or reads about it. Consequently, the model includes the personal knowledge that people have about such a situation, and this knowledge represents the result of previous experiences gained in encounters with situations of this kind (van Dijk, 1989: 68-69). Considering a proverb as a minimal discourse, we believe that the cognitive model of each proverb also correlates with a certain life situation, contains previous experience and evokes certain associations in the person who knows the proverb when encountering a similar situation.

According to E.V. Ivanova, the cognitive model of the proverb includes two levels – the inner form and meaning. The internal form reflects everyday ideas, acts as a kind of "picture" of everyday life. The meaning contains knowledge about the norms of morality accepted in society, stereotypes of behavior, the experience of existence in the world accumulated by generations, in other words, the knowledge that is important for the linguistic community and is therefore fixed with the help of a linguistic sign (Ivanova, 2003: 11).

T. A. van Dijk, in turn, distinguishes between private and general models: the former reflect unique information about a single situation, while general models may include information from several private models about the same situation or the same type of situation (van Dijk, 1989: 164-165).

In our opinion, on the one hand, to the private cognitive models we can refer the internal form of the proverb, and to the general – the meaning of the proverb, because it often happens that proverbs with different internal forms have the same meaning in the proverbial space, because this meaning is repeated and specified by different situations of everyday life due to its importance. For example, the private models of proverbs *Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву* and *Пожалел темени, так ударил в косицу* are united by a common cognitive model ***Hypocritical person only pretends to sympathize with someone.***

On the other hand, it is possible to consider the invariant meaning of one proverb as a general model, and its variant meanings in different specific situations as private models. In this case, the general and private cognitive models of the proverb are revealed in the contexts in which it is used (see 2.1.3).

Let us turn to the consideration of some important parameters and techniques inherent in the semantic-cognitive study of concepts on the material of proverbs.

1.1.3. Methodology of semantic-cognitive research of proverbial concepts

According to the theory of Z.D. Popova and I.A. Sternin, the methodology of the semantic-cognitive study of proverbial concepts can be divided into a number of fundamentally important stages:

1. Construction of the proverbial field of the concept, that is, listing as many proverbs as possible, containing the key word-representant of the concept, its synonyms or characterizing the concept descriptively.

2. Analysis and description of the semantics of the units included in the proverbial field of the concept, and the meanings of proverbs are established by dictionaries and collections, but when analyzing those units that are not recorded in

the lexicographic sources, the researchers should rely on their own language intuition, contexts of the proverbs, as well as questionnaires of native speakers.

3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики пословиц с целью выявления когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу.

4. Cognitive interpretation of the results of the description of the semantics of proverbs in order to identify the cognitive features that form the studied concept as a mental unit.

5. Verification of the resulting cognitive description in native speakers.

6. Description of the field structure of the concept under study (Popova, Sternin, 2007).

Let's look at some of them in more detail.

Cognitive Interpretation

Cognitive interpretation implies a mental generalization at a higher level of abstraction of the results of the description of the meanings of the linguistic units nominating the concept, in order to identify and verbalize the cognitive features represented by those or other meanings or semantic components of these linguistic units, in order to model the content of the concept (ibid: 141).

Cognitive interpretation of proverbs involves the formulation of cognitive features in the form of statements about the concept based on the analysis of the meaning of proverbs. The identification of cognitive features of the concept constitutes the first stage of cognitive interpretation. During the study of proverbs at this stage the meaning of each unit is revealed; the obtained close meanings are reduced to one cognitive features; cognitive features are ranked by frequency. Thus, the proverbs verbalizing the concept cunning, *Как ни хитри, а правды не перехитришь; Можно перехитрить одного, но нельзя перехитрить всех; На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь; Тот к добру не управит, кто в делах лукавит* unites the common cognitive features 'cunning does not always lead to the desired result'.

The second stage of cognitive interpretation, according to Z.D. Popova and I.A. Sternin, is the selection of cognitive classifiers based on the generalization of cognitive features. For example, when considering the cognitive features that verbalize the concept *Russian language*, scientists distinguish such cognitive classifiers as general evaluation, accessibility of mastering, prevalence, etc. The identification of cognitive classifiers, from the point of view of scientists, allows us to determine the features of the conceptualization of the denotation of the concept by the cognitive consciousness (Popova, Sternin, 2007: 148).

Cognitive interpretation is usually carried out after the semantic description of the linguistic means objectifying the concept under study. According to the representatives of the semantic-cognitive direction, the cognitive interpretation of the results of the description of the semantics of linguistic units "translates" the linguistic data into cognitive data, so it is a necessary step in semantic-cognitive research, which distinguishes semantic-cognitive research from the traditional semantic.

Verification of the correspondence of the proverbial concept to the representation existing in the modern Russian language consciousness

"Verification refers to the checking of the obtained data by native speakers" (Popova, Sternin, 2007: 137). Its purpose is to check whether the results obtained in the course of the analysis of language means correspond to the present state of consciousness of native speakers.

Verification is considered to be an optional, but desirable stage of cognitive research. However, when studying the concept on such historical material as proverbs, this stage becomes more relevant and important, because the proverbial concept differs from the concept existing in the synchronous linguistic section and, accordingly, in the modern language consciousness of speakers.

First, verification allows us to find out which cognitive features of the concept, verbalized by proverbs, are still relevant, and which have already fallen outside the field of view of native speakers. Secondly, the meaning of most proverbs has not been recorded in dictionaries, so the interpretation of the units by the researcher is

inevitably marked by subjectivity, so verification to some extent helps to check the interpretation of the proverbs by the researcher. Thirdly, thanks to verification it is possible to observe changes in the evaluative component of one and the same concept for native speakers of different epochs.

When verifying the results of the description of the proverbs, in our opinion, the following questions and tasks can be offered to the subjects: *Do you agree with the meaning expressed by the proverbs? Do you know and use the following proverbs? From the listed interpretations of the proverbs, choose those with which you agree.*

It should be noted that in the case of a large number of proverbs under study, it is not reasonable to present each unit and its verbalized meaning in the survey. However, it is possible to clarify the meaning of those units, for the understanding of which the researcher presented several options with the help of such tasks as *Select the explanation of the meaning of the proverb that you think is correct.*

According to Z.D. Popova and I.A. Sternin, verification is also possible after the semantic description of the meanings of linguistic units, since the resulting list of semantic components can be presented to a group of native speakers with a request to note whether this component is inherent in the meaning of the corresponding lexical unit or not. The final list of semantic components of the units described, confirmed by the majority of the subjects, is taken as the basis for cognitive interpretation (Popova, Sternin, 2007: 138).

In our opinion, it is more appropriate to conduct this stage of analysis after identifying cognitive features, especially when studying the concept on the material of proverbs. On the one hand, the reduction of similar meanings, expressed by different proverbs, to one cognitive features of the concept greatly facilitates the work of verification, and this step is carried out in the process of cognitive interpretation. On the other hand, the cognitive interpretation of the semantic components of the described units, confirmed by the majority of the subjects, if carried out after verification, can miss some cognitive features, which are also important components of the concept under study.

Concept modeling

Concept modeling involves three complementary but separate procedures: description of the macrostructure of the concept, consideration of the categorical structure of the concept, and analysis of its field organization. Before we consider these three procedures in detail, it is first necessary to clarify the terms *concept content* and *concept structure*.

The content of the concept is formed by cognitive features and is described as a set of these features. The content of the concept is ordered by the field principle - **core, near, far and extreme periphery**. The belonging to this or that zone of the content is defined, first of all, by brightness of the features in consciousness of the people – the native speaker. And the structure of the concept includes basic structural components of different cognitive nature forming the concept – the sensual image, informational content and interpretational field (Popova, Sternin, 2007: 81).

Let us consider three procedures for modeling concepts.

5) The description of the macrostructure of the concept involves the distribution of selected cognitive features to the structural macrocomponents of the concept.

6) The description of the categorical structure of the concept is focused on determining the hierarchy of cognitive classification features by the number of cognitive features contained in them.

7) The description of the field organization of the concept is carried out as an enumeration of cognitive features from the core to the periphery by the number of units objectifying this or that feature – the more such units, the brighter and more important for the consciousness (Popova, Sternin, 2007: 150). The result of the description of the field structure of the concept is presented in verbal and/or graphic forms.

8) It should be noted that Z.D. Popova and I.A. Sternin refer the paremiological zone to the interpretive field of the concept together with the evaluative, encyclopedic, utilitarian and other zones, which, in their opinion,

should be described separately. Within it, the core and the periphery are distinguished according to the decrease in the number of paremics, which represent those or other meanings. In this paper we do not share the opinion of the researchers that proverbs and sayings only make up the paremiological zone of the interpretive field of the concept. Based on the opinion of E.V. Ivanova, presented above, we believe that the cognitive features, verbalized by proverbs, form a separate concept in the Russian proverbial space – the proverbial concept. So in this paper we will separately describe the field organization and categorical structure of each proverbial concept that interests us.

Let us move on to consider the terms "proverbial picture of the world," "proverb," and "proverbial space" that are fundamental to our study.

1.2. The proverbial picture of the world as part of the linguistic picture of the world

In the majority of scientific linguistic works the proverbial picture of the world is considered as a part of the linguistic picture of the world. The terms "picture of the world", "conceptual picture of the world", "linguistic picture of the world" are part of the basic terminological apparatus of cognitive linguistics and linguocultural studies. Let us elaborate on the characteristics of their content.

1.2.1. The concept of "linguistic picture of the world"

The term *picture of the world* was first put forward in the field of physics at the end of the nineteenth and beginning of the twentieth century. Since the 1960s the problem of the picture of the world began to be considered within the framework of semiotics (Lotman, Uspensky 1971). V. P. Rudnev defines the picture of the world as a system of intuitive perceptions of reality" (Rudnev 1997: 1).

G.A. Brutyan proposed to separate the conceptual and linguistic picture of the world. In his opinion, the conceptual picture of the world (KKM) includes "not

only knowledge, which acts as a result of the thought reflection of reality, but also the result of sensual cognition". And the linguistic picture of the world (ЯКМ) is "all information about the external and internal world, fixed by means of living languages" (Brutyayn 1973: 108). ККМ is richer than ЯКМ because it also includes non-verbal types of thinking.

There is also a naive and a scientific picture of the world. Sometimes ЯКМ is also called naive. However, the naive picture of the world does not mean "primitive". It reflects the everyday perception of the order of things, as opposed to their scientific understanding and explanation, behind it stands the experience of dozens of generations (Apresyan, 1995: 39). We will be interested in the naive picture of the world reflected in the analyzed proverbs.

Many Russian linguists have proposed the definition of the term "linguistic picture of the world" (see, for example, Telia 1988: 189; Moiseeva 1998: 2-3; Uryson 1998: 3; Kasevich 1996: 179; Kalaulov 2009: 161; Kovshova, Gudkov 2017: 143 and many others).

The concept ЯКМ was introduced into Chinese linguistics at the end of the 20th and beginning of the 21st century by such Chinese linguists as Yang Shizhang, Wu Guohua, Peng Wenzhao, Zhao Aigo and others. Following the ideas of Russian scholars, Zhao Aigo believes that ЯКМ theory reveals the way of thinking, observation, perception and the way of world membership in the discourses of linguistic personalities through the analysis of specific linguistic phenomena. The starting point of ЯКМ theory is the real linguistic world, and its focus is the visual cultural or conceptual world³ (Zhao Aiguo, 2004: 36).

In this study we share the definition proposed by E.C.Yakovleva: "The ЯКМ is understood as the scheme of perception of reality, fixed in language and specific to a given linguistic collective. Thus, "ЯКМ is a kind of worldview through the prism of language" (Yakovleva 1996: 47). Our choice of this definition is due to the fact that each proverb captures the cognitive model, reflecting the scheme of perception of a particular fragment of reality of a given ethnic group. And the

³ Hereinafter the author's translation is Zhao Simin.

proverbs analyzed in the work form an integral system, verbalizing the worldview of the people at a certain historical stage.

Э. Sapir notes that as time passes linguistic units begin to reflect the culture of the past more and more than modern culture (Sapir, 1973: 102). The confirmation of this thesis is also found in the work of V. B. Kasevich, who notes that since language evolves slowly, its semantics reflects to a large extent the experienced picture of the world (Kasevich, 1990: 100). In this study the group of Russian proverbs analyzed by us represents precisely an experienced fragment of the Russian ЯКМ, but not losing its relevance in terms of semantic and cultural dominants.

Y. D. Apresyan rightly points out that the language's way of conceptualizing reality (worldview) is partly universal, partly nationally specific, so that speakers of different languages may see the world slightly differently, through the prism of their languages (Apresyan 1995: 39).

Considering the cognitive structure as the scheme of knowledge representation, E.V. Ivanova believes that ЯКМ is a special cognitive structure. It reflects the peculiarities of people's culture, which do not depend directly on cognitive processes. As D.O. Dobrovolsky rightly points out, the automatic identification of the cultural and cognitive cannot be considered legitimate (Dobrovolsky, 1997: 44). ЯКМ reflects the cognitive, cultural and social characteristics of a native speaker (Ivanova, 2006: 44).

Of course, we must agree with V. M. Mokienko that the re-creation of the ЯКМ gives a new impetus to historical and etymological searches in phraseology (Mokienko, 1995: 4), including, in our opinion, in paremiology as well.

Let us now consider the linguistic status of the proverb and review the main directions of its study in modern linguistics.

1.2.2. The content of the term "proverb". The main directions of the study of proverbs

Attempts to define the proverb have begun since the times of Aristotle and Plato. As the famous American paremiologist W. Mieder rightly points out, the number of definitions of proverbs already exceeds the number of proverbs themselves (Mieder, 1993: 4). According to him, proverb is "a short, well-known saying of the people, containing wisdom, truth, morality and traditional views in a metaphorical, fixed and memorable form, and which is passed from generation to generation" (Mieder, 2004: 5). While W. Mieder defines the proverb in terms of content and form, A. Dundis takes into account its structure in the proposed definition: "proverb is a traditional utterance consisting of at least one descriptive element, which consists of a topic and a commentary" (Dundes, 2007: 127).

Since the object of this study is Russian proverbs, let us consider, first of all, the definitions proposed by Russian scientists.

L.B. Savenkova rightly points out that the main difficulty in defining the proverb lies, firstly, in the common use and historical polysemy of this word in the Russian language. And secondly, it lies in the fact that nowadays proverb is an object of study in different sciences - folkloristics, poetics, linguistics, which pay attention to different aspects of its essence and in accordance with this definitions are given with non-identical sets of features" (Savenkova, 2002: 52). Proverb is defined by Russian linguists in different aspects.

A.N. Baranov and D.O. Dobrovolsky refer to proverbs as "phraseological units with a sentence structure, having in their meaning the idea of universality, the illocutionary semantics of recommendation or advice (moral teaching) and characterized by relative discursive independence" (Baranov and Dobrovolsky, 2008: 69).

Underlining the stability, reproducibility and didacticity of the proverb, L.B. Savenkova believes that Proverb is "a stable in the language and reproducible in speech anonymous generalizing utterance, at least part of whose elements are

endowed with figurative meaning and which is suitable for use in didactic purposes" (Savenkova, 2002: 100).

Unlike other scholars, V.M. Mokienko draws attention to the discursiveness, individuality and aesthetics of the proverb. In his opinion, Proverb is "a minimal artistic text, and as such it, unlike such structural unit of language as a word, is perceived individually, selectively. There are no proverbs "for all", because they are used according to individual taste, depending on linguistic competence and attitude to the Word as an aesthetic category" (Mokienko, 2015: 17).

In this study we follow M.A. Bredis in his understanding of the proverb, who understands Proverb as "a commonly used brief generalization of human experience, standardized for typical life situations and expressed in speech in a complete sustained sentence, most often with figurative meaning" (Bredis, 2017: 86). This definition best meets the objectives of our study, because in this dissertation we will consider the cognitive model of proverbs, hidden behind the life situation and identify cognitive features based on the experience of native speakers.

Next, it is necessary to consider one of the controversial issues in Russian paremiology – the question of distinguishing between proverbs and sayings, because it is extremely important for us to determine the boundaries of the object under study in the selection of material.

In Russian paremiology the proverb and the saying are distinguished mainly according to two criteria - semantic and structural.

One of the brightest adherents of the semantic criterion is V.P. Zhukov. In his opinion, both proverbs and sayings are complete sentences based on judgments. Proverbs are stable folk sayings with only figurative meaning or literal and figurative meaning (*Горбатого могила исправит*). Sayings are short folk sayings with only literal meaning (*Деньги дело наживное*). Between them are transitional units – proverbs and sayings, combining the features of proverbs and sayings. Some of the words in them are used in the direct sense, and some in the figurative sense (*Пьяному море по колено*). All three types of units can convey both private

and general judgments (Zhukov, 1991: 11-12). It should be noted that V. P. Zhukov considers units with an unclosed structure to be phraseological units.

Considering the structural criterion as the determining factor to distinguish between proverbs and sayings, G. L. Permyakov defines the proverb as a closed, entirely clichéd structure (*Мал золотник, да дорог*), while the saying is defined as an unclosed structure, variable or supplemented in speech (*Стреляет из пушки по воробьям*) (Permyakov, 1970: 9). In his opinion, both proverbs and sayings have the figurative meaning. The closed structures with direct meaning G. L. Permyakov refers to the folk aphorisms, and the unclosed ones to proverbs (Permyakov, 1970: 11). Along with this, the scientist uses the contrast of the private/generalized to further clarify and detail the boundaries between proverbs and sayings. Thus, all sayings and some proverbs belong to the private statements, the generalized statements are represented only by proverbs (Permyakov, 1970: 10).

E.V. Ivanova believes that when reconstructing the proverbial picture of the world it is advisable to use the structural criterion to distinguish the research material (Ivanova, 2006: 18), as compared to the semantic criterion, the structural criterion includes more units in proverbs and, therefore, it provides an opportunity to reveal as fully as possible the fragment of the proverbial picture of the world of interest to researchers. Following I.M. Snegirev and A.A. Potebnya, E.V. Ivanova also includes in the class of proverbs clichéd sentences with direct meaning, i.e. folk aphorisms according to G.L. Permiakov's classification. So, E. V. Ivanova understands proverbs as closed structures, sentences with only direct, direct and figurative or only figurative meaning, both generalizing and private, and sayings as unclosed predicative structures and verbal phraseological units (Ivanova, 2006: 18-20).

The main source of our research material was the collection of V.I. Dahl's "Proverbs of the Russian people". This book includes, in addition to proverbs, sayings, catchphrases, riddles, beliefs, omens, superstitions, etc. [Dahl 2000: 17]. [Dahl, 2000: 17]. Selecting the units, we mainly relied on E.V. Ivanova's definition, but in a number of cases we also involved in the analysis those expressions, which

Dahl called "proverbial sayings" [Dahl, 2000: 19]. [Dahl, 2000: 19]), because, in the fair opinion of the scholar, it is difficult to draw a clear distinction between these two divisions. We have consciously included comparisons into the linguistic means of organizing proverbial space, as they are often part of proverbs; comparative structure proverbs are also distinguished. All this allows us to more fully cover the material and intrasystemic connections of the conceptual field we are interested in.

As E. V. Ivanova rightly points out, it is generally accepted to distinguish two main directions in the study of proverbs. The first one is characteristic of the countries of continental Europe and Russia and is aimed at studying the structural and semiotic aspects, logical relations and semantics. One of the brightest representatives of this direction is G.L. Permyakov, who proposed the classification of proverbs and close to them paremiological units. The second direction is developed in Great Britain and the USA and is focused on the study of the role of proverbs in communication and social life. Within the framework of this direction, such studies as the study of the functions of proverbs in discourse and experimental field research on the definition of the paremiological minimum are carried out. Paremiologists of both directions face the necessity of defining proverbs and distinguishing between proverbs and similar units (Ivanova 2006: 8-9).

In addition to the question of the distinction between proverbs and sayings, which we discussed above, the attention of Russian linguists is also paid to the transformation of proverbs and sayings.

E.I. Seliverstova argues that in modern speech proverbs are used mostly in a transformed form, the study of these transformations is one of the actual problems of modern paremiology (Seliverstova 2009: 23), and this, according to E.A. Koiranskaya, necessitates the linguistic assessment of proverbial transformations, identifying and revealing their structural and semantic types, studying the socio-cultural background (Koiranskaya 2011: 258). In this study, the transformation of proverbs will not be considered.

In linguistic studies, since the beginning of the XXI century, there is a growing interest in the study of the paremiological funds of various languages. According to the figurative expression of scholars, proverb is the "package of experience". [Bredis, Lomakina, Mokienko, 2019]. A distinctive feature of the modern stage of the analysis of proverbs is that the research vector within the framework of various areas of their study is aimed mainly at comprehending the mental structures behind the proverbial units [Seregina, 2016; Goh, Abdullaeva, 2020, etc.], their evaluability and value dominants [Lomakina, Mokienko, 2018; Semenenko, 2020; Nelyubova, 2022, etc.]. Proverbs are of primary interest to researchers due to their quotability, the possibility of embedding them into the discourse, into a syntagm, their cultural potential, phraseability, biplanarity, and modelability.

Directions of comparative study of proverbs are highlighted in the work of E. V. Ivanova (Ivanova 2002: 5). E. E. Ivanov, O. V. Lomakina and Yu. A. Petrushevskaya have developed the method of identifying the linguistic and national-cultural specificity of the proverbial stock in the linguocultural comparative direction of the study of proverbs (Ivanov, Lomakina, Petrushevskaya 2021). M. A. Bredis, M. S. Dimoglo and O. V. Lomakina presented an overview of the main aspects of the study of paremia. Paremiology is considered as the folklore genre, their article also presents the thematic-ideographical principle of paremiology classification, substantiates the linguocultural and translation aspects, shows the peculiarities of historical-etymological discourse (functional) analysis. Comparative linguocultural analysis is recognized by the authors of the article as an integrative aspect of the description of paremiological material (Bredis, Dimoglo and Lomakina 2020: 265).

As N.F. Alefirenko and N.N. Semenenko rightly note, the paremiology "perform a number of culturally conditioned functions: in the communicative and pragmatic aspect, first of all, the regulatory and didactic functions, and in the linguistic and cognitive aspect, the functions of semantic formation and stereotyping. Cognitive functions are realized thanks to the encoded in the folk aphorism of the developed

over the centuries and stored by ethno-linguistic consciousness of life and meaning strategies". [Alefirenko, Semenenko, 2017: 17]. The pragmatic functions of the paremias, according to the researchers, are manifested "in their ability to express by their axiological meanings this or that socio-cultural ideal of communicants". [Ibid]. Taking into account the above polyfunctionality of proverbs, the diversity of their syntactic structural models, the importance of imagery, which largely forms the national and cultural originality of proverbs, we consider it appropriate to apply the integrative approach to the study of proverbs, involving the comprehensive examination of proverbial units from the structural-semantic, linguocognitive and linguocultural points of view, axiological characteristics.

In this dissertation we take the cognitive approach to the study of proverbs in the Russian language. In our opinion, this approach takes into account both cognitive and cultural features of proverbs.

Let's move on to examining the content of the terms "proverbial picture of the world" and "proverbial space".

1.2.3. The concepts of "proverbial/paremiological picture of the world", "Proverbial space"

E.V. Ivanova distinguishes three main components of the ЯКМ: the lexical picture of the world, the phraseological picture of the world and the proverbial (paremiological) picture of the world (Ivanova 2011: 273).

Although the identity of the people is represented by a number of linguistic units, to a greater extent it is reflected by phraseological units and paremics as the "mirror of national culture, psychology and philosophy" (Tolstoy, 1991: 5), which are the constituents of the phraseological picture of the world and proverbial (paremiological) picture of the world as various language forms of recording the national picture of the world respectively (Antonova et al., 2020: 35), which makes it relevant and fruitful study of proverbs.

In the collective monograph "Paremiology without Borders" the authors distinguish two methods of reconstruction of the proverbial picture of the world: the dictionary method and the discursive method. The reconstruction of the proverbial picture of the world by the dictionary method is based on the fragments selected according to the thematic principle. For example, V. I. Dahl in his dictionary "Proverbs of the Russian People" presents these fragments in the form of 179 sections, named with one, two or three words (Antonova et al., 2020: 35). The Russian proverbs for this study were mainly selected from the section of this dictionary "DIRECTNESS / SLYNESS".

The discursive method of describing paremics allows us to determine "their role in the process of cognition and in the process of communication", "only against the background of discourse (and text as its material expression) paremics can get the most complete description" (Konstantinova, 2012: 6).

The simultaneous application of the dictionary and discourse analysis of the paremiological material gives the most reliable and complete result in the reconstruction of the proverbial picture of the world (Antonova et al., 2020: 43). In this dissertation, when reconstructing the fragment of the proverbial picture of the world that interests us, we will combine these two methods, consider all the proverbs of the Russian language, verbalizing the opposition "DIRECTNESS / SLYNESS", extracted from paremiographic sources, as well as conduct the discursive analysis of the most frequent proverbs in the Russian National Corpus.

As M.A. Seregina notes, the proverbial picture of the world is the result of cognition (knowledge) of reality, acts as the result of the cognitive consciousness and is based on a set of ordered knowledge – the conceptosphere. Therefore, the proverbial picture of the world includes both substantial conceptual knowledge about reality and a set of mental stereotypes. Mental stereotypes are notions that determine the understanding and interpretation of the phenomena of reality.

From the point of view of the cognitive approach, according to M.A. Seregina, the proverbial picture of the world performs the following functions:

- classification of elements of reality: labor, home, risk in business, friendship, etc;
- Analysis of reality (explains the causes of phenomena and events, predicts the development of phenomena and events, and predicts the consequences of events);
- ordering of sensual and rational experience of the individual for its storage in consciousness, memory (Seregina, 2012: 53).

The term "proverbial space" was introduced into scientific usage by Y.I. Levin. The researcher believes that the proverbial fund of language is not just a set of separate units and not even just a system of units — bearers of certain distinguishing features (grammatical, logical-semiotic, subject), by the meanings of which they can be classified, but also some "space" in the mathematical sense of the word. For each point, its "neighborhood" — the set of points "surrounding" the given point and "close" to it — is defined. Considered from this point of view, the space of proverbs turns out to be "multidimensional", because proverbs can be close to each other in different relations ("dimensions"), according to different "parameters" (Levin, 1984: 108-109). In contrast to the proverbial picture of the world, within the proverbial space the proverbial fund is seen as a single whole in structural terms, in which the units are linked to each other and positioned by semantic proximity. The analyzed proverbs, which verbalize the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS", form the important fragment of proverbial space.

Y.I. Levin clearly distinguishes the types of semantic relations that unite proverbs into proverbial space: synonymy, antonymy, quasi-synonymy, homonymy and variability. The theory of proverbial space was tested in Pi Jiankun's PhD thesis (Pi, 2014: 15-21). His work analyzes the structure of a fragment of the paremiological space formed by the opposition of truth - lie.

In the second chapter of this study we will examine the semantic relations of the proverbs that verbalize the fragment of proverbial space that interests us.

1.3 The Field Approach in Linguistics

The concept "Field" first appeared in physics. The term was originally introduced into science by J. K. Maxwell to describe electromagnetic phenomena. Then it began to be used in other sciences, including linguistics.

1.3.1 Field Theory in Linguistics

The term "Field" was first introduced into linguistics in the 1930s by the Austrian linguist G. Ipsen, who understood the field as "a set of words with a common meaning" (Vasiliev 1971: 104). And the founder of the semantic field theory is considered to be J. Trier, who hierarchically partitioned the global system of language into two parallel types of fields: conceptual and verbal fields (Vasilyev 1971: 106).

Field theory was widely spread, developed and practically applied in Russian linguistics in the second half of the 20th century and at the beginning of the 21st century. The study of field structures was carried out by such scholars as A.A. Ufimtseva (1961), D.N. Shmelev (1964), L.M. Vasiliev (1971), Y.D. Apresyan (1974), G.S. Schur (1974), Y.N. Karaulov (1976), I.A. Sternin (1985), A.V. Tananina (2003), V.V. Krasnykh (2012), etc. Let us dwell on the definition of the concept "field".

The Russian theorist of the field model of language G.S. Shchur defines the field as "the way of existence and grouping of linguistic elements possessing common (invariant) properties" (Shchur, 1976: 68). In the Linguistic Encyclopaedic Dictionary, the field is defined as "a set of linguistic (mainly lexical) units united by common content (sometimes also by common formal indicators) and reflecting conceptual, subject or functional similarity of the phenomena denoted" (Linguistic Encyclopaedic Dictionary 1990: 380). Based on the above definitions, we can speak of a gradual concretization of the concept "field" in Russian linguistics.

The attention of many scholars is given to the study of the typology of the field. Among the field approaches, the paradigmatic approach, associated with the names of J. Trier and L. Weisgerber, and the syntagmatic approach, associated with the name of W. Porzig, are considered predominant. The paradigmatic fields include the most diverse classes of lexical units that are identical according to one or another semantic feature. And syntagmatic fields include classes of words closely related to each other in usage, but never occurring in the same syntactic position (Vasilyev, 1971: 108, 112).

Within the framework of these two approaches, the concepts of such fields as grammatical-lexical field (E.V. Guliga, E.I. Shendels), grammatical field (V.G. Admoni), functional-semantic field (A.V. Bondarko), semantic field (H. Ibsen) and associative field (C. Bally) were further developed.

I.A. Sternin, along with other researchers, such as L.M. Vasiliev, G.S. Shchur, summarized the main features of the field concept: 1) The field is an inventory of elements connected with each other by system relations; 2) The elements forming the field have semantic commonality and perform a single function in language; 3) The field unites homogeneous and heterogeneous elements; 4) The field is formed of components – microfields, which number should not be less than two; 5) The field has vertical and horizontal organization. Vertical organization is the structure of microfields, horizontal is the relationship of microfields; 6) The field is composed of nuclear and peripheral constituents. The core is consolidated around the dominant component; 7) Core constituents are most specific for field functions, are systematically used, perform field functions most unambiguously, are most frequent in comparison with other constituents, and are mandatory for the given field; 8) The functions performed by the field are distributed between the core and periphery: some functions fall on the core, some fall on the periphery; 9) The border between core and periphery is fuzzy, unclear; 10) Field constitutions can belong to the core of one field and periphery of another field or fields. In general, we agree with I.A. Sternin, but we believe that not all types of fields combine

elements on the basis of semantic commonality, for example: associative and conceptual fields are exceptions.

In Russian linguistics, the semantic field (hereinafter - CII) is widely studied, for which the presence of the common (integral) semantic feature uniting all the units of the field and usually expressed by lexeme with the generalized meaning (archilexeme) (LES 1990: 380). Each CII includes smaller lexical-semantic groups. It should be noted that word meaning (semantics) is considered by Z.D. Popova and I.A. Sternin as the communicatively relevant part of the concept (Popova, Sternin, 2007: 65), which gives us grounds to assume that CII and the conceptual field are interrelated with each other. According to S.A. Kosharnaya, CII is one of the representatives of the conceptual field in the linguistic picture of the world (Kosharnaya, 2005: 77).

L.V. Laenko believes that unlike CII, which unites lexical elements based on the commonality of meaning, the conceptual field is the purposeful system of heterogeneous means of representation (understanding) of meaning and includes components united by the integrative semantic feature, which is actualized functionally in these elements. Also important is the fact that the conceptual field is the fragment of the conceptual system of the speaking society, which reflects the ethnic scale of values, including the current cultural codes (Laenko, 2011: 34).

Following S.A. Kosharna and L.V. Laenko, we believe that components of the conceptual field, on the one hand, can be united not only by semantic, but also by associative and other types of relations; and on the other hand, they verbalize cognitive features of the corresponding concepts instead of the values of linguistic units, not subjected to cognitive interpretation. As L.V. Laenko rightly points out, compared to CII, the conceptual field is regarded as the higher-order model (Laenko, 2011: 34).

Next, let us consider the concept of *the conceptual field*.

1.3.2 The concept of the conceptual field

N.D. Arutyunova in 1991 for the first time proposed the inventory and distribution of concepts into fields (Arutyunova, 1991: 4). Recently the conceptual field has been considered in a number of PhD theses (see, for example, A.V. Tananina 2003; I.A. Dolgova 2006; Y.E. Lomonosova 2008; O.V. Borscheva 2012; Suliman Eltayeb Elzein Eltayeb 2013; M.Y. Lebedeva 2013) and others. Scientists differ in their opinions when categorizing and defining this concept.

Some linguists believe that the term *conceptual field* can be used in relation to the field structure of the concept. For example, one of the representatives of this approach, A.V. Tananina understands the conceptual field as "the concept-forming content of a particular concept, forming a certain space within which the images / meanings that make it up are actualized" (Tananina 2003: 30).

Other researchers consider the conceptual field as a structured set of concepts. According to Yu.E. Lomonosova, the conceptual field "is not just a set of concepts, the features of which are ordered in a certain hierarchy, but a system of interconnected, intersecting cognitive structures, represented in the language picture of the world through a variety of ways of nomination". The conceptual field is described by identifying and structuring the cognitive features of the concepts included in it (Lomonosova 2008: 5).

In her dissertation I.A. Dolgova defines the conceptual field as an interconnected and interdependent unity of concepts. Within the framework of the conceptual field "Patience", which she investigated, the thematic field of concepts is defined and conceptual, figurative and evaluative characteristics of the concepts forming this field are considered. I.A. Dolgova understands the thematic field of concepts as a group of semantic formations united by common features, at that, the referential feature of such a field is the system-forming feature. The units of such a field are structured on the basis of objective thematic proximity. The central unit of the thematic field of concepts is a concept, the referential sign of which is integral for the whole field. This feature is the dominant feature of the field. In the analyzed

by the author field "Patience" there are such concepts as patience, suffering, humility, endurance, tolerance, tolerance. The concept "patience" acts as the semantic core of this field. (Dolgova 2006: 10).

The object of our study is the conceptual field of "DIRECTNESS / SLYNESS" in the Russian proverbial space. Following I.A. Dolgova, by the conceptual field we understand a set of interconnected/intersecting or forming an opposition in the proverbial stock of micro-concepts, united or opposed by certain cognitive features. The name of the conceptual field is usually the name of the nuclear concept or concepts (in this case they are two concepts forming the opposition "DIRECTNESS / SLYNESS"), the referential feature of the nuclear concept (concepts) is integral for the whole field. Within the investigated conceptual field such concepts as Cunning, Hypocrisy, Duplicity, Flattery, Simplicity and Directness are distinguished. The vertical component (field structure) reflects the hierarchy of the field concepts by the degree of decreasing frequency of their verbal representation by the proverbial units in the direction from the core to the periphery. The horizontal component (the content of the field) is organized by the microfields of the concepts included in the field, which are in relations of semantic proximity. The micropoles of proverbial concepts are organized by the cognitive features revealed in the proverbs.

In this paper, the term *conceptual field* will be used in relation to the set of Russian proverbs, forming a fragment of the proverbial space, objectifying the opposition "DIRECTNESS / SLYNESS". We emphasize that we do not share the opinion of researchers that proverbs and sayings constitute the paremiological zone of the concept, being only a structural component of the conceptual field (see, for example, the article by E.Yu. Balashova, 2014). In our opinion, the analyzed proverbs form a separate conceptual field in the Russian proverbial space, because, firstly, they verbalize not modern, but historical representations of the people, formed in a remote period of the past; secondly, lexical means and paremiological units due to their linguistic features should be considered separately; thirdly,

proverbs, verbalizing the conceptual opposition interesting us, according to lexicographic sources, in Russian there is a significant number of proverbs.

Conclusion of the chapter

Thus, as a result of the analysis of the scientific literature on the issues raised in this chapter, the following conclusions can be made.

In this study we adhere to the semantic-cognitive approach developed by Z.D. Popova and I.A. Sternin, considering the study of the semantics of proverbs as an effective access to the content of the concepts we are interested in. Following the above-mentioned scientists, we understand the concept as the discrete mental formation, which is the basic unit of the human thinking code, possessing the relatively ordered internal structure, representing the result of cognitive activity of an individual and society and carrying complex, encyclopedic information about the reflected subject or phenomenon.

In connection with the material we are analyzing, we will also use the term *proverbial concept* put forward by E.V. Ivanova, who defines it as all the knowledge about the object that can be obtained on the basis of the analysis of the content plan of proverbs.

The main stages of semantic-cognitive research of the proverbial concept can be summarized as follows: 1) Construction of the proverbial field of the concept; 2) Analysis and description of the semantics of the units included in the proverbial field of the concept; 3) Cognitive interpretation of the results of the description of the semantics of proverbs in order to identify the cognitive features of the concept; 4) Verification of the obtained cognitive description in native speakers; 5) Description of the field structure of the studied concept.

We consider the proverbial picture of the world as part of the linguistic picture of the world.

Definition of the language picture of the world by E.S. Yakovleva is taken as the working definition in this paper, who understands it as the fixed in the language and specific to a given language group scheme of perception of reality.

Following M.A. Bredis, the proverb is understood as the commonly used brief summary of human experience, standardized for typical life situations and expressed in speech in a complete sustained sentence, most often with figurative meaning. The proverbial picture of the world to the greatest extent reflects the identity of the people.

To reconstruct the fragment of the proverbial picture of the world we are interested in, the dictionary and discursive approaches are used.

In order to systematically consider the semantic relations between the units in the fragment of the proverbial picture of the world that interests us, this work introduces the concept of *the proverbial space*, proposed by Y.I. Levin, who identifies the types of semantic relations that unite the proverbs in proverbial space: synonymy, antonymy, quasi-synonymy, homonymy and variability. In our opinion, the relations between the proverbial units can also be considered in the semantic-cognitive aspect.

Field theory is widely used in linguistics, including cognitive linguistics. By the conceptual field we understand a set of interrelated / mutually intersecting concepts, united by the common features.

In this paper, the term "conceptual field" will be used in relation to a set of Russian proverbs, forming a fragment of proverbial space, objectifying the opposition "DIRECTNESS / SLYNESS".

The vertical component (field structure) reflects the hierarchy of the field concepts by the degree of decreasing frequency of their verbal representation by the proverbial units in the direction from the core to the periphery. The horizontal component (the content of the field) is organized by the microfields of the concepts included in the field, which are in relations of semantic proximity. The micropoles of proverbial concepts are organized by the cognitive features revealed in the proverbs.

The theoretical conclusions of this chapter serve as the basis for the research part of the work.

CHAPTER 2. LINGUO-COGNITIVE ANALYSIS OF RUSSIAN PROVERBS OF THE CONCEPTUAL FIELD «DIRECTNESS / SLYNESS»

2.1. The general composition and characteristics of the material

Using the method of entire material sampling, we selected 506 units from the section "DIRECTNESS / SLYNESS" of Dahl's collection "Proverbs of the Russian People". [Dahl, 2000] and "Big dictionary of Russian proverbs" [Mokienko et al., 2010], verbalizing the proverbial conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS". These lexicographic works were chosen as sources of material, since they use different ways of presenting the proverbs, which contributes to the most complete selection of the units: in the dictionary of V.I. Dal proverbs are described thematically, while in the "Big dictionary of Russian proverbs" they are arranged by the significant "core" word, concentrating the main meaning of the proverb. In addition, the "Big Dictionary of Russian Proverbs" includes material from previously published dictionaries and collections of proverbs, the units recorded in it have the exact reference to the source.

In the first chapter we mentioned that within the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS" there are the concepts Cunning, Hypocrisy, Duplicity, Flattery, Simplicity and Directness. Following V.I. Dahl, we consider SLYNESS as the core concept of the studied conceptual field, which unites the concepts of Cunning, Hypocrisy, Duplicity and Flattery within the framework of proverbial space. And, accordingly, we will not consider the concept "SLYNESS" separately. Those proverbs, which include the word "slyness" or its cognates (See for example: *Будешь лукавить, так черт задавит; Злой с лукавым водились, да оба в яму ввалились*), we refer them to the group of the concept of cunning. This is due to the fact that in the explanatory dictionary slyness is considered as the synonym of cunning [Shvedova, 2008: 418].

2.2. Means of organizing the proverbial conceptual field “DIRECTNESS / SLYNESS” in Russian

2.2.1 The semantic relations of proverbs verbalizing the conceptual field “DIRECTNESS / SLYNESS”⁴

The most frequent type of relations between proverbs, verbalizing the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS", is synonymy. Taking into account the expressive, according to J.I. Levin, nature of the proverbial units, this fact can be correlated with the phenomenon known in lexical semantics - the abundance of exact synonyms in the sphere of expressive vocabulary (Levin, 1984: 111). The frequency of "overexpression" in proverbs of the same meaning with the help of a variety of "object material" is noted by Y. I. Levin as one of the important characteristics of proverbial space - structure of "neighborhoods" of each proverb, i.e. relations between it and other units, neighboring and intersecting with it within some fragment of the space (Seliverstova, 2009: 285).

Relying on J.I. Levin's point of view, we distinguish three subtypes in the category under consideration as the closeness of meaning decreases: variants, synonyms and quasi-synonyms. *Variants* of paremia, following G.L. Permyakov, are those forms in which elements of lower levels are varied - inserted phraseological turns or individual words, as well as syntactic constructions whose change does not lead to the change in meaning (Permyakov, 1988: 137). And by *quasi-synonymy* we understand the partial coincidence of the meaning of proverbs.

Below in the proposed classification of proverbial units we connect (a) synonyms in the synonymic series of proverbs with the graphic sign of equality, and quasi-synonyms - with the sign of approximation, (b) variants are put in brackets. It should be noted that, due to the large number of synonymous units in the proverbial stock, here we cite only those series that contain the greatest number

⁴ This section devoted to the analysis of semantic relations between proverbs is based on the author's article: Zhao Simin 2021.

of units and verbalize the significant cognitive features that we distinguish within each concept.

Flattery

Flattery is dangerous, and you must always be on your guard against flatterers:

Кем (О ком) хвалился, тем (от того) и подавился (повалился). = Кто много целует, редко не укусит. = Лестец под словами, змей под цветами. = На языке мед, а под языком лед. = На языке медок, а на сердце ледок. = Лакома наживка, да востер крючок. ≈ Лесть без зубов, а с костями съест. = Лесть словно зубами съест. ≈ Ласкатель — тот же злодей. ≈ Лестью и душу вынимают ≈ Лихва да лесть дьяволу в честь. = От иной похвалы хоть в землю уйти. ≈ Не поддавайся на пчелкин медок: у нее жало в запасе. ≈ Лесть да месть дружны. ≈ Нахвалу недруга берегись. ≈ Притворная лесть хуже полыни. ≈ Нахвалу оберегайся, а похулить и сам сумеешь.

The man is flattering for selfish purposes:

В душу вьется, а в карман глядит (лезет). = Льстивые слова говорит, а сам в карман норовит. = В душу влезет, а за грош продаст. ≈ Тебя манят — твоих денег хотят. = Когда коня вадят, тогда его гладят, а как привадят, так придавят. ≈ Чей хлеб ем, того и песенку пою (того и вем). = От кого чают, того и величают. = У кого видит, тому и бредит и др.

The following proverbial sayings (in Dahl's terminology) speak of flattering behavior:

Блином масляным в рот лезет. = Он без масла влезет. = Этот человек без подмазки в душу влезет. = Он куда хочешь без мыла влезет.

Flattery is dishonest and deceptive:

На словах его хоть выпись, а на деле и головы не приклонишь. (На словах твоих хоть выпись) ≈ Птицу кормом, а человека словом обманывают.

It is interesting that the proverb "Ласковое теля двух маток сосет, а бодливому ни одна не дается" has the greatest number of variations:

Ласковое теля двух маток сосет (Ласковы телятки сосут по две матки), а бодливому ни одна не дается (а бодливого бычка на бойню отправляют, а неласковый и свою не может, а упрямый ни одной, а лихой ни одну не запустит).

Cunning

Cunning is the guarantee of victory over the enemy:

Хитрость и сметка бьют врага метко = Смекнешь да схитришь — врага победишь ≈ Схитришь — врага победишь.

Исход боя решает не тот, кто смелее, а тот, кто хитрее. ≈ Кто хитрее, тот победит быстрее.

From the first synonymic series we can see that "cunning" in it is used as the synonym for the noun "savvy". The idea that ***cunning is savvy (cunning requires intelligence) is*** also expressed in the following proverbs:

Хитрость и смекалка — родные сестры. = Хитрость — второй ум. = Хитрость не дурость, второй ум в голове.

Proverbs about cunning behavior are combined into the following synonymous pairs:

Ужом вьется, развивается. = Змеей извивается.

Вертеться как бес (черт) перед заутреней = Вертеться как береста на огне

Хитрость не всегда приводит к желаемому результату:

Trickery does not always lead to the desired result:

Как ни хитри, всех ниток не спрячешь. = Как ни хорони концов, а выйдут наружу.

Как ни хитри, а правды не перехитришь. ≈ Как ни хитри, а два да один — все три.

Synonymic and quasi-synonymic relations allow the most complete description of the same concept, conveying subtle shades of meaning, and at the same time to verbalize private cognitive features. Thus, the last classification feature is formed by the following particular cognitive features: 1) ***You cannot***

*outwit the truth: Как ни хитри, а правды не перехитришь; Как ни хитри, а два да один — все три. 2) **Cunning will sooner or later be discovered:** Как ни хитри, всех ниток не спрячешь; Как ни хорони концов, а выйдут наружу.*

Simplicity

Simplicity is assessed mainly positively, and cunning and slyness - negatively:

Простота да чистота — половина спасенья. = Простота (Чистота) — половина спасенья. = Простота, чистота, правота — наилучшая лепота.

В простых сердцах Бог почивает. = Простота человека к Богу приводит.

Живи просто, выживешь лет со сто. = Живучи просто, доживешь лет до ста; а кто лукавит, того скоро черт задавит. = Просто живут лет до ста, а хитрецы — лет до тридцати.

Кто лукавит, того черт задавит. (Будешь лукавить, так черт задавит).

Simplicity can be more effective, more efficient, than cunning:

На иную хитрость станет и простоты! ≈ Кабы на твою хитрость да не моя простота.

Hypocrisy

About the hypocritical promise:

Мягко стелет, да жестко спать. = Приветлив стлать, да жестко спать.

Мягко съел, да черство в живот пошло. = Сладко в рот, да горько вглот. ≈ Уху сладко, глазам падко, а съешь — гадко. ≈ Гладок, мягок, да на вкус гадок.

Ласково говорит, да черство слушать. ≈ Говорит красно, а поглядишь — пестро. ≈ Говорит воду, а во рту сухо.

A hypocritical person thinks one thing and says (does) another (11 units):

Глазами плачет, а сердцем смеется. = Голосом завывает, а сердцем кутьи поджидает (плакуша). = Горько плачет, а вприсядку пляшет.

Сладкие уста — горькие сердца. = Уста медоточивые, а сердце смолой кипит. = На языке мед, а под языком лед. = На языке медок, а на сердце ледок. ≈ Речами тих, да сердцем лих.

You can't believe in feigned, hypocritical sadness:

Это мыши kota погребают. = Плакала кукушка, что детей отдала в люди

Пойми волка слезы. = Верь волчьим слезам. ≈ Большому вытью не верь. ≈ Кумушкины слезки на базаре дешевы.

Duality**A two-faced person flatters and pleases in the eyes, but does bad things behind the eyes, betrays (21 units):**

Лукавый — как кошка: спереди лапу дает, а сзади дерет. = Хвостом вертит, а за руки хватает. = Ласковый взгляд, да на солнце яд. = Руки лижет, а зубы на оскале. = В ногах ползает, а за пятку хватает (змея). = Подал ручку, да подставил ножку. = Низко кланяется, а больно кусает. = Ноги целует, а головы ищет. = В ноги кланяется, а за пяты хватает. = Передом кланяется, боком глядит, задом щупает и др.

Ложкой кормит, а стеблом (череном) глаз колет. = Кормит калачом, да в спину киртичом = Не корми меня калачом, да не бей в спину кулаком

A two-faced man says one thing and does another:

Говорит направо, а глядит налево. = Говорит крестом, а глядит пестом. = Говорит прямо, а делает криво. = Говорит бело, а делает черно. = Скажет вдоль, а сделает поперек.

Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь). = Словами, что листьем, стелет, а делами, что иглами, колет. = Речи, как мед, а дела, как полынь. = На словах, что на санях, а на деле, что на копыле.

A two-faced person behaves differently (as he benefits) in different situations:

В людях ангел, а дома черт. = В людях Илья, а дома свинья. = В людях Ананья, дома каналья.

В очах мило, да в сердце постыло. = В глазах мил, за глаза постыл.

Из одной избы и горячо и студено. = Из одних уст клятва и благословение. = Из одного рта и тепло и холодно. = Одни уста и теплом и холодом дышат. = Одни глаза и плачут и смеются. = Одна слеза катилась, а другая воротилась.

Вьется ужом, а топорищится ежом. = Поет соловьем, а рыщет волком. = Поет как соловей, а кусает как гадюка.

A two-faced man wants to please everyone in order to get more benefits:

Одному богу молится, а другому кланяется. = Всем богам по сапогам. = На одних подметках семи царям служил. = Он на пяти овинах рожь молотит. ≈ Эта епанча на оба плеча. ≈ И нашим и вашим за копейку спляшем.

You can't please everyone, even if you want to:

Двум господинам (Двома господином) один раб не услужит. (Двум господам не служат.) = На двоих господ не долго наслужишься (не угодишь). = Кто в двои бедра бьет, в том пути не живет. = Отсуленная голова двоим не служит.

Богу молись, а черта не гневи! = Ставь и черту свечу: не знаешь, куда угодишь. = Богу свечу, черту ожиг (кочергу). = Умей угодить на угодного и на неугодного.

И волки сыты, и овцы целы. = И нам тепло, и вам сытно, и ему улежно.

Someone who is quiet, humble, and harmless on the surface can do unexpected and bad things. (A two-faced man has a deceptive appearance):

В тихом омуте (болоте) черти водятся. = Тихо озеро, а чертей полно. = В тихой воде омуты глубоки. = Тихая вода берега подмывает. = Вода все

кроет, и берег роет. = Не верь тишине морской. = Тихо море, поколе на берегу стоишь.

В смирном платье (в печальном), да не с такою думкой. = Поклонен, покорен, а в глазах искра есть. = Бородака Минина, а совесть глиняна. (Борода-то Минина, а совесть-то глиняна.) = Железный кулак в бархатной перчатке. = Бахарь, что сахар, а в подонках пушина. = Волк в овечьей шубе (шуре). (Волк под овчиной.) = Бархатный весь, а жальце есть. = Добрый баранчик, да по-волчьему воеет. ≈ У того голубочка велики (остры) зубочки. = У кошечки когти в рукавичках (в перчатках). = Гладко шерстка, да и ноготок остер (кошка).

In our view, the difference between "hypocrisy" and "duplicity" is that a hypocritical person shows inconsistency in thought or action, while a duplicitous person coexists with two personalities.

It should be noted that in our material another group of ironic proverbs, verbalizing the paradoxical situation of inconsistency of the described state of affairs with reality, stood out:

Я, брат, писать умею, а читать не умею = Я по мелочи считаю, а крупных денег не знаю.

Сыт, тетушка, ложки нет. = Сыт и тем, чего не дали.

Antonymy

In the case of antonymy, the "collective author" seeks to exhaust all possibilities to demonstrate opposing views of the world and the individual (Levin 1984: 113).

Here are some proverbs connected with antonymy from our material. Graphically, we denote antonymy by the inequality sign.

We noted above that simplicity in Russian proverbs is evaluated, on the one hand, positively, and, on the other hand, negatively. Along with this, cunning is also assessed ambivalently.

Cunning is, on the one hand, complicated, on the other, simple:

Что хитро, то и не просто. ≠ Что хитро, то и просто: девятью десять девяносто.

On the one hand, it is difficult to deceive a cunning man, but on the other hand, it can be done:

Старого опытного волка в тенета не загонишь. = Старого опытного воробья на мякине не проведешь. ≠ И хитрую лису можно изловить. = И хитрая птица через свой клюв в силочок попадает.

It should be noted that it is not uncommon to find lexical antonyms - usually within one proverb, for example:

simple – cunning (and their derivatives): *На иную хитрость станет и простоты; Кабы на твою хитрость да не моя простота; Где просто, там ангелов со сто; где хитро, там ни одного* and etc.

Sweet - bitter: *Тогда мне губы лижи, когда они горьки, а когда сладки — и сам оближу; Сладко в рот, да горько в глот; Сладкие уста — горькие сердца.*

In the eyes (eyes) - Behind the eyes: *В глаза и бога боится, и людей боится, а за глаза — никого не боится; В глаза не льсти, а за глаза не брани; В глазах мил, за глаза постыл.*

Being one of the fundamental categories that we constantly operate with in our physical and intellectual perception of the world, the opposition is recognized by many researchers as one of the basic principles of proverb construction (Yusupova 2010: 667). In our material, these oppositions express the contrast of the two personalities coexisting in the person.

Homonymy

According to Y. I. Levin, homonymy, which is a rather rare phenomenon in proverbial semantics, is understood as the presence of more than one meaning in one text (Levin 1984: 115). In the scientific literature in such cases one more often speaks of the semantic ambiguity/ uncertainty of proverbs (see, for example, the works of E.I. Seliverstova).

Here are proverbs from the fragment of proverbial space that interest us, linked by homonymic relations:

5. *Только лапоть на обе ноги плетется, а и рукавички розни.*

'You need different approach and different way in different situations.'

'No two people are alike.'

6. *Ласковы телятки сосут по две матки.*

'A flattering man gets more benefit.'

'A friendly person is loved by all.'

7. *Ахи да охи не дадут подмоги.*

'About sympathy in words.'

'About a man who only grieves without taking any action when confronted with a problem.'

8. *Соловья кормят за песни.*

'About paying for hypocrisy, flattery.'

'A man is paid for his work.'

According to Y.I. Levin, proverbs-homonyms complicate and enrich the structure of proverbial space, forming in it a kind of breaking points, in which otherwise distant areas of this space come into contact with each other. (Levin 1984: 115). In connection with homonymy, the fragment of proverbial space we are considering is also contiguous with such spheres as "friendliness," "hurry," etc., formed by the corresponding units.

So, based on our analysis, we came to the following conclusions:

First, the frequency of synonymy, on the one hand, indicates the importance and repeated emphasis of important cognitive features by the proverbs studied, such as, for example: 'flattery is dangerous, one must always keep one's ear to the ground'; 'the cunning person wants to please everyone in order to get more profit', etc., and on the other hand, synonymy allows one to convey the finest nuances of one meaning and to specify the cognitive features being expressed. At the same time, our material distinguishes grammatical, syntactic, lexical variants with lexical and/or contextual synonymy and their combination. As the subtype of

semantic relations with the closest connections, varianthood to a certain extent enriches the proverbial fund and testifies to the diversity of grammatical forms, syntactic constructions, lexical components of Russian proverbs.

Secondly, the antonyms and contradictory cognitive features existing in the studied section of the proverbial fund testify to the ambiguity of people's perceptions of such concepts as cunning and simplicity. The presence of frequent lexical antonyms within the proverbs confirms the human cognition of the world by building oppositions.

The following section on the ways of nominating proverbial concepts is based on the article by the author: Zhao Simin 2022.

2.2.2. Direct and indirect nomination of concepts of the proverbial field “DIRECTNESS / SLYNESS”

Nomination is "the process and result of naming, in which linguistic elements are related to the objects they denote. [Gak 1977: 237]. Z.D. Popova and I.A. Sternin understand concepts as a set of verbalized and non-verbalized images of objects and situations that form the human conceptsphere, and denotatives as verbalized images [Popova, Sternin 2007: 19]. By denoting one or another denotation, the nomination reflects some part of the content of the denoted concept. Moreover, the same concept may be represented in language by different nominations, each of which will reflect a certain aspect of this mental formation [Zyryanova 2014: 46].

Nominations are divided by linguists into direct and indirect. Direct nominations refer to such naming, which have direct and direct correlation with the object of denotation, while indirect nominations are characterized by indirect, double correlation, which is typical for stylistically marked signs [Ufimtseva, Aznaurova, Kubryakova, Telia 1977].

Following Z.D. Popova and I.A. Sternin, by direct nomination of the concept we mean the key word-representative of the concept, which is chosen by the

researcher as the name of the concept and the name of the nominative field, and its systemic synonyms (Popova, Sternin, 2007: 12). Along with this, we also refer to the direct nomination as the conjugates of the word-representant of the concept and its systemic synonyms.

Direct nomination is mainly observed in proverbs, which verbalize the concepts of cunning, flattery, simplicity and directness. The proverbs, which verbalize the concept of cunning, contain such nominatives as *хитрость, хитрый, хитрить, перехитрить, схитрить, недохитрить, хитрец, хитряк, хитросплетение, лукавство, лукавый, лукавить, пройдоха*. The proverbial concept of FLATTERY is verbalized by such nominatives as *лесть, льстить, льстец, льстивый, ласкатель, согнуться, медоточивый, прислуживаться, увиваться*. Besides, such contextual synonyms are observed in proverbs with the above nominees as *такать, ухаживать, хвалиться, величать, ласковый, ласка, похвала, благословить, поноровщик, потаковщик*. The direct nomination of the concept Simplicity in proverbs includes *простота, простой, попросту, простак, простачок, правдивый*, to the concept Directness – *прямота, прямой, прямик, прямина, прямь, прямья*. Only three proverbs, which directly nominate the concept Hypocrisy, can be noted, namely: *У лицемера хвалы горшок, а у завистного хулы мешок; Лицемерие и ложь – одно и то же; Лицемерщики Богу молятся, а чертям веруют*. And the proverbial concept Duplicity has no such examples at all.

The main function of the secondary nomination can be considered "the renaming of the object of speech ... carried out for the purpose of figurative naming of the denotat by its characteristic features" (Volotskaya, 1981). In the light of cognitive research, it seems legitimate to understand the secondary nomination of an object or phenomenon as the secondary nomination of a concept or category, due to the fact that behind each language unit is a representation of individual categories or concepts. The figurative nature of the secondary nominated concept manifests itself in the creation of specific figurative examples for the verbalization of concepts of various degrees of abstraction (Kosycheva, 2011: 949).

According to its internal form, V. G. Gak divides indirect nomination into abstract (generalizing) and figurative (metaphorical and metonymic) nomination (Gak 1977: 245).

Following K.S. Shilyaev and E.A. Schlotgauer, we believe that both metaphor and metonymy represent the cognitive mechanism underlying not only their linguistic manifestations, but also related phenomena. Metonymy is seen as the referential shift within one cognitive sphere, while metaphor is a projection from one conceptual sphere to another, i.e. from the source sphere to the target sphere [Shilyaev & Schlotgauer 2019: 115].

It should be noted that here we will consider metaphor and metonymy exclusively as important ways of indirect nomination of concepts. A detailed and systematic study of conceptual metaphors and their typology on the material of the analyzed proverbs will be carried out in the next subparagraph.

По структуре метафоры в нашем материале можно разделить на три подтипа:

By structure, the metaphors in our material can be divided into three subtypes:

1) Only the target sphere is represented. See, for example: *Лестью и душу вынимают*. This proverb retains the target sphere "flattery" as the direct nomination of the concept and omits the source sphere "murder weapon. This subtype of metaphor does not perform the function of indirect nomination.

2) Only the source sphere is represented. See, for example: *Не поддавайся на пчелкин медок, у нее жало в запасе*. In this proverb, the source sphere "honey" is preserved as an indirect nomination of the concept and the target sphere "flattery" is omitted.

3) Both domains of metaphor are represented. See, for example: *Хитрость не дурасть, второй ум в голове*. In this proverb, the target sphere "cunning" and the source sphere "the second mind" respectively act as direct and indirect nominations of the concept. In this case, it seems to us that the function of the indirect nomination of the concept in the metaphor recedes into the background. As we mentioned above, each nomination reflects one of the features of the denoted

concept. Here the indirect nomination emphasizes the intellectual significance of the concept Cunning.

The combination of direct and indirect nominations in one proverb is also observed in the unit *"Старую лису хитростям не учить"*. Here the word-representative "cunning" as the direct nomination is not the domain of the metaphor, and the word combination "old fox" as an indirect nomination represents the sphere-source metaphor of the second subtype "cunning - old fox". In this case, the metaphor, in our opinion, makes it possible to avoid the repetition of the same-relative words in one unit.

Thus, the second subtype of metaphor, which performs the function of indirect nomination, is the main object of this study.

According to G.V. Kolshansky, nomination may be carried out through word and phrase (lexical), sentence (propositional) and text (discursive) [Kolshansky 1977: 121]. At that, depending on the object denoted, V.G. Gak distinguishes two types of nomination: elemental and event (situational). Elemental nomination denotes a certain element of reality: a subject, quality, process, relation, any real or conceivable object. The nominator here may be a word or phrase (in this case we speak of lexical nomination). Event nomination has a microsituation as the nominator, i.e. an event, a fact, uniting a number of elements. It has the external form of the sentence, i.e. propositional nomination [Gak 1977: 257].

In our opinion, some of the proverbs we study can be considered as an event nomination, consisting of a number of elementary (lexical) nominations, namely, of several metaphors. As an example, let us take the proverb *Это мыши kota погребают*, which verbalizes the concept Hypocrisy. This situation is nominated through the metaphors "hypocrite - mouse", "the enemy of the hypocrite - cat" and "hypocrisy, pretend good-natured - bury", and respectively consists of three elements: hypocrite as the addressee of the action, the enemy of the hypocrite as the recipient and the hypocritical action.

More complex in content elements appear in the proverb *Не поддавайся на пчелкин медок, у нее жало в запасе*, which, in our opinion, includes the

following lexical nominants-metaphors: to believe in flattery - to give in to the bee's honey, flatterer - bee, evil and dangerous intention in soul - sting in reserve.

Such a situation is also nominated in such units as the *Плакала кукушка, что детей отдала в люди; Целовал ястреб курочку до последнего перышка; Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву.*

Let us now consider the metonymization of the concept as a way of its indirect nomination. In the analyzed proverbs the concept of cunning is denoted by means of "ways of cunning realization": *Не гонкой волка бьют – уловкой; Идет рыба на блевку, идет на блесну; Клевать-то клюет, да на удочку нейдет.* Such ways of realization of cunning, or, so to speak, its embodiment, as *уловка, блевка and удочка*, are considered by us as a component of cunning, i.e., the metonymy "part instead of the whole" is realized.

Along with this, "somatic metonymies" are often found, which are carried out through the model "part of the body instead of the person," for example: in the proverb *Добро-добро, а ноги кривы*, the crooked person is replaced by the crooked legs; and in the unit *Одни глаза и плачут и смеются* the two-faced person is designated through the somatism of *the eye*.

It should be noted that within the framework of somatic metonymy there is a special group of proverbs, in which the concept is nominated through "double metonymy". As an example, consider the proverb "*Весь бы прост, да привязан хвост (лисий)*", where the double metonymy can be conventionally represented as "tail - fox, fox - cunning" on the model of "part instead of whole, whole instead of part". By "tail tied" is meant that "cunning is discovered." Here we consider "cunning" as part of "the fox," since cunning has long been considered a fox-like behavior and trait. This group also includes the following units: *Сам, кажись, и прост – да увяз хвост; И волчий рот, и лисий хвост; Где волчий рот, а где лисий хвост.*

The next section, devoted to the analysis of models of conceptual metaphors and comparisons in Russian proverbs, is based on the articles of the author: Zhao Simin 2022 - b, 2022 - d.

2.2.3. Models of conceptual metaphors and comparisons in Russian proverbs of the conceptual field “DIRECTNESS / SLYNESS”

In this part of the work we will consider the models of conceptual metaphors and comparisons in proverbs of the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS", in order to identify the linguistic and cognitive potential of the internal form of proverbs, their syntactic structural models and imagery.

According to the definition of the Concise Dictionary of Cognitive Terms, conceptual metaphor is a form of conceptualization, a cognitive process that expresses and forms new concepts, and without which no new knowledge is possible [KSCT 1996: 55]. Based on the theory of conceptual metaphor developed by J. Lakoff and M. Johnson, Russian scholars rightly believe that metaphorization is based on the process of interaction between knowledge structures of two conceptual domains - the source and target domains. As a result of unidirectional metaphorical projection from the source sphere to the target sphere, the elements of the source sphere formed as a result of human interaction experience with the surrounding world structure the less understandable conceptual target sphere, which is the essence of metaphor's cognitive potential [Budaev 2007: 22]. Through conceptual metaphors, abstract concepts are structured and understood with the help of less abstract or concrete concepts that one deals with in everyday life.

Currently, conceptual metaphor is studied by linguists in various types of discourse, including the minimal discourse we are considering - the proverb. In recent years, conceptual metaphors in proverbs have already been of interest to researchers. On the material of Russian proverbs there have been studies devoted to the models of conceptual metaphors "head - receptacle" (Milashevskaya, 2017) and "nature - man" (Khamitova, 2011), metaphors embodying the concepts "good" and "evil" (Wang, 2021), "truth" and "lie" (Abakumova, 2021).

Proverbs of the conceptual field of interest were the material for the consideration of zoomorphic metaphors, which play with guile, duplicity and hypocrisy of man in Russian and English linguocultures (Gorshunov, 2021).

However, no systematic studies dedicated to the models of conceptual metaphors in Russian proverbs of the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS" have been undertaken so far.

In this study we will adhere to the classification of J. Lakoff and M. Johnson, according to which there are three main types of metaphor: structural, ontological and orientational [Johnson, Lakoff 2003: 8-33].

Structural metaphors are characterized by a partial metaphorical structuring of the concept according to the pattern of the original concept [Kuzmichenko 2017: 168]. The following structural metaphors are observed in the proverbs under study:

Cunning is smart:

Хитрость — второй ум; Хитрость не дурасть, второй ум в голове.

Следует отметить, что в вышеприведенных примерах сохраняются оба домена метафоры — «хитрость» и «ум».

It should be noted that in the above examples both domains of the metaphor, "cunning" and "intelligence," are preserved.

The mind is opposed to force and is considered to be a more effective means of achieving the result than force. The comparison of cunning and force in proverbs, in our opinion, indicates that "cunning" in this case is identified with "wit": *Хитрость паче силы; Хитростью силу борют; Где силой не возьмешь, там хитрость на подмогу.*

Through **ontological metaphors** one treats abstract concepts as entities or substances. In our material three subtypes can be conditionally distinguished within the ontological metaphor: metaphor of objectification (term of O.B. Abakumova [Abakumova 2021: 24]), zoomorphism and personification.

Let us begin with **the metaphor of objectification.**

Simplicity is a valuable commodity:

Простота дороже красоты.

Flattery / cunning is a tool or weapon:

Лестью и душу вынимают; Лиса хитростью берет; Льва ловят хитростью; Хитростью силу борют.

Despite the fact that in the above units the source sphere is omitted, there is an explicit basis for the metaphor, by means of which the omitted source is easily recognized. For example, in the proverb "*Лестью и душу вынимают*", which contains the metaphor "flattery is a tool", there is no source "tool", but there is an explicit basis - the action "to take out the soul", which can only be done with the help of the tool.

In addition, some units lack a target sphere, e.g:

Flattery is honey:

На языке мед, а под языком лед; Не поддавайся на пчелкин медок; у нее жальце в запасе; И у осы мед есть.

Flattery is something oily, slippery:

Этот человек без подмазки в душу влезет; Блином масляным в рот лезет.

The target sphere may not be formally expressed in proverbs, because the proverb relies on the presumption that exists in the consciousness of the speaker: honey is sweet in a person's mouth, and flattery generates the similar feeling in his soul. Grease usually helps to slip into places that are hard to reach, but the flatterer is so adroit in his skill that he can penetrate into the soul, as into some invisible inner organ, even without "grease. The situation is similar with the buttered pancake, which gets into the mouth without difficulty, and with which the flatterer is compared.

In metaphor-zoomorphism, the person or abstract concept is endowed with the properties of an animal.

Flattery / cunning is an animal:

Лесть без зубов, а с костями съест; У хитрости тараканьи ножки.

It should be noted that in the study of the concepts an important representative is the person - the bearer of these qualities. In this connection, metaphors associated with the person-carrier of qualities are also included in our study.

The flatterer is a bee / wasp:

Не поддавайся на пчелкин медок: у нее жальце в запасе; И у осы мед есть.

The Cunning is a fox:

Лисица от дождя и под бороной ухоронится; Старая лиса рыльцем роет, а хвостом след замечает.

The hypocrite is a pussycat/dog:

У кошечки когти в рукавичках (в перчатках); Молчан-собака из-под подворотни хватает.

In contrast to the metaphor-zoomorphism, in the process of personification, human properties are ascribed to an animal, an inanimate object, an abstract concept, etc. The following examples of personification were found in our material:

Flattery / cunning / simplicity / directness is human:

Лесть да месть дружны; Лесть сама себя обманывает; Хитрость и смекалка — родные сестры; Хитрость и сметка бьют врага метко; Лису хитрость кормит; Простота святая, да ее ж и на зубы поднимают; Простота человека к Богу приводит; Не прямота бранится, а задор.

It should be noted that within the framework of personification there is a special subgroup in which each proverb conceals the "double metaphor". As an example, let us consider the unit "Это мыши кот погребают". Naturally, the action "to bury" cannot be performed by the mouse, so here the first metaphor can be represented as "mouse - man". At the same time, the mouse in this proverb acts as the source of the second metaphor - zoomorphism, where the target is the hypocrite, who pretends to be sad. This model of metaphors is also found in the following proverbs:

A hypocrite is an animal; an animal is a man:

Плакала кукушка, что детей отдала в люди; Целовал ястреб курочку до последнего перышка; Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву; Постригся кот, посхимился кот, а все тот же кот.

The cunning is the fox; the fox is the man:

Заговелась лиса: загоняй гусей; Лиса семерых волков проведет.

Oriental metaphors are mainly related to spatial orientation and are realized through spatial oppositions such as "top - bottom", "inside - outside", "front side - back side", "deep - shallow", "central - peripheral", etc. [Johnson, Lakoff 2003: 15.]

Simplicity on the outside; cunning on the inside:

На вид простак, а в душе хитряк; Каждая хитрость прикрыта глупостью; Как ни хитри, всех ниток не спрячешь; Как ни хорони концов, а выйдут наружу; Как ни хитри, а все наружу выйдет; Сам, кажись, и прост – да увяз хвост; Весь бы прост, да привязан хвост.

Simplicity is outward and obvious; it need not be concealed, while cunning is covered by fake stupidity or simplicity. But cunning cannot always be concealed; it can be exposed and become apparent.

Simplicity is the top; cunning/sly craftiness is the bottom:

Простота человека к богу приводит; В простых сердцах бог поживает; Где просто, там ангелов со сто; Где просто, там ангелов со сто; где хитро, там ни одного; Злой с лукавым водились, да оба в яму ввалились; Будешь лукавить, так черт задавит; Кто лукавит, того черт задавит; Живучи просто, доживешь лет до ста; а кто лукавит, того скоро черт задавит; Простачкам Бог опекун.

The simple man is surrounded by angels, is under the protection of God, in paradise, according to religious ideas, on top, while the cunning and wicked man comes at the disposal of the devil, whose dwelling place is hell, falls into the pit, that is, they find themselves below.

Directness is straight; curvature is crooked:

По кривой дороге вперед не видать; По кривой дороге ломаешь ноги; Наш Авдей никому не злодей, а наш Демид прямо глядит; Прямику одна дорога, поползну десять.

A parallel is drawn between the concepts of "directness" and "curved" space and the corresponding qualities of man: the direct man looks straight ahead, even introducing the name of a straight man - "прямик" while the curved man walks on the curved road.

Let's move on to examining the models of comparison in the proverbs under study.

Paremiias with the semantics of comparison have already attracted the attention of researchers. Thus, the syntactic models of proverbial units on the material of the Russian language were distinguished and classified in the works of E.K. Nikolaeva [Nikolaeva, 2010] and S.G. Lazutina [Lazutina, 1986]. We noted that the number and composition of structural divisions depend on the thematic group of units under study [see, for example, Alyoshin, Zinovieva, 2021; Zinovieva, Alyoshin, 2022].

Proverbs of the conceptual field of interest to us were the material to consider the conceptual dyad "hypocrisy - sincerity" in the Russian and English linguocultures [Khramova, 2010], the concept Flattery in the Russian and English languages [Dezhujaeva, Sarangaeva, 2020].

The material for the study was 66 Russian proverbial units extracted from the section "DIRECTNESS / SLYNESS" of the collection "Proverbs of the Russian People" by V.I. Dal. [Dahl, 2000] and "Big dictionary of Russian proverbs" [Mokienko, 2010]. [Mokienko, 2010].

1. Comparison is most explicitly expressed in proverbs in the Russian language, *which include comparative clauses introduced by the conjunctions as, that and as if* (24 units).

Let us dwell on the analysis of this category of proverbs in more detail. The group of Russian proverbs under consideration is heterogeneous in terms of its structure, we can distinguish different types of such units.

First, there are proverbs that include one comparative locution: *Крутит, как пес хвостом; Человек лукавый — что карман дырявый; Лесть словно зубами съест; Играет, как кот с мышкой; На одной хитрости как на одной*

ноге, далеко не уйдешь; Отыгрывается, как лиса хвостом; Опутали — как волка тенетами; Прямой как шальной; Он, как кошка, на все ноги падает and etc. Comparative locutions can represent stable comparisons: *играть, как кот с мышкой, падать как кошка* (the proverb reveals this stable comparison - *на все ноги*). Some proverbs of the group personify cunning, flattery, slyness, and comparative locutions help it by attributing human characteristics to these abstract nouns, for example, *Лесть словно зубами съест*.

The object of comparison may allow for variation, for example: *Вильнет умом, как пес (как лиса, как сорока) хвостом*. Variations are possible due to the fact that as the standards of comparison are chosen row nouns - the names of animals with tails, the behavior of which people have long had the opportunity to observe.

Secondly, we can distinguish proverbs that include two comparative locutions: *Хитрый как лиса, труслив как заяц; Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь); Словами, что листьям, стелет, а делами, что иглами, колет*, etc. These proverbs mostly contain stable comparisons: *cunning as a fox, cowardly as a hare, (white, clean) as snow, (sweet) as honey, (bitter) as wormwood, (black) as soot, prick as a needle*, etc.

Usually, proverbs of this category contain the contraposition, expressed by the use of the adversative conjunction "а": *Прост, как свинья, а лукав, как змея*, etc. Proverbs of this category may be opposed to the grounds (*simple as a pig, and crafty as a snake, etc.*). Both the bases (*simple* and *wicked*) and the objects of comparison (*pig* and *snake*) and the subjects of comparison may be opposed, for example, *speeches* and *deeds* in the following proverb: *Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь)*. At that, the bases of comparison are often omitted, as they are understood by default by the native speaker: snow - white and clean is contrasted with soot - black and dirty. Accordingly, a person can talk about very good and correct things, but act in the exact opposite way. Similarly, all speakers of the Russian language know that honey is sweet and wormwood is bitter, so sweet speech is compared to the bitter consequences of bad actions, deeds. Less

common is the juxtaposition of left and right proverbs with a non-union conjunction: *Хитрый как лиса, труслив как заяц*. In this case, the bases *cunning* and *cowardly* are not opposed.

Third, a special category is proverbs, the left part of which contains a comparison, and the right part is an explanation of the comparison: *Прямой что слепой: ломит зря; Попросту, как по́холсту: все гладко*.

Expressly expressed in Russian proverbs, comparison with the help of comparative locutions gives the unambiguous negative characteristic and directly evaluates the subject of comparison. Thus, personified flattery appears as an aggressive creature: *Лесть словно зубами съест*. Behind the outwardly demonstrated slyness (flattery and hypocrisy) lies the vicious true essence: *В глазах — как лисица, а за глазами — как волк*. Only one proverb about slyness has the positive assessment: *Всюду вхож — как медный грош* (about a man who is welcome by everyone).

Only a small number of the group of proverbs under consideration are frankly didactic, for example: *На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь*.

Most of the proverbial units are of a stating nature: they describe the situation (*Опутали — как волка тенетами*), human behavior (*Играет, как кот с мышкой; Крутит, как пес хвостом; Отыгрывается, как лиса хвостом*) or describe the personal qualities of the subject (*Хитрый как лиса, труслив как заяц*). Characterized may be a hypocritical ostentatious attitude towards something: *Противно, как нищему гривна*. This proverb is ironic, which is generally characteristic of many Russian proverbs. Often the comparison is used to characterize a person's words, since flattery is verbal, with the comparison subject being a speech or a speaker: *Речи, как мед, а дела, как полынь; Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь); Бахарь, что сахар, а в подонках пушина (bakhar 'a narrator, usually a blind elder', pushina 'sharp grass, sedge');* *Что клеит, говорит* (т. е. складно, да лукаво); *Словами, что листьям,*

стелет, а делами, что иглами, колет. The words are contrasted with a very important concept of the Russian mentality - deed.

It should be noted that simplicity and directness are characterized by comparative locutions much less frequently than flattery, cunning and slyness. Only 5 units about simplicity are distinguished: *Попросту, как по́холсту: все гладко; Прост, как свинья, а лукав, как змея; Прямой как шальной; Прямой что слепой: ломит зря; Прямой что дурной.* Only the first of these proverbs has the ameliorative evaluation, expressing the idea that it is better to live and act without intricacies, in this case everything will be good and calm.

If we consider the proverbs in terms of imagery, then in this group of sayings zoonim are used - *dog, magpie, fox, cat, pig, wolf, snake*, and often such part of the animal body as *the tail* appears - a symbol of hiding traces, hiding something; there are names of currency units - *grivna, penny*; the sly person is likened to *the leaky pocket*, which cannot be trusted. Interestingly, to figuratively liken the direct man, substantive names of persons are used: *blind, crazy, bad* - all of them nominate the inadequate person.

2. The next largest class of proverbs explicitly expressing comparison are *the units comprising adjectives or adverbs in the form of comparative degree* (15 units).

These paremics mainly contain judgments about simplicity (directness) and cunning. Two units refer to flattery.

Proverbs in this group express the following cognitive features: 1) 'Simplicity can be destructive for a person', these units are evaluatively ambivalent: on the one hand, *Simplicity is worse than theft: simplicity makes people disappear, Simplicity is worse than theft*; but, on the other hand, *Simplicity is more valuable than beauty*. 2) 'The cunning man is in a more advantageous position': *Лисичка всегда **сытей** волка бывает (или: живет); Кто **хитрее**, тот победит быстрее*. 3) 'For every cunning man there is a more cunning one': *Хитра, мудра казанская, а **хитрей** ее астраханская, Просчитался злодей: враг хитер, а мы **хитрее**; Хитра лиса, но еще **хитрее** – кто ее ловит*. 4) 'Cunning is preferable

to force': *Cunning is greater **than** force*. It appears especially under certain circumstances: *На войне хитрость приносит **больше** пользы, чем сила*; 5) 'Good is stronger than rational cunning': *Сильна хитрость ума, а добро **сильнее** хитрости: добро и тварь помнит*. The right side of this proverb reveals the meaning of the left. 6) 'There is a limit to cunning and directness, which is difficult to surpass': *Прямое **прямее** не будет; **Хитрее** теленка не будешь: языком под себя не достанешь*. The last proverb is ironic, its right part reveals the idea expressed in the left part. The fox is the model of cunning: ***Хитрее** лисы нет зверя*. Proverbs consider that it is better not to overstep a tacit boundary of cunning: ***Лучше** недохитрить, чем перехитрить*. 7) Proverbs about flattery are contradictory: on the one hand, 'a man who is not flattered is more respected': ***Меньше** лести – **больше** чести*. On the other hand, 'flattery may be preferable to the truth': *Иногда и лесть **лучше** правды*.

3. Proverbs with nouns in the instrumental case in the meaning of comparison (10 units) also explicitly express the cognitive operation of comparison.

In the instrumental case of comparison in proverbs such nouns are used as opposed to each other zoonim *fox* and *wolf*: *Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком; Глядит лисой, а пахнет волком*. As in the first category of paremias with comparative locutions, the fox is the symbol of cunning and hypocrisy (*Лисой пройти*), and the wolf - the true essence of man, evil. The comparison standards of the flatterer and the hypocrite are also the zoonyms *cat*, *water snake*, *toad*, *snake*: *Лисой ухаживает, кошкой увивается; Вьется и ужом и жабою; Змеей извивается*.

The benchmarks in comparisons are also the names of objects, which resemble the pose of a person wishing to defer to another: *Согнулся **дугой**, да и стал как дугой; Он перед начальством **смычком (лучком)** стоит*. Cf. Also, such an object of comparison for those who wish to enter into a person's trust, like a butter, easily slipping into his mouth: pancake oil in his mouth climbs.: *Блином масляным в рот лезет*.

The hypocritical words stand out: *Говорит крестом, а глядит пестом*. In this proverb there is an opposition, expressed syntactically by the syntactic antithetic conjunction "а". The speech (*говорит крестом*, i.e., according to the Christian custom, humbly) and the facial expression, the flatterer's look (*глядит пестом*, i.e. threateningly, hostilely: *the pestle* is a short heavy rod with a rounded end for grinding something in a mortar) are contrasted.

9. Implicitly comparison is represented in proverbs, which are *sentences of identities* (6 units).

In this type of proverbs cunning is evaluated positively: *Хитрость — второй ум*. Cf. also the "negative proposition of identity", according to the terminology of Z.K. Tarlanov [Tarlanov, 1999] or "desyndizing" proverb, according to the terminology of T.G. Bochina [Bochina, 2002]: *Хитрость не дурость, второй ум в голове*.

Flattery, flatterer and hypocrite are negatively evaluated, likened respectively: flattery – honor the devil; hypocrisy – service to the devil; flatterer who speaks beautiful words to the villain or the serpent hiding under flowers. Cf: *Лесть – дьяволу честь; Ласкатель – тот же злодей; Лстец под словами – змей под цветами; Душой кривить – черту служить*.

5. Proverbial comparisons expressed by the form of syntactic parallelism
(7 units)

In proverbs of this class the semantic relations of opposition are expressed. The opposition can be expressed by the compound sentence with the allied conjunction – with the help of the adversarial conjunction "а", as well as by the non-allied conjunction.

As in the proverbs of the above categories, the units of this group express the idea that cunning is preferable to force: *Хитростью поймешь даже льва, а силой не поймешь и сверчка*. The zoomorphic images of the large predator, the lion, and the small insect, the cricket, are contrasted. The proverb compares the hypocrite and the envious person, measuring the abstract means of achieving the

goal used by them with the help of figurative parallelism with household realities - the sack and pot: *У лицемера хвалы горшок, а у завистного хулы мешок.* Flattering words, soft and sweet, stand out, they contrast with ice, thus contrasting the external surface level, what is "on the tongue" and the inner, hidden level, reflecting the true essence of human intentions, "under the tongue", "on the heart": *На языке мед, а под языком лед; На языке медок, а на сердце ледок.*

The proverbial units of this group are contradictory. On the one hand, simplicity is evaluated positively, and cunning - negatively, simplicity is pleasing to God: *Где просто, там ангелов со сто; где хитро (где мудрено), там ни одного.* The contrast is strengthened by quantitative characteristics: *a hundred and none.* On the other hand, proverbs recognize that a cunning man lives better: *Хитрый Митрий, простоват Ипат; Митрий живет — славится, у Ипата все из рук валится.*

Rhyme plays an important role in all proverbs of this category.

6. Proverbs with possessive adjectives (4 units)

Proverbs of this category are also built on the principle of syntactic parallelism, but they additionally contain the possessive adjective as a component, which makes the expression of comparison more explicit. The external and internal in the flatterer and the hypocrite are opposed through zoomorphic images of the fox and the wolf. At the same time, the partitives involved are *mouth and teeth*, as metonymic denotations of aggressiveness and malice, and *tail*, masking the true essence: *Лисий хвост, да волчий рот; И волчий рот (зубы), и лисий хвост; Где волчий рот, а где лисий хвост.* Proverbs warn against trusting the repentance of an evil man and the imaginary ignorance of a cunning one: *Волчья кайка, да лисья незнайка.* Hypocrite can skillfully pretend, under the sheep's meekness and sound of words hides the true nature: *Звяга-то овечья, а сыть-то человечья.*

In terms of expression of the considered proverbs of the Russian language we can note such spheres of juxtaposition as **Man - Animal** (the most frequent model): *Прост, как свинья, а лукав, как змея; Лисой ухаживает, кошкой увивается;* **Man - Artifact:** *Согнулся дугой, да и стал как другой; Говорит*

крестом, а глядит пестом; Abstract - Man: На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь; Abstract - Abstract: Лесть – дьяволу честь; Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости; Man - Man: Ласкатель – тот же злодей; Прямой как шальной.

The following section, devoted to the analysis of zoonimic images in proverbs, is based on the article by the author: Zhao Simin 2020.

2.2.4. Zoonimic images in the proverbs of the conceptual field “DIRECTNESS / SLYNESS”

The object of the study in this section is proverbs of the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS", which contain the zoonim or the zoo-nymous adjective. Such proverbs have a great allegorical potential. Linguistic and cognitive analysis of these proverbs will reveal the stereotypical ideas of the Russian people about animals and the relationship between images of animals and concepts verbalized in the proverbs.

85 proverbs with the zoonim component were selected from dictionaries, among them the most frequent zoonim components in proverbs are *fox* (24 units), *wolf* (21 units), *bird* (18 units), *cat/cat* (9 units), *goat/goat* (8 units), *dog* (7 units), *snake* (6 units), *fish* (6 units), *insect* (4 units) and *mouse* (3 units). It should be noted that it is not uncommon for two zoonim to appear in one proverb. Below we will consider these proverbs in detail.

1. fox - wolf - goat / sheep

The fox is the most frequent zoonim component in the proverbs under study. This fact is easily explained by the fact that the fox is the symbol of the cunning deceiver and self-serving flatterer in the consciousness of the Russian people (Kuznetsov 2000: 89). This is evidenced by the following proverbs, which contain several cognitive features:

A cunning man takes every opportunity to get out of the difficult situation or to gain advantage: *Лисица от дождя и под бороной ухоронится; Трудно лисе лапку положить, а то и вся взберется.*

Things are often not as simple as they seem, especially when dealing with the cunning person: *Весь бы прост, да привязан хвост (лисий); Когда ищешь лису впереди, то она назади.*

It is worth noting that the fox's tail often appears in Russian proverbs. On the one hand, the fox's tail serves to cover up the traces of a crime or cunning, to avoid punishment. On the other hand, the tail symbolizes the fox's slyness and intrigue. The following cognitive features are verbalized in proverbs with this component:

A cunning person seeks to avoid responsibility after committing the bad deed: *Лиса своего хвоста не замазает; Накрылся, что лиса хвостом; Старая лиса рыльцем роет, а хвостом след замечает.*

Under the guise of gentleness and kindness can hide the self-serving, greedy and evil man: *Лисий хвост, да волчий рот.*

Cunning does not always help to find a way out of the unfavorable situation: *And the fox is cunning, but its pelt sells.*

Being another representative of the canine family, the wolf also appears quite actively in proverbs verbalizing the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS". The cunning and hypocrisy of the wolf is evidenced by the following units: *Волк в овечьей шубе (шуре); Верь волчьим слезам.* However, inferior to the fox in cunning, the wolf differs in its apparent predation. It is no coincidence that in Russian proverbs simultaneously occur components *fox* and *wolf*, these paremics express the following cognitive features:

Predation is not contrary to cunning: *Глядит лисой, а пахнет волком; Лисий хвост, да волчий рот.*

A cunning man shows his true face after he has achieved his goal: *Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком.*

He who knows how to hide his predatory nature, gets more benefits:

Лисичка всегда сытей волка бывает (или: живет); Волк – голодай, лиса – лакомка; Лиса семерых волков проведет.

It is difficult for the wicked and the cunning to cooperate: *Не сподручно волку с лисой промышлять (из сказки).*

There is one more feature in Russian proverbs, which may use both the zoonim *wolf* and *fox* - **the older is more cunning than the younger because of his experience:** *Старого волка в тенета не загонишь; Старую лису хитростям не учить; Старая лиса рыльцем роет, а хвостом след замечает.*

Interestingly, as natural enemies in wildlife, the opposition "wolf - goat / sheep" often appears in proverbs, in which the sheep usually becomes the victim of the wolf:

A hypocritical person treats another affectionately and friendly for his own selfish purpose: *Звал волк козу на пир, да коза нейдет; Любит, как волк овцу.* (This feature is also observed in the proverb *Кормят вола, чтоб кожа была гладка*).

When a person needs the friend, he treats him affectionately, and when he no longer needs him, his attitude changes dramatically: *Манят: козанька, козанька, а приманят: волк тебя съешь!*

When the solution is found that is equally convenient for both sides, it is said: *И волки сыты, и овцы целы.*

2. The cat - the mouse

The cat is a popular pet in Russia and around the world. Its behavior is described in terms of proverbs: *"Лисой ухаживает, кошкой увивается; Эти кошки облизали ножки; У кошечки когти в рукавичках (в перчатках); Лукавый — как кошка: спереди лапу дает, а сзади дерет."* In terms of the content of these proverbs, the concept of DUPLICITY is clearly embodied. The cat looks cute and affectionate, likes to cuddle, wants to please the man, enter into trust, but one must not forget about the sharp claws, readiness to scratch. In the

figurative sense it refers to the danger coming from a two-faced person and his flattering behavior. (Cf. the proverb *У того голубочка велики (остры) зубочки*)

The proverbial saying *Он, как кошка, все на ноги падает* expresses such a cognitive feature - **A cunning man knows how to stay unharmed, avoid trouble, get out of difficult situations.**

The units *Кому скоромно, а нам на здоровье (сказал кот Евстафий, постригшись и посхимившись, да поймал мышку)* и *Постригся кот, посхимился кот, а все тот же кот* speak of insincerity and hypocrisy of the man. A man has taken monasticism, but at the same time breaks the rules and does not eat Lenten food, and behaves as usual. These proverbs express the idea that **no matter how a person's appearance or living conditions change, his essence will not change.**

Another opposition in the proverbs under consideration is the opposition of the cat and the mouse. The proverb *Это мыши кота погребают* speaks of feigned sadness and human hypocrisy. (The proverb *"Плакала кукушка, что детей отдала в люди"* also speaks of the feigned sadness.)

3. Bird

The proverbs with the component bird and with the hyperonym *bird* verbalize the concept FLATTERY. Such an association, in our opinion, can be explained by the fact that birds sing beautifully. Therefore, it is logical to compare birds' singing with flattering words. Some proverbs describe the image of the bird which likes to listen and speak flattering words. We found the following cognitive features in this group of proverbs:

Man is inclined to listen to flattering words: *Птицу кормом, а человека словом обманывают; Падок соловей на таракана, человек – на льстивые речи.*

Flattering words make one lose his guard: *Коли птицу ловят, так ее сахаром кормят.*

The flatterer is characterized by duplicity: *Поет как соловей, а кусает как гадюка; Поет соловьем, а рыщет волком.*

The image of the cunning magpie can be seen in the following units: *Вильнет умом, как сорока хвостом; Знает сорока, где зиму зимовать!* At that, the last proverb is closely connected with the fact that in winter magpies prefer to stay in their native places, being in constant proximity to humans, which allows them to find food more easily. The proverb alludes to the cunning person who will always find a way out of the difficult situation.

The proverb says that the deceitful man makes the false maneuver, misleading, *Не там курица яйцо снесла, где кудахчет.*

4. Dog

The dog in the Russian language consciousness is a cunning animal. The following proverbs testify to its cunning: *Крутит, как пес хвостом; Ползчив пес, да и лиса хитра.*

And the proverbs *Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой, Не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка хватает* и *Молчан-собака из-под подворотни хватает* contains one cognitive feature: **Don't be afraid of those who are direct and honest, but be afraid of those who are secretive and act under the radar.**

5. Snake

The following proverbs speak of the wickedness of the snake: *Змеей извивается; Вьется ужом, а топорщится ежом; Прост, как свинья, а лукав, как змея.* The association of the snake with slyness, apparently, can be explained by the cunning of its movement and the figurative meaning of the verbs "to wriggle" and "twist". And in the proverb *"Льстец под словами – змей под цветами"* the flatterer is compared with the snake. This comparison is justified by the fact that they are both outwardly beautiful, but in essence poisonous and dangerous.

6. Fish

Interestingly, the proverbs with the fish component often contain the motifs "danger" and "underestimation of danger", for example: *Идет рыба на блевку (корм), идет на блесну (на оловянную рыбку); Постится щука, а пискарь не*

дремли; Уснула щука, да зубы не спят; Это щучка, остренький носок (хитреца); Щуку съели, да зубы целы; ironic proverb *Утопили щуку*. In proverbs of this group the following feature is verbalized: **It is always necessary to be vigilant, even if it seems that there is no danger.**

7. Insect

In Russian proverbs bee honey is widely compared with flattery, because they both have two sides: enjoying the sweet taste, you can experience the pain of the bee sting: *Не поддавайся на пчелкин медок; у нее жало в запасе*. The proverb verbalizes the same cognitive feature as proverbs with the fish-naming component. The proverb *Мед сладко, а мухе падко* expresses the feature **Man is inclined to listen to flattering words.**

Thus, the appearance of the considered components-names of animals in proverbs, verbalizing the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS", is not accidental, it is justified by the experience of centuries of observation of the habits, appearance and way of life of the native speakers. Some cognitive features are expressed by proverbs with different names of animals, for example, the idea that one must always be wary, even if it seems that there is no danger, is expressed by the proverbs with the component fish and units with the component *bee*, and the feature of human tendency to listen to flattering words in his address is verbalized by the proverb with the component bird, and by the proverbs with the component birds. In addition, in the proverbs investigated there is often the opposition of zonyms, which helps figurative perception of the cunning and hypocritical man and his "victim".

Interestingly, the analyzed proverbs with the zoonim component mostly verbalize such concepts as cunning, duplicity, hypocrisy and flattery. And such units, embodying the concepts SIMPLICITY and DIRECTNESS are rare, which indicates that in the studied fragment of proverbial space the zoonisms appearing in the vast majority of the proverbs symbolize the person with negative qualities.

2.3 Macro- and microconcepts of the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS" in the Russian proverbial space

2.3.1. The concepts "CUNNING" and "SIMPLICITY" in the Russian proverbial space

This section devoted to the analysis of the proverbial concept of Cunning is based on an article by the author: Zhao Simin 2022 - a.

These two concepts, in our opinion, it is advisable to consider together, as they are often opposed and interconnected in the proverbial space, and can also simultaneously appear in one proverb.

In the explanatory dictionary, the definition of the lexeme "cunning" is given by reference to the adjective "cunning". According to the definition of N.Y. Shvedova, the word 'cunning' means: 1) 'cunning, concealing one's sincere intentions, going in deceitful ways'; 2) 'crafty, revealing some hidden intention, intent'; 3) 'inventive, skillful in something'; 4) 'intricate, wise' [Shvedova, 2008: 1063]. Basing upon the dictionary definitions, one can conclude that *cunning*, *cunning* in the language are estimated both negatively (meaning 1), neutrally (meanings 2, 4), and positively (meaning 3). Cunning is considered by us as the micro-concept within the macro-concept SLYNESS, so the first three meanings of the word are of interest for our study.

Cognitive interpretation of the proverbial units by ranking all the cognitive features of the concept Cunning in terms of frequency yielded the following results:

2. The cunning person is resourceful (30 units): *Когда ищешь лису впереди, то она назади; Сам наперед бежит, а кричит: держи вора!; Не укусил, так подуськал (натравил); У иноходца тысяча путей, у хитрого тысяча слов; На семи сидел, а десять вывел; Битый небитого на руках носит; Нельзя перескочить, так можно подлезть; Всюду захож — как медный грош; Хитрый всегда лазейку найдет; Хватил коречком (ковшом), да ушел бочком и др.*

In this group are distinguished ironic units: *Милости прошу к нашему грошу со своим пятакон; Вашим добром, да вам же челом.*

1.1. The cunning person knows how to stay unharmed, avoid trouble, get out of difficult situations: *Знает сорока, где зиму зимовать; Лиса своего хвоста не замарают; Лисица от дождя и под бороной ухоронится; И рыбы наловит, и ног не замочит.*

2. cunning does not always lead to the desired result (20 units): *Как ни хитри, а два да один – все три; Можно перехитрить одного, но нельзя перехитрить всех; У хитрости тараканьи ножки; Как ни хитрил, а на то же своротил; Не все, что вздумано хитро, прочно и добро и др.*

2.1. Cunning can lead to a bad result: *У хитрого начала скандальный конец; Маслян ком и прошел кувыркком, да что-то отрыгается; Тот к добру не управит, кто в делах лукавит; Злой с лукавым водились, да оба в яму ввалились; Будешь лукавить, так черт задавит; Хитростью свет пройдешь – назад не воротишься.*

2.2. cunning sooner or later reveals itself: *Как ни хитри, всех ниток не спрячешь; Как ни хорони концов, а выйдут наружу; Вилял-вилял да на вилы попал; Хитри, да хвост береги; Как ни хитри, а всё наружу выйдеет.*

2.3. Truth is stronger than cunning: *Как ни хитри, а правды не перехитришь.*

2.4. Against the Fool, Cunning "Doesn't Work": *Как ни хитри, а дурака не перехитришь.*

2.5. One cunning is not enough to achieve the desired result: *На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдеешь.*

3. You have to be careful with the cunning person, don't trust him (14 units): *Трудно лисе лапку положить, а то и вся взберетса (от сказки); С хитрецом водиться — в оба глаза глядеть (бдительность); Говоря с хитрецом, взвешивай ответ свой; Не верь малому да лукавому; В лукавом правды не сыщешь; Разговорам не дивись, на хитрость не ловись; Он тебя и купит, и продаст; Человек лукавый — что карман дырявый.*

3.1. The cunning person deliberately misleads: *Не всяк спит, кто храпит; Не там курица яйцо снесла, где кудахчет; Бог суди твои костыли.*

Of these, 3 units are ironic, and close in structure: *Заговелась лиса: загоняй гусей; Постится щука, а пескарь не дремлет; Уснула щука, да зубы не спят.*

4. Cunning promises advantage over the enemy/enemy (11 units): *Схитришь — врага победишь; Умей своей хитростью из врага душу вытрясти; У хитрого солдата и рукавица — граната; Хитрость на войне нужна вдвойне; Будь хитер — направляй врага по ложному следу; Смелого пуля облетит, смелый и мину перехитрит; Кто хитрее, тот победит быстрее.*

4.1. Cunning is more necessary (important) than strength and courage: *На войне хитрость приносит больше пользы, чем сила; Исход боя решает не тот, кто смелее, а тот, кто хитрее.*

4.2. Cunning is the manifestation of wit: *Хитрость и сметка бьют врага метко; Смекнешь да схитришь — врага победишь; Кто смышлен да хитер, тот противнику нос утер.*

In these situations, cunning is a virtue and is evaluated positively.

5. Cunning allows you to get what you want (12 units): *Лиса хитростью берет; Лису хитрость кормит; Лиса живет хитростью, а заяц — прыткостью; Елохе (пройдохе) не живется плохо.*

5.1. Cunning is more effective than strength: *Не гонкой волка бьют — уловкой; Хитрость паче силы; Хитростью силу борют; Где силой не возьмешь, там хитрость на подмогу; Льва ловят хитростью; Хитростью поймешь даже льва, а силой не поймешь и сверчка.*

5.2. The cunning one is always full: *Лисичка всегда сытей волка бывает (или: живет); Волк – голодай, лиса – лакомка.*

6. Cunning can be defeated by cunning (7 units): *Лисица хитра, да шкуру ее купцам продают; Просчитался злодей: враг хитер, а мы хитрее; И хитрую лису можно изловить; Хитра лиса, но еще хитрее — кто ее ловит;*

Хитрость хитростью побеждают; Полазчив пес, да и лиса хитра; Хитра, мудра казанская, а хитрей ее астраханская.

7. It is hard to beat a cunning man (7 units): *Коли поп Сеньку не обманет, так и Сенька попу правды не скажет; Поп Федьку не обманет, а Федька попу правды не скажет; Черт Ваньку не обманет: Ванька про него молитву знает; Клевать-то клюет, да на удочку нейдет; Хитрого да лукавого на кривой не объедешь; Вертляв: в него и в ступе пестом не угодишь; Вьюн: вокруг вьется, а в руки не дается.*

8. A cunning person knows how to hide his cunning (5 units): *Тот не хитер, кого хитрым считают; Каждая хитрость прикрыта глупостью; Прищуривай, Агашка, на левый глаз; Прищуривай, на один глаз, хоть и смекаешь, да смалчивай; Глуп как свинья, а лукав как черт.*

9. Cunning may appear as such only to one who acts in some manner corresponding to his own idea of cunning (ironic proverbs) (3 units): *Хитрый! Ворота открыты, а он в подворотню лезет; Хитрый: есть ворота, а он забор ломает; Хитро сколотил ведро: клепки под лавку, а обручи в печь — и не будет течь; Гость коли рано подымается, то ночевать хочет (о засидевшихся гостях).*

10. You must be cunning in moderation (4 units): *Перехитришь, так подметки не подкинешь; Всю хитрость не изучишь, а себя измучишь; Лучшие недохитрить, чем перехитрить; Хитрее теленка не будешь: языком под себя не достанешь.*

11. The danger lurks behind cunning traps (3 units): *В осмеры гости зовут, а все на правеж; Идет рыба на блевку (корм), идет на блесну (на оловянную рыбку); Звал волк коз на пир, да за гостинцами не идут.*

12. Cunning is a sign of intelligence (4 units): *Хитрость и смекалка — родные сестры; Хитрость — второй ум; Хитрость не дурость, второй ум в голове; Перемудрил, так перетонил (т. е. перехитрил).*

13. Time and experience teach cunning (2 units): *Старую лису хитростям не учить; Жизнь научит хитрить.*

- 14. All players are tricksters (2 units):** *В игре не без хитрости; Игрок кум вору.*
- 15. A woman is cunning by nature (2 units):** *Золовка хитра на уловки; Лукавой бабы и в ступе не утолчешь.*
- 16. The poor are forcedly cunning and inventive (1 unit):** *Голь хитра, голь мудрена, голь на выдумки горазда.*
- 17. A cunning fool is evaluated negatively, unlike a cunning smart one (2 units):** *Не бойся хитрого умного, бойся хитрого дурака; От хитреца да глупца добра не жди.*
- 18. Contrast cunning with wisdom (1 unit):** *Премудрость одна, а хитростей много.*
- 19. The cunning man will outwit the direct man (1 unit):** *Горбун прямика перехитрит.*
- 20. It is difficult for the wicked and cunning to interact (1 unit):** *Не сподручно волку с лисой промышлять.*
- 21. The cunning one can also make mistakes through carelessness (1 unit):** *И хитрая птица через свой клюв в силок попадает.*
- 22. The cunning one uses other people's labor (1 unit):** *Хитрый Митрий: нашими боками пашет, на своих отдыхает.*
- 23. Cunning can be directed for good (1 unit):** *И гусь от гнезда отводит, собаку отманивает (дикий).*
- 24. Good is stronger than cunning (1 unit):** *Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости: добро и тварь помнит.*
- 25. Primitive cunning is not valued (1 unit):** *Копеечной хитрости – грош цена.*
- 26. The wise can defeat the cunning (1 unit):** *На хитрость дай Бог мудрость.*
- 27. You can't cheat all your life (1 unit):** *Всякий хитрец в своей старости слепец.*

28. Power is the means to the cunning one (1 unit): *Что беснующемуся нож в руки, то лукавому власть.*

Of the identified cognitive features (КП), some features characterize the concept of cunning or the person who carries this quality - 'cunning person', for example: 'cunning does not always lead to the desired result', 'the cunning person will always find the right way to get his/her way'; and others give recommendations, both to those who communicate with cunning people and to the cunning person himself, for example: 'one must be careful and vigilant with the cunning man, one must not trust him,' 'one must be cunning in moderation.

The definition of the lexeme "SIMPLICITY" is also given in reference to the adjective "simple¹". According to the definition of N. Y. Shvedova, the word "simple¹" includes the following meanings: 1) "homogeneous in composition, not compounded"; 2) "not complicated, not difficult, easy to understand, implement" 3) "artless, uncomplicated"; 4) "*full f.* not of the best quality, rough by processing"; 5) 'good-natured, simple-minded, not ceremonious'; 6) '*the full f.* most ordinary, not outstanding among others'; 7) '*full f.* belonging to the unprivileged classes, not noble'; 8) 'stupid, dim-witted [originally, unwise, silly]'. [Shvedova, 2008: 765].

Since the concepts we are examining mainly describe the qualities of a person, we focus only on the meanings №5 and №8 of this word. Of the meanings №2 and №3, we take into account only the sema 'not a difficult person to understand'. The number of proverbs that verbalize the concept "SIMPLICITY" is much lower than the number of proverbs about cunning. Thus, the cognitive interpretation of the proverbs by ranking the cognitive features of the concept "SIMPLICITY" in terms of frequency is as follows:

10. Simplicity is recognized as a spiritual value (12 units): *Простота – половина спасенья; Простота да чистота – половина спасенья; Простота, чистота, правота – наилучшая лепота; Простота человека к богу приводит; В простых сердцах бог поживает; Где просто, там ангелов со сто; Живи просто, выживешь лет со сто; От чиста сердца чисто зрят очи;*

Простачкам Бог опекун; За нашу простоту обвенчают и в посту; Где нет простоты, там одни пустоты; Попросту, как по холсту.

11. Simplicity, from a pragmatic point of view, does not lead to good results (5 units): *С простоты люди пропадают; Выть тебе волком за твою овечью простоту; Простота – дому пустота; Простота святая, да ее ж и на зубы поднимают; Кому невдомек, так добрый человек.*

12. The simple man is kind, he does no evil to others (2 units): *Наши Авдей никому не злодей, а наш Демид прямо глядит; Простота – безо зла;*

13. Man is sometimes not as simple as one thinks (2 units): *Наши Пахом с Москвой знаком; Он и Ивашка, да не промашка.*

14. Simplicity is sometimes worse than theft (2 units): *Бывает и простота хуже воровства; Простота пуще воровства.*

15. Simplicity is more important than beauty (1 unit): *Простота дороже красоты.*

16. Simplicity can be better than intricacy (1 unit): *Замысловато, да туповато; просто, да остро.*

17. An unsophisticated person is hard to figure out (1 unit): *Тугонек я тебе орешек дался.*

18. In difficult circumstances, all people are simple, they have no time for cunning (1 unit): *Среди поста и матушка проста.*

Cognitive interpretation of the proverbs that simultaneously verbalize the concepts of cunning and simplicity is presented below:

9. The cunning one only looks simple (4 units): *Весь бы прост, да привязан хвост (лисий); Сам, кажись, и прост – да увяз хвост; На вид простак, а в душе хитряк; Прост, как свинья, а лукав, как змея.*

10. Cunning and simplicity are opposite (2 units): *Тут нито, едено по простоте, без хитрости; Правдивому мужу лукавство не под нужу.*

11. Simplicity leads to good, cunning leads to evil (2 units): *Где просто, там ангелов со сто; где хитро (где мудрено), там ни одного; Живучи просто, доживешь лет до ста; а кто лукавит, того скоро черт задавит.*

12. The cunning man likes to deal with the simple man (1 unit): *На простака хитрецы падки.*

13. Sometimes simplicity is more effective, more efficient, than cunning (1 unit): *На иную хитрость станет и простоты!*

14. Cunning and simplicity are related (1 unit): *Что хитро, то и просто: девятью десять девяносто.*

15. Simplicity is answered with simplicity, and cunning is answered with cunning (1 unit): *Коли ты спроста, и я спроста; коли ты с хитрости, и я с хитрости.*

16. You can't achieve anything by mere (primitive) cunning (irony) (1 unit): *Кабы на твою хитрость, да не моя простота!* В данной пословице простота является мнимой.

The field structure of the Cunning concept can be represented as follows:

Core (2 features):

The cunning is inventive (19.4% of all proverbs), Cunning does not always lead to the desired result (12.9%)

The Near Periphery (3 features):

You have to be careful and vigilant with the cunning, don't trust him (9.0%), Cunning helps you win the war (7.7%), Cunning lets you get your way (7.7%)

Far Periphery (7 features):

Cunning can be defeated by cunning (4.5%), A cunning man is difficult to beat (4.5%), A cunning man can hide his cunning (3.2%), Cunning may appear as such only to one who acts in some manner corresponding to his idea of cunning (ironic) (2.6%), Cunning must be in moderation (2.6%), Cunning is a sign of intelligence (2.6%), A cunning man only looks simple (2.6%)

Extreme Periphery (24 features):

Danger lurks behind cunning traps (1.9%), Cunning and simplicity are opposite (1.3%), Simplicity will do good, cunning will do evil (1.3%), Time and experience will teach cunning (1.3%), All players are cunning (1.3%), Women are cunning by nature (1.3%), The cunning intelligent is appreciated positively in

contrast to the cunning fool (1.3%), A cunning person likes to deal with a simple person (0.6%), Sometimes simplicity turns out to be more effective, more efficient, than cunning (0.6%), Cunning and simplicity are interrelated (0.6%), To simplicity is answered with simplicity, to cunning is answered with cunning (0.6%), You get nothing by simple (primitive) cunning (irony) (0.6%), The poor are forced to be cunning and inventive (0.6%), Contrasting cunning with wit (0.6%), The cunning will surpass the straight and simple in cunning (0.6%), The wicked and the cunning are difficult to cooperate (0.6%), The cunning can also make mistakes by carelessness (0.6%), A cunning person uses other people's labor (0.6%), A cunning person can act to save loved ones (0.6%), Good is stronger than cunning (0.6%), Primitive cunning is worthless (0.6%), Wise can beat a cunning person (0.6%), All life you cannot cunning (0.6%), Power is a means to the cunning person (0.6%)

During the analysis of the studied units we were also interested in the concepts having systemic relations with the concept "cunning". As scientists note, the concepts forming the conceptosphere enter into system relations of similarity, distinction and hierarchy with other concepts according to their individual features [Popova, Sternin 2007: 26]. We have identified the following concepts, which often appear simultaneously with the concept under consideration in the proverbial space:

4) The concept of Wit: *Хитрость не дурость, второй ум в голове; Хитрость и смекалка — родные сестры; Не бойся хитрого умного, бойся хитрого дурака, etc.*

5) The concept of POWER: *Хитростью силу борют; Где силой не возьмешь, там хитрость на подмогу, etc.*

6) The concept of WAR: *Хитрость на войне нужна вдвойне; Хитрость и сметка бьют врага метко, etc.*

So, as the result of the cognitive analysis of the material, we can draw the following conclusions about the concept of Cunning:

The positive assessment in the structure of the concept Cunning is characteristic for 14.8% of the cognitive features (for example: *Cunning helps to*

win a war), ironic assessment - for 4.5%, negative assessment - for 33.3%, among the latter some features draw attention to the harm caused by cunning behavior to other people (for example: *'The cunning uses the labor of other people'*), and others emphasize the possibility of obtaining an undesirable result for the cunning person (for example: *'Cunning does not always lead to the desired result'*), which indicates that the concept Cunning in proverbs is evaluated by moral and pragmatic criteria. Non-evaluation features account for only 19% of the total number of features. And to clarify the evaluation of the remaining 28.4% of features it is necessary to take into account the situation of the use of specific proverbial units, in other words, in this case the evaluation depends on the purpose (good or bad) for which cunning is used.

Pragmatic features dominate in the core and near periphery of the concept, while the vast majority of nonpragmatic and descriptive features belong to the extreme periphery of the concept, which indicates that the proverbs focus on the pragmatic side of the concept Cunning, namely the results and benefits that can bring cunning. The peripheral part of the proverbial concept allows us to conclude that the role of the "cunning man" may be played by gamblers, women, the poor person, as well as residents of certain cities - Kazanis and Astrakhans.

In the proverbial space the concept of cunning is interconnected with such concepts as "war", "mind" and "force": cunning is considered necessary in war to fight the enemy. At the same time, the concept of cunning is often compared with the concepts "mind" and "force": first, cunning is more effective than force; second, cunning is seen in some units as a sign of intelligence, while other units describe a cunning fool, which indicates that cunning is not always combined with intelligence.

The field structure of the concept "SIMPLICITY" can be represented as follows:

Core (1 feature):

Simplicity is recognized as a spiritual value (30.0%)

The Near Periphery (2 features):

Simplicity, from a pragmatic point of view, does not lead to good results (12.5%), the cunning man only looks simple (10.0%)

Far Periphery (5 features):

The simple person is good, does no harm to others (5.0%), A person is sometimes not as simple as they think (5.0%), Simplicity is sometimes worse than theft (5.0%), Simplicity will do good, cunning will do evil (5.0%), Cunning and simplicity are opposite (5.0%)

Extreme periphery (9 features):

Simplicity is more important than beauty (2.5%), Simplicity can be better than cunning (2.5%), An unsimple person is difficult to figure out (2.5%), In difficult conditions all people are simple, they have no time for cunning (2.5%), A cunning person likes to deal with the simple person (2.5%), Sometimes simplicity turns out to be more effective, more efficient than cunning (2.5%), Cunning and simplicity are interrelated (2.5%), Simplicity is answered by simplicity, cunning is answered by cunning (2.5%), Simple (primitive) cunning will not achieve anything (irony) (2.5%)

Positive evaluation in the structure of the "SIMPLICITY" concept is typical for 47.5% of cognitive features, ironic evaluation - for 5%, negative evaluation - for 15%. Non-evaluation/descriptive features account for only 32.5% of the total number of features. Like the concept Cunning, simplicity in the proverbial space is also evaluated according to moral and pragmatic criteria. According to the moral criterion, simplicity in the vast majority of cases is evaluated positively, simplicity is holy and a simple person does no harm to others. And from the pragmatic point of view, simplicity is evaluated ambivalently, on the one hand, simplicity does not bring the person a good result, and on the other hand, simplicity sometimes turns out to be more effective and efficient than cunning and intricacy.

The core of the concept is dominated by the moral feature, in this part such sacral lexemes as purity, salvation, God and angel are associated with simplicity.

The peripheral part of the concept shows that in the proverbial space simplicity is compared with beauty, theft and intricacy.

There are proverbs in which the concepts of cunning and simplicity appear simultaneously. These units ambivalently describe the relationship between them: in some units cunning and simplicity are opposed, the choice is usually made in favor of simplicity; in others we are talking about primitive cunning. It is also interesting that cunning is closely related to the environment: a person in difficult conditions has no time for cunning.

The next section, devoted to the analysis of the proverbial concepts of "HYPOCRISY", "FLATTERY" and "DUPLICITY", is based on the article by the author: Zhao Simin 2022 - c.

2.3.2. The concepts "HYPOCRISY", "FLATTERY" and "DUPLICITY" in the proverbial space of the Russian Language

As defined by N. Y. Shvedova, the word 'hypocrisy' denotes 'behavior covering up insincerity, malevolence with pretended sincerity, virtue' (Shvedova, 2008: 411). According to the explanatory dictionary, the word 'duplicity' is interpreted with a reference to the definition of hypocrisy: 'cf. hypocrisy, insincerity' [Shvedova, 2008: 183]. It is important for us to identify the shades of semantics of these two synonyms in the proverbial space.

A hypocritical person, on the one hand, covers his real and sometimes even dangerous face with a harmless appearance or mask, as evidenced by proverbs: *В смирном платье, да не с такою думкой; Бородка Минина, а совесть глиняна*, etc., and on the other hand, he thinks one thing, but says or does another, ie his speech and actions do not match his true thoughts, for example: *Речами тих, да сердцем лих; Голосом завывает, а сердцем кутьи поджидает (плакуша)*.

In contrast to the hypocrite, a duplicity man has two personalities: *У того голубочка велики (остры) зубочки; Бархатный весь, а жальце есть*. He behaves differently in front of different people, which is described in proverbs *В*

людях ангел, а дома черт; Днем тихо, а ночью лихо; В глазах мил, за глаза постыл. Very often these two personalities are completely opposite of each other. The personality that a person displays "behind the eyes" or "at night" is most likely the real one. It should be noted that in such proverbs the opposition "fox - wolf" often appears, symbolizing the opposition between the ingratiating, soft in appearance and the malicious, aggressive behavior of a person: *В глазах – как лисица, а за глазами – как волк; Глядит лисой, а пахнет волком.* In the units *Где в волчьей нагольной (шубе), где в лисьей под плисом; Где волчий рот, а где лисий хвост* emphasizes the flexibility of the duplicity person, who behaves depending on the situation and uses his two-facedness as a tactic.

Along with this, the duplicitous man says one thing and does another. His actions are inconsistent or even the exact opposite of what he says, as is reported in the following units: *Говорит направо, а глядит налево; Говорит прямо, а делает криво.* Speech can be sweet and beautiful, but actions can be the opposite, e.g: *Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь); Словами, что листьем, стелет, а делами, что иглами, колет.*

Proverbs verbalize not only the characteristics of the person-carrier of hypocrisy, but also hypocritical sympathy, sorrow, concern, love, and pretended poverty, for example: *Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву; Плач голосист, а печаль смиренна; Целовал ястреб курочку до последнего перышка; Полно, друг, молоть, отдохни да потолки; Так прибуднится, что станового разжалобит.* This fact, in our opinion, is closely connected with the combinability of the adjectives "duplicitous" and "hypocritical" in Russian: the first appears mainly in the combination "duplicitous person", while the range of combinability of the second is much wider.

It should be noted that ironic proverbs also describe a paradoxical situation, characterizing and evaluating the hypocrite, who tries to hide his desire and aspiration, but it does not work: *Противно, как нищему гривна; Он не пьет вина, глотает.*

It is also interesting that in the ironic proverbial units a change in the position of the observer is noted. Such units are realized as if on behalf of a hypocrite, such as *Милости прошу к нашему грошу со своим пятакom; Полно, друг, молоть, отдохни да потолки* (says the hypocritical mother-in-law to her daughter-in-law); *Вашиm добром, да вам же челом*. And in the proverb *Не хвали меня в очи, не брани за глаза*, the one speaking is the person who is communicating with a hypocrite or two-faced person. It is as if they are talking directly to each other: the addresser imposes his insincere praise, kindness and concern on others; and the addressee responds by using the imperative of the verb and distances himself from these insincere actions on the part of the addresser.

The feeling after communicating with the duplicity person is also described: *Мягко съел, да черство в живот пошло; Сладко в рот, да горько вглот*. The feelings of the speaker described in the left and right parts of the proverbs are diametrically opposed, which fully corresponds to the dual actions of the two-person person.

The word 'flattery' is defined in the dictionary as 'hypocrisy, sneering praise' [Shvedova, 2008: 404]. Despite the fact that any flattering behavior without exception is hypocritical, not all proverbs, verbalizing the concept FLATTERY, clearly reflect the concept Hypocrisy as well (see, e.g.: *Всем угодлив, так никому не пригодлив; Падок соловей на таракана, человек – на льстивые речи*). The syncretism of proverbial concepts is observed only in those units that describe the inconsistency of the flatterer's words with his real thoughts (see e.g.: *Сладкие уста — горькие сердца; На языке мед, а под языком лед*).

Similarly to the concept Hypocrisy, the prototypical communicative structure of the situation "flattery" also includes the addresser-the flatterer, the addressee and the flattery or flattering behavior itself, with the addressee and the addresser connected by the relationship of the orientation metaphor "top-down". [Panchenko 2008: 38], which is found in the proverbs *Чей хлеб ем, того и песенку пою (того и вем); От кого чают, того и величают; В ком нужда, того знаем, как чувствовать*. Besides subordination, the relations between the

flatterer and the addressee may be dependent, i.e. the flatterer in some respect relies on the addressee, which is expressed in the following proverbs: *Чей хлеб ем, того и песенку пою (того и вем); От кого чают, того и величают; В ком нужда, того знаем, как чествовать.* The flatterer's motive may also consist in rubbing in the recipient's confidence, weakening his vigilance and causing him harm: *Лесть да месть дружны; На хвалу недруга берегись; Лестью и душу вынимают.* Two-faced flatterer is described in the following proverbs: *На словах его хоть выступишь, а на деле и головы не приклонишь; В глаза не льсти, а за глаза не брани.*

It should be noted that flattering behavior can be both verbal and non-verbal, such as *a flattering smile, look and pose* (see *Набьет улыбка оскомину; Ласки в глазки; Согнулся дугой, да и стал как другой*).

So, based on our analysis, we have come to the conclusion that a two-faced person is characterized by dual behavior depending on who he is in front of, and the hypocrite always shows only one face-mask, not revealing his real face; a flatterer can be two-faced; the relationship between the flatterer and the recipient can be subordinate, dependent, and hostile.

Next, we will examine these three concepts separately.

Flattery

Let us begin with the concept of Flattery. We can distinguish the following cognitive features of this concept:

26. A man is flattering for his own selfish ends (14 units): *Тебя манят – твоих денег хотят; В душу вьется, а в карман глядит; Льстивые слова говорит, а сам в карман норовит; Чей хлеб ем, того и песенку пою; В душу влезет, а за грош продаст; Кабы я ведал, где ты ныне обедал, знал бы я, чью ты песню поешь; Для того свинья чужим (иным) голосом запела, что чужого хлеба поела; Которой рекой плыть, ту и воду пить (той и славу петь); От кого чают, того и величают; Потуда полыгал (рассказывал, забавлял), покуда ел; В ком нужда, того знаем, как чествовать; Не в том*

кату сидишь, не те песни поешь; Не его воз, не его и песенка; У кого видит, тому и бредит.

The implicit intersection of the concepts Duplicity and Flattery in some of the above-mentioned proverbs (See for example: *Чей хлеб ем, того и песенку пою*) is due to the fact that the flatterer can constantly change the recipient of flattery, depending on whom he can get the benefit from.

27. Flattery (flattery) can be dangerous and destructive to the one being flattered (13 units): *Кто много целует, редко не укусит; Лстец под словами – змей под цветами; Кем хвалился, от того и повалился; Лесть без зубов, а с костями съест; Лесть словно зубами съест; Не поддавайся на пчелкин медок; у нее жальце в запасе; Лестью и душу вынимают; Ласкатель – тот же злодей; Лесть да месть дружны; На хвалу недруга берегись; Не поздоровится от таких похвал; От иной похвалы хоть в землю уйти.* Here the flatterer is duplicitous, for he, on the one hand, speaks sweet words and, on the other hand, harms others.

28. By flattering behavior they lull the vigilance and creep into trust (6 units): *Лестью вкрадываются в доверенность; Коли птицу ловят, так ее сахаром кормят; На словах твоих хоть выспись; Блином масляным в рот лезет; Этот человек без подмазки в душу влезет; Эти кошки облизали ножки.*

29. A flatterer says one thing, but thinks another (4 units): *Сладкие уста — горькие сердца; На языке мед, а под языком лед; На языке медок, а на сердце ледок; Уста медоточивые, а сердце смолой кипит.*

30. The flatterer behaves differently depending on the situation (3 units): *Согнулся дугой, да и стал как другой; С просителем шибко, с начальством гибко; Ножки с подходом, ручки с подносом, сердце с покором, голова с поклоном, язык с приговором.* It is obvious that in this category of units, the concepts DUPLICITY and FLATTERY are also verbalized simultaneously.

31. Flattery and honor are opposed (3 units): *Меньше лести – больше чести; У лести нет чести; Встречай не с лестью, а с честью.*

32. Flattery is regarded as anti-value, condemned (2 units): *Лесть – дьяволу честь; Лихва да лесть дьяволу в честь.*

33. The flatterer joins in with the opinion of the one he wants, he gives in (2 units): *Один поет – другой подыгрывает; Он и чужой песне подыгрывать умеет.*

34. Flattery is deception (2 units): *Птицу кормом, а человека словом обманывают; Лесть сама себя обманывает.*

35. Man loves to listen to flattery (2 units): *Падок соловей на таракана, человек – на льстивые речи; Мед сладко, а мухе падко.*

36. Flattery may not lead to the desired result (2 units): *Не льсти: к празднику не возьмут; Не льсти: не к шерсти.*

37. The flatterer gets more benefit (2 units): *Ласковое теля двух маток сосет; Ласковы телятки сосут по две матки.*

38. A disputant is better than one who agrees in everything (2 units): *Не люби потаковицика (потакальицика, потакалы), люби встречника; Не люби поноровицика, люби спорицика (встречника).*

39. Flattery can have bad consequences for the flatterer (1 unit): *Кабы не такал, так бы и не плакал (и не протакал).*

40. The man flatters those above him (1 unit): *Он перед начальством смычком (лучком) стоит.*

41. Explicit flattery is unpleasant to the listener (1 unit): *Притворная лесть хуже полыни.*

42. You should be careful with flattery and be critical of it (1 unit): *На хвалу оберегайся, а похулить и сам сумеешь.*

43. A flatterer is also a trickster (1 unit): *Льстец щурит очами.*

44. A man who tries to flatter everyone is of no use to anyone (1 unit): *Всем угодлив, так никому не пригодлив.*

45. After flattering words there is a residue (1 unit): *Маслян ком и прошел кувыркком, да что-то отрыгается.*

46. Flattery must be learned, it is not a natural skill (1 unit): *Учатся лести, а гордость и сама вырастет.*

47. Even an evil person knows how to flatter (1 unit): *И у осы мед есть.*

48. A woman's flattery is not constant (1 unit): *Женская лесть по Петров день.*

49. A woman's flattery is dangerous (1 unit): *Женская лесть, хоть без зубов, а с костями съест (Женская лесть без зубов, а с костями сгложет).*

50. Flattery is sometimes better than the truth (1 unit): *Иногда и лесть лучше правды.*

The field structure of the concept Flattery can be represented as follows:

Core (2 features):

A person flattering for their own selfish purposes (20.3%), Flattery (flattery) can be dangerous and destructive to the person being flattered (18.8%)

The Near Periphery (4 features):

Flattery lulls vigilantes into the position of trust (8.7%), Flatterer says one thing but thinks another (5.8%), Flatterer behaves differently depending on the situation (4.3%), Flattery and honor are opposed (4.3%)

Far Periphery (7 features):

Flattery is regarded as anti-value, condemned (2.9%), Flatterer joins the opinion of the one he wants, gives in (2.9%), Flattery is deception (2.9%), One likes to listen to flattery (2.9%), Flattery may not lead to the desired result (2.9%), Flatterer gets more benefit (2.9%), Arguer is better than someone who agrees in everything (2.9%)

Extreme periphery (12 features):

Flattery can have bad consequences for the flatterer (1.4%), A person flatters superior people (1.4%), Explicit flattery is unpleasant for the listener (1.4%), One must be careful with flattery, be critical of flattery (1.4%), Flatterer is also a trickster (1.4%), A man who tries to flatter everybody is of no use to anybody (1.4%), After flattering words remains a sediment (1.4%), Flattery must be learned, it is not a natural skill (1.4%), Even an evil man can flatter (1.4%), A

woman's flattery is not permanent (1.4%), A woman's flattery is dangerous (1.4%), Flattery is sometimes better than truth (1.4%)

Positive evaluation in the structure of the concept FLATTERY is typical for 1.4% of cognitive features (*Flattery is sometimes better than truth*), negative evaluation - for 90.7%. Non-evaluative/descriptive features account for only 7.2% (see e.g.: *Flattery must be learned*) of the total number of features.

This concept is ambivalently described in proverbs in terms of one's attitude to flattery (on the one hand, one likes to listen to flattery; on the other hand, explicit flattery is unpleasant for the listener) and the effect of flattery on the flatterer (on the one hand, the flatterer benefits more; on the other hand, flattery can have bad consequences for the flatterer).

The core of the concept is dominated by features about the motive of flattering behavior and the harm caused by the flatterer to the addressee. In the peripheral part, flattery is compared with honor, deceit and truth. Interestingly, women's flattery is separately described in the proverbs and is characterized as being dangerous and fickle.

Hypocrisy

The cognitive features of the concept Hypocrisy are as follows.

10. A hypocrite thinks one thing, says/does another (38 units): *В очах мило, да в серце постыло; Речами тих, да серцем лих; Лицемерицики Богу моляться, а чертям веруют; Играет, как кот с мышкой.*

1.1. the feigned, hypocritical sadness: *Глазам-то стыдно, а душа-то рада; Кумушкины слезки на базаре дешевы; Это мыши кота погребают; Плакала кукушка, что детей отдала в люди; Голосом завывает, а сердцем кутьи поджидает (плакуша); Горько плачет, а вприсядку пляшет; Глазами плачет, а сердцем смеется; Пойми волка слезы; Верь волчьим слезам; Большому вытью не верь; Плач голосист, а печаль смиренна.*

1.2. A hypocrite says one thing, but knows that reality is different: *Говорит воду, а во рту сухо; Говорит красно, а поглядишь – пестро.*

1.3. About the paradoxical nature of the hypocrite's words or actions (ironic proverbs): *Противно, как нищему гривна; Он не пьет вина, глотает; Сядь-ка на гладком месте, на бороне!; Я, брат, писать умею, а читать не умею; Я по мелочи считаю, а крупных денег не знаю; Сыт, тетушка, ложки нет; Сыт и тем, чего не дали; Близорук: через хлеб, да за пирог; Хлеба не ест, вина в рот не берет, а всегда сыт и пьян живет; От слышит, как трава растет; И не глядит, да видит; Не течет, не течет, да и канет.*

1.4 The flatterer says one thing, but thinks another / hypocritical flattery: *Сладкие уста — горькие сердца; На языке мед, а под языком лед; На языке медок, а на сердце ледок; Уста медоточивые, а сердце смолой кипит.*

1.5 A hypocrite thinks one thing and pretends to do another: *Не всяк спит, кто храпит; Не там курица яйцо снесла, где кудахчет; Заговелась лиса: загоняй гусей; Постится щука, а пискарь не дремлет; Уснула щука, да зубы не спят.*

11. A hypocrite covers his selfish intention with the hypocritical, disinterested shell (love, sympathy, care) (9 units): *Целовал ястреб курочку до последнего перышка; Называет другом, а обирает кругом; Жена мужа любила: в тюрьме место купила; Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву; Пожалел темени, так ударил в косицу; Полно, друг, молотъ, отдохни да потолки; Кормят вола, чтоб кожа была гладка; Звал волк коз на пир, да за гостинцами не идут; У корысти всегда рожка бескорыстна.*

12. A hypocritical person imposes unnecessary help or care on others (6 units): *Не накладно сытого потчевать; Не корми меня тем, чего я не ем! (Не жалей меня, пожалей себя!); Не плачь по мне, плачь по себе; Полюби-ко нас в черне, а в красне и всяк полюбит; Подъехал с подгорелым солодом; Тогда мне губы лижи (обнимай меня), когда они горьки, а когда сладки – и сам оближусь.*

13. A hypocritical person covers his real face with the harmless appearance or mask (4 units): *В смирном платье, да не с такою думкой;*

Бородка Минина, а совесть глиняна; Бахарь, что сахар, а в подонках пушина; Железный кулак в бархатной перчатке.

14. The essence will not change despite the change in appearance (3 units): *Кому скоромно, а нам на здоровье (сказал кот Евстафий, постригшись и посхимившись, да поймав мышку); Постригся кот, посхимился кот, а все тот же кот; Волк и каждый год линяет, а все сер бывает.*

15. A hypocrite is also a flatterer (1 unit): *У лицемера хвалы горшок, а у завистного хулы мешок.*

16. Hypocrisy is a lie (1 unit): *Лицемерие и ложь – одно и то ж.*

17. A hypocritical man knows how to pretend to be pitiful (1 unit): *Так прибуднится, что станового разжалобит.*

18. Don't pretend to be weak, or the strong will hurt you (1 unit): *Не прикидывайся овцою: волк съест.*

The field structure of the concept Hypocrisy can be represented as follows:

Core (1 feature):

Hypocrite thinks one thing, says/does another (58.5%)

The Near Periphery (2 features):

Hypocrite covers his self-serving intention with the hypocritical, unselfish shell (love, sympathy, care) (13.8%), Hypocritical person imposes unnecessary help or care on others (9.2%)

Far Periphery (2 features):

The hypocritical person covers his real face with the harmless appearance or mask (6.2%), Essence will not change despite the change in appearance (4.6%)

Extreme periphery (5 features):

A hypocrite is dangerous, he cannot be trusted (1.5%), A hypocrite is also a flatterer (1.5%), Hypocrisy is a lie (1.5%), A hypocritical man knows how to pretend to be pitiful (1.5%), You must not pretend to be weak, or the strong will hurt you (1.5%)

Negative assessment in the structure of the concept Hypocrisy is typical for 81.5% of cognitive features, ironic assessment - for 18.5%.

The core cognitive feature gives the most generalizing characteristic of the concept: a hypocrite thinks one thing and says or does another. Within the core cognitive feature we distinguish five more subgroups. The peripheral part revealed that hypocrisy is like a lie. A hypocrite likes to pretend to be weak and poor.

It should be noted that the word "hypocrisy" and its cognates appear only three times in the proverbs considered, in the remaining cases the proverbs either describe a hypocritical person and his behavior, or describe a hypocritical situation, which often uses zoomisms in the role of the subject.

Duplicity

The following cognitive features can be distinguished in the proverbial concept of Duplicity:

6. The two-faced man is able to adjust, shows different sides ("faces") in different situations (55 units): *Где в волчьей нагольной, где в лисьей под плисом; Глядит лисой, а пахнет волком; Поет соловьем, а рыщет волком; Поет как соловей, а кусает как гадюка; Волчья кайка, да лисья незнайка; Звяга-то овечья, а сыть-то человечья; В траве идет – с травую вровень; в лесу – с лесом; Где прыжком, где бочком, где ползком, а где и на карачках; Из-за угла да камнем; Из одной избы и горячо и студено; Из одних уст клятва и благословение; Из одного рта и тепло и холодно; Одни уста и теплом и холодом дышат; Одни глаза и плачут и смеются; Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком; Лисий хвост, да волчий рот; И волчий рот (зубы), и лисий хвост; Одна слеза катилась, а другая воротилась; Ласковый взгляд, да на солнце яд; Помоги, боже, кому бог поможет (а кому поможет, за того и мы).*

1.1 A two-faced person behaves completely opposite when communicating to the eye and behind the eyes: *В людях ангел, а дома черт; В людях Илья, а дома свинья; В людях Ананья, дома каналья; Днем тихо, а*

ночью лихо; В глаза ласкает, а по заглазью лает; Спереди лижет, а сзади царапает; Спереди бы любил, а сзади бы убил; В глазах мил, за глаза постыл; Не хвали меня в очи, не брани за глаза; В глаза не льсти, а за глаза не брани (а за глаза как знаешь); В ногах ползает, а за пятку хватает; Одной рукой дает, другою отнимает; Подал ручку, да подставил ножку; Руки лижет, а зубы на оскале; Хвостом вертит, а за руки хватает; Кормит калачом, да в спину кирпичом; Низко кланяется, а больно кусает; Ноги целует, а головы ищет; Ложкой кормит, а стеблом (череном) глаз колет; В ноги кланяется, а за пяты хватает; Передом кланяется, боком глядит, задом щупает; В глазах — как лисица, а за глазами — как волк; В глаза и бога боится, и людей боится; а за глаза — никого не боится; Спереди машут, а сзади кукиш кажут; Хвостом виляет, а зубы скалит; Вьется ужом, а топорищится ежом; Ярко желают, да руки поджимают; И взлетает, и хвостиком повиляет; Лукавый — как кошка: спереди лапу дает, а сзади дерет; Не корми меня калачом, да не бей в спину кулаком.

1.2 When a person needs someone, he treats him affectionately, and when he no longer needs him, his attitude sharply changes: *Манят: козанька, козанька, а приманят: волк тебя съешь!; Когда коня вадят, тогда его гладят, а как привадят, так придавят.*

1.3 The flatterer is also duplicitous: *Согнулся дугой, да и стал как другой; С просителем шибко, с начальством гибко; Ножки с подходом, ручки с подносом, сердце с покором, голова с поклоном, язык с приговором.*

2. The appearance of a two-faced man is deceptive (20 units): *У того голубочка велики (остры) зубочки; Бархатный весь, а жальце есть; Добрый баранчик, да по-волчьему воеет; Добрый сосед — только волка чужой собакой травит, а свою поберегает; У кошечки когти в рукавичках (в перчатках); Гладко шерстка, да и ноготок остер (кошка); Тупой серп руку режет пуще острого; Поклонен, покорен, а в глазах искра есть; В тихом омуте (болоте) черти водятся; В тихой воде омуты глубоки; Молчан исподтишка хватает; Тихо озеро, а чертей полно; Тихая вода берега*

подмывает; Вода все кроет, и берег роет; Понурая свинка глубок корень роет; Не ворошенный жар под пеплом лежит; Под пеплом и жару не знать; Не верь тишине морской; Тихо море, поколе на берегу стоишь; Женская ласка да морская затишь (равно надежны).

3. The two-faced man tries to please everyone in order to get more benefits, but this desire is not always feasible (17 units): *Одному богу молится, а другому кланяется; Всем богам по сапогам; На одних подметках семи царям служил; Богу молись, а черта не гневи!; Ставь и черту свечу: не знаешь, куда угодишь (т. е. в рай или в ад); Богу свечу, черту ожиг (кочергу); Умей угодить на удобного и на неудобного; И волки сыты, и овцы целы; И нам тепло, и вам сытно, и ему улежно; Эта епанча на оба плеча; И нашим и вашим за копейку спляшем; Он на пяти овинах рожь молотит; Двум господам один раб не услужит; На двоих господ не долго наслужишься (не угодишь); Кто в двои бедра бьет, в том пути не живет; Отсуленная голова двоим не служит; Помоги, боже (Помогай бог), и нашим и вашим (и вам и нам)!*

4. A two-faced man says one thing and does another (14 units): *Только славу ведет, что рано встает; Говорит направо, а глядит налево; Говорит крестом, а глядит пестом; В воду глядит, а огонь говорит; В книгу глядит, а огонь говорит; Говорит прямо, а делает криво; Говорит бело, а делает черно; Скажет вдоль, а сделает поперек; Речи, что снег (что мед), а дела, что сажка (что полынь); На словах его хоть выпишь, а на деле и головы не приклонишь; На словах, что на санях, а на деле, что на копыле; Словами, что листьём, стелет, а делами, что иглами, колет; Сам нож точит, а говорит: не бось; То се говоря, да гуся за голову.*

5. A duplicitous person can make two opposite impressions on others (12 units): *Хорош напев, да забориста и песня; Сладко поет, инно заслушаешься; Мягко стелет, да жестко спать; Приветлив стлать, да жестко спать; Мягко съел, да черство в живот пошло; Ласково говорит, да черство слушать; Сладко в рот, да горько вглот; Уху сладко, глазам падко,*

а съешь – гадко; Тихо кадит, да вонько несет; Хорошую ты песню поешь, да слушать-то не хочется; Хорошо ты поешь, да мне плясать неохота ; Ай, ай, месяц май: тепел, да холоден (да голоден).

The field structure of the concept Duplicity can be represented as follows:

Core (1 feature):

A two-faced person knows how to adjust, shows different sides ("faces") in different situations (46.6%)

The Near Periphery (2 features):

Appearance of the two-faced person is deceptive (16.9%), Two-faced person tries to please everyone to get more benefits, but this desire is not always feasible (14.4%)

Far Periphery (2 features):

A two-faced person says one thing and does another (11.9%), A two-faced person can make two opposite impressions on others (10.2%)

In our opinion, all the cognitive features describing the concept Duplicity are unambiguously negative.

Here we do not distinguish the extreme periphery, since the total number of cognitive features in this concept is quite small (there are only 5), and, accordingly, all the features occupy a relatively large share.

The core cognitive feature, like the concept Hypocrisy, also gives the most generalizing characteristic of the concept: a two-faced person is able to adjust, in different situations shows different sides of himself. Within the core feature we distinguish 3 subgroups. In the peripheral part we managed to reveal that two-faced can be the woman, looking kind and nice people and animals.

Interestingly, the word "duplicity" and its cognates do not appear once in the proverbial units under consideration. The concept Duplicity is verbalized in proverbs with the help of the contrasting representation of two human personalities.

2.3.3. The concept "DIRECTNESS" in the Russian proverbial space

The following cognitive features are highlighted in the proverbial concept under consideration:

1. Directness will not lead to a good result (5 units): *Прямой как шальной; Прямой что дурной; Прямой что слепой: ломит зря; Прямьей века не изживешь; Прямой напорется, кривой пройдёт.*

2. To be direct is not good in all cases (4 units): *Не прямо, да право; Хотя прям, да упрям; Будь прям, да не (будь) упрям; Будь прям, да упрям.*

3. Directness (directness man) need not try to improve (4 units): *Прямого нечего править; Прямого нечего править, а править – испортить; Прямое править – испортить; Прямое прямее не будет.*

4. All that is directness and true exists in a single variant, but oblique and crooked is variant (has many incarnations) (2 unit): *Прямь одна, а косина да кривизна одна на одна не придётся; Прямьку одна дорога, поползну десять.*

5. Unknowable directness will lead to curvature (2 units): *Незнаемая прямизна – та же кривизна; Незнаемая прямизна наведёт (наводит) на кривизну.*

6. Everything that is directness is useful, and everything that is crooked can be thrown away as unnecessary (1 unit): *Прямьина в кросны, а кривизна в лес!*

7. Directness will not lead to quarrels (1 unit): *Не прямота бранится, а задор.*

8. A crooked man will outwit a directness man in cunning (1 unit): *Горбун прямьика перехитрит.*

The field structure of the concept Directness can be represented as follows:

Core (1 feature):

Directness will not lead to a good result (25.0%)

The Near Periphery (2 features):

To be direct is not good in all cases (20.0%), Directness (directness man) need not try to improve (20.0%)

Дальняя периферия (2 КП):

Всё прямое, правдивое существует в единственном варианте, а косое и кривое имеет множество воплощений (10.0%), Незнаемая прямизна приведет к кривизне (10.0%)

Far Periphery (2 features):

Everything straight, true exists in a single version, and oblique and crooked has many incarnations (10.0%), Unknowable straightness will lead to crookedness (10.0%)

Крайняя периферия (3 КП):

Все, что прямо, получает положительную оценку, нужно, пригодится, а то, что криво, можно выбросить, как ненужное (5.0%), Прямота не приведет к ссоре (5.0%), Кривой человек превзойдет в хитрости прямого (5.0%)

Extreme periphery (3 features):

Everything that is directness is useful, and everything that is crooked can be thrown away as unnecessary (5.0%), Directness will not lead to quarrels (5.0%), A crooked man will outwit a directness man in cunning (5.0%)

Positive evaluation in the structure of the concept Directness is characteristic of 10% of cognitive features, concentrated in the extreme periphery. 55% of cognitive features with negative evaluation are concentrated in the core and near periphery. Non-evaluative/descriptive traits account for only 35% of the total number of traits.

It is important to note that in proverbs Directness often appears simultaneously with the concept Curvature (6 of 20 units). The relationship between these two concepts is ambivalently described in the Proverbial space: on the one hand, Directness is opposed to curvature by result and quantity (see e.g., "*Прямой напорется, кривой пройдёт; Прямь одна, а косина да кривизна одна на одна не придётся*"); On the other hand, the unknowable directness is like the

curvature (cf: *Незнаемая прямизна – та же кривизна; Незнаемая прямизна наведёт на кривизну*).

We will not separately consider the concept "curvature" within the framework of the investigated conceptual field, because most proverbs about curvature contrast truth and falsehood, which is not relevant to the topic of our study.

It is also important to note that in the studied material there is an intersection, semantic syncretism of proverbial concepts, in connection with what some proverbial units can simultaneously verbalize two concepts, for example:

5) **Cunning and Hypocrisy:** *Не там курица яйцо снесла, где кудахчет; Заговелась лиса: загоняй гусей;*

6) **Cunning and Duplicity:** *Ставь и черту свечу: не знаешь, куда угодишь (т. е. в рай или в ад); Лукавый — как кошка: спереди лапу дает, а сзади дерет.*

It should be noted that the dominant concept and thus the cognitive feature in the above proverbs is difficult to determine, they are probably actualized in the specific context of use in speech.

7) **Flattery и Hypocrisy:** *Сладкие уста — горькие сердца.*

8) **Flattery и Duplicity:** *Согнулся дугой, да и стал как другой.*

In our opinion, it is quite obvious that the dominant concept, respectively, is Flattery in Example №3 and Duplicity in Example №4.

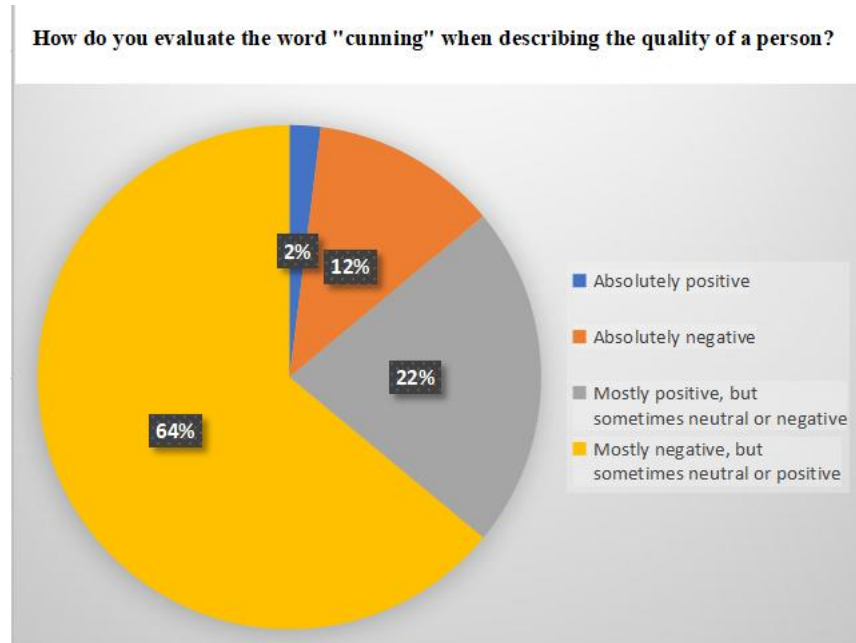
2.3.4 Verification of the Proverbial Concepts Consistency with the Present Concepts in the Modern Russian Language Consciousness

To verify the correspondence of the proverbial concept to the modern linguistic consciousness and to resolve the issues that raised our doubts during the research, we conducted a written survey with 50 Russian respondents. Forty of the informants were philologists.

In Assignments №1~№6, we tested the consistency of the evaluation of the concepts in the proverbial stock with the help of such questions as "How do you evaluate the word 'concept name' when describing the quality of a person?"

Below are the questions and answers for these assignments.

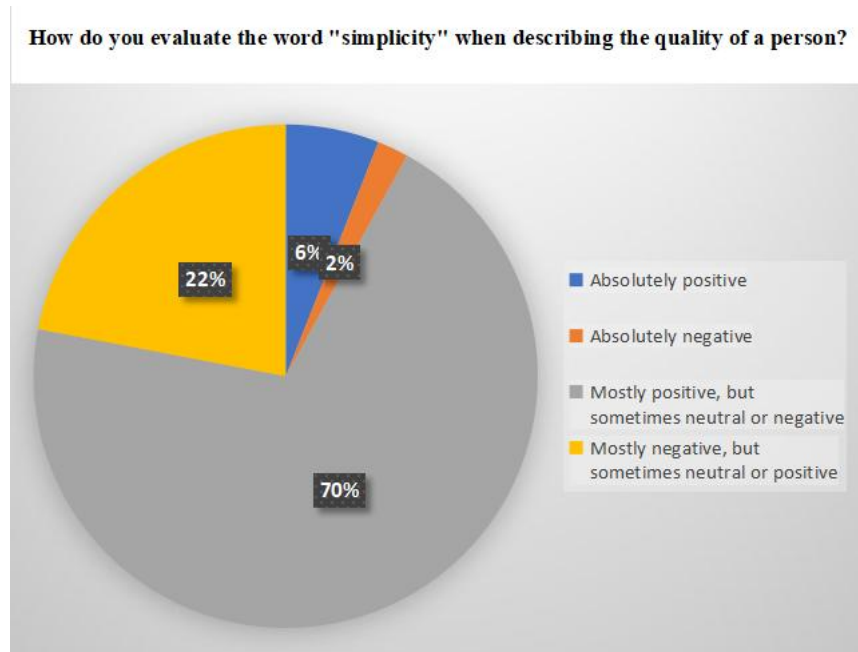
Cunning

According to the results of the survey, 64% of the respondents think that the Cunning is mostly evaluated negatively but sometimes neutrally or positively, 22% of the respondents mostly evaluate Cunning positively but sometimes neutrally or negatively, 12% evaluate this concept completely negatively and only one informant (2%) evaluates it completely positively. It should be reminded that the proportion of negative and positive evaluation of the concept Cunning in proverbs is 33.3% and 14.8%, respectively, which generally corresponds to the assessment of modern speakers of the Russian language.

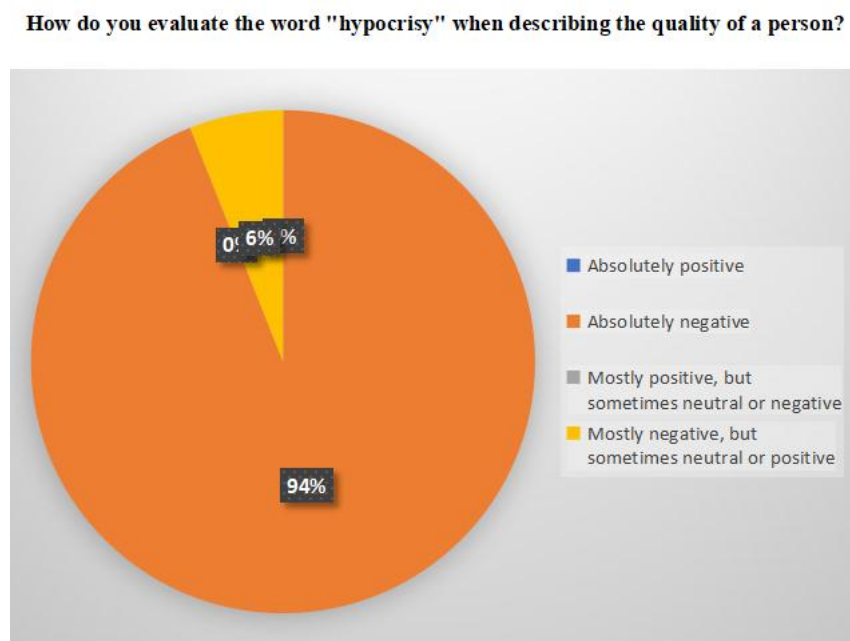
It is also interesting to note that the average age of the respondents who chose the answer "Strongly negative" (there are only 6 people) is 59 years, and the similar indicator for the groups of respondents who chose the answer "Mostly positive, but sometimes neutral or negative" (there are only 11 people) is 36 years. This fact, in our opinion, indicates an increased appreciation of the concept Cunning among the younger generation.

Simplicity

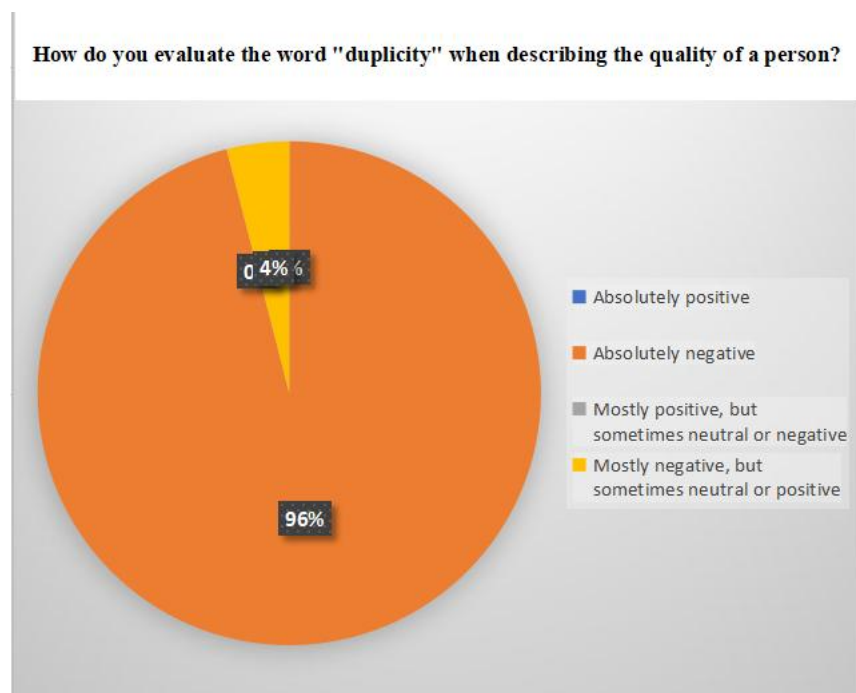
70% of the respondents believe that Simplicity is mostly evaluated positively, but sometimes neutrally or negatively, 22% of the respondents mostly evaluate PROSTOTA negatively, but sometimes neutrally or positively, 6% evaluate this concept completely positively and only one informant (2%) evaluates it completely negatively. The proportion of positive and negative evaluations of the concept Simplicity in the verbal space is respectively 47.5% and 15%, which generally corresponds to the evaluation of modern speakers of Russian.

Hypocrisy

The overwhelming majority (94%) of respondents believe that hypocrisy is assessed completely negatively. Only 6% (there are only 3) of the respondents mostly assess hypocrisy negatively, but sometimes neutrally or positively. Let us remind that the negative assessment in the structure of the proverbial concept of Hypocrisy is characteristic of 81.5% of the cognitive features, and the positive cognitive feature is not detected, which in general corresponds to modern assessments.

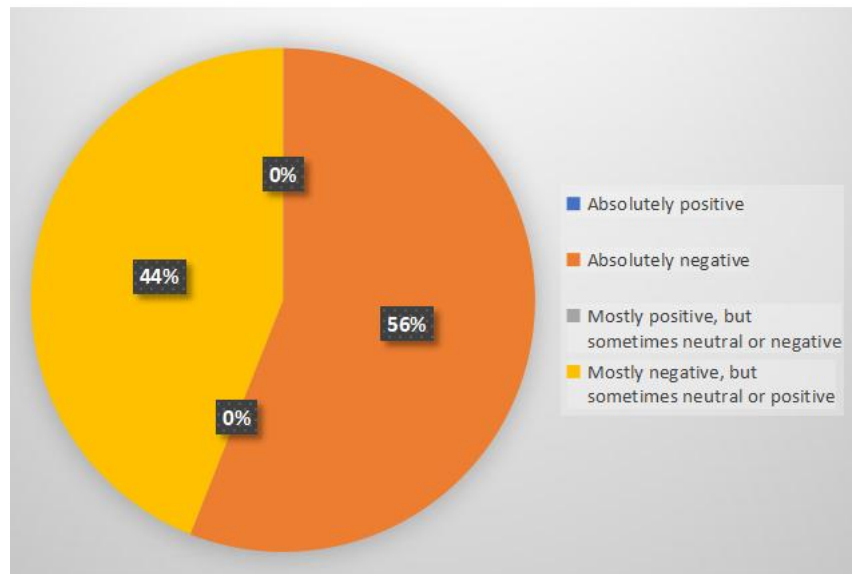
Duplicity

The overwhelming majority (96%) of respondents believe that Duplicity is assessed completely negatively. Only 4% (there are only 2) of the respondents mostly assess hypocrisy negatively, but sometimes neutrally or positively. Let us remind that all the cognitive features identified from the proverbs, describing the concept of Duplicity, in our opinion, are unambiguously negative, which in general corresponds to modern assessments.

Flattery

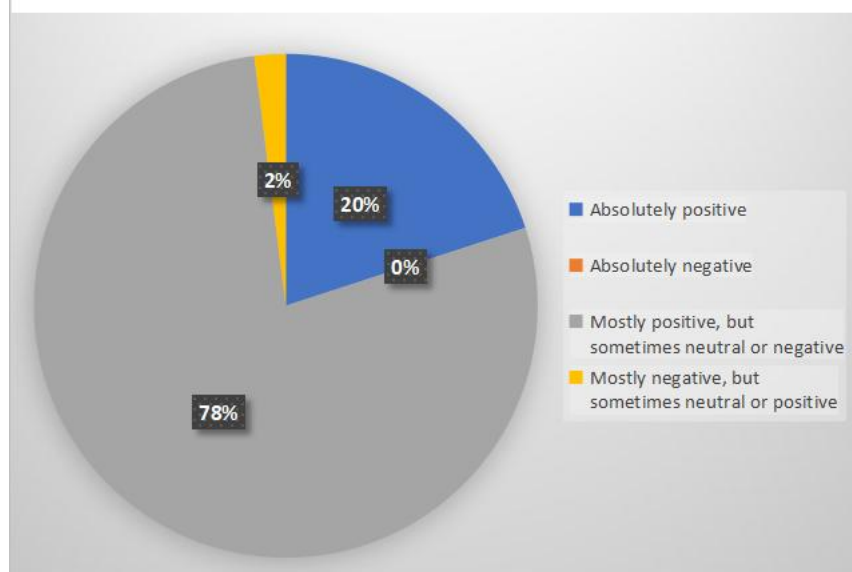
How do you evaluate the word "flattery" when describing the quality of a person?

56% of the respondents think that Flattery is assessed completely negatively, 44% of the respondents mostly assess Flattery negatively, but sometimes neutrally or positively. Let us remind that the share of negative and positive evaluations of the proverbial concept Flattery is 90.7% and 1.4%, respectively, which generally corresponds to the informants' evaluation.

Directness

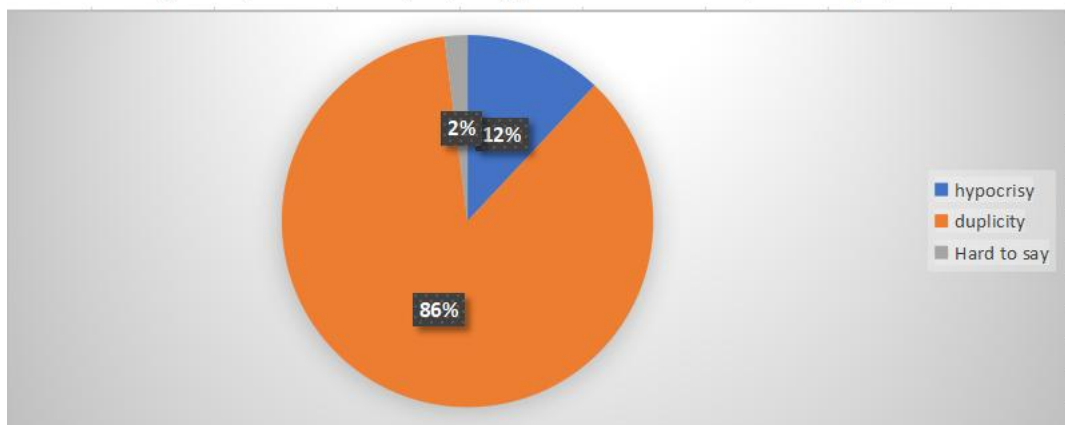
How do you evaluate the word "directness" when describing the quality of a person?

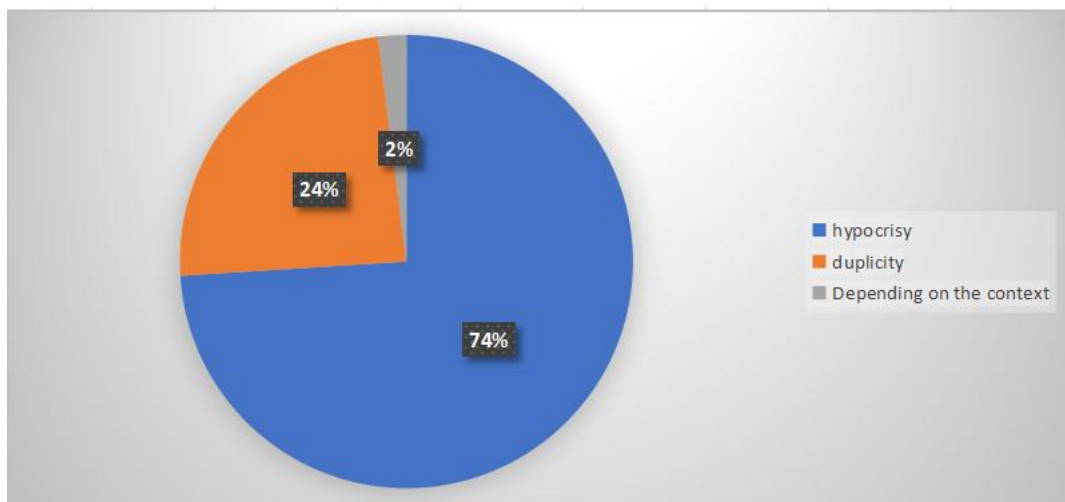
78% of the respondents think that the Directness is mostly positively evaluated, but sometimes neutrally or negatively; 20% of the respondents evaluate the Directness completely positively. Only 2% of respondents assessed Directness mostly negatively, but sometimes neutrally or positively. Let us remind that the share of negative and positive evaluation of the proverbial concept Directness is 55% and 10% respectively, which does not correspond to the assessment of contemporaries and indicates a higher evaluation of the concept Directness in the modern Russian language consciousness.

Assignments №7~№15 were aimed at differentiating hypocrisy and duplicity in proverbial space. In problems №7~№14, we offered three answers: hypocrisy, duplicity, and another answer. Below are the tasks with answers:

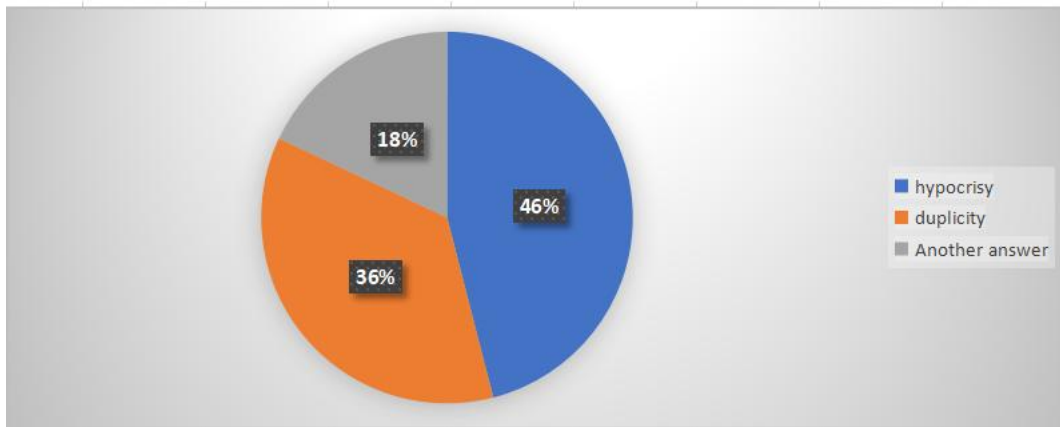
7. How do you call such a person's behavior: a person behaves in a completely opposite way when communicating in the eyes and for the eyes (see e.g. proverb *В людях ангел, а дома черт*)?

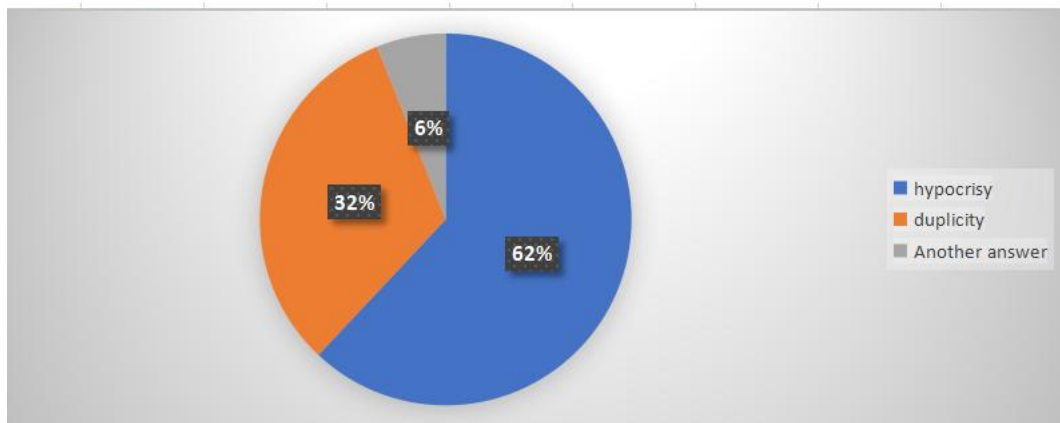
8. How do you call such a person's behavior: a person thinks one thing, but he says/does another (see e.g. the proverb *Глазами плачет, а сердцем смеется*)?

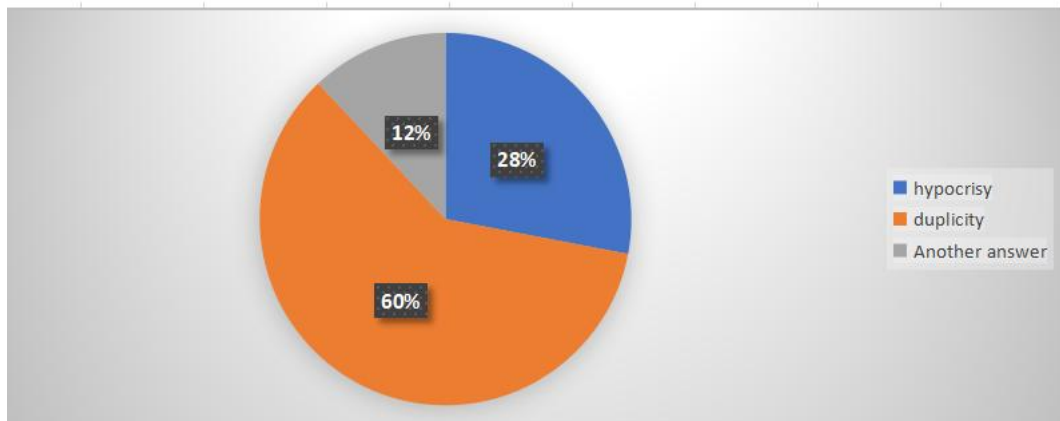
9. How do you call such a person's behavior: one says one, but does the other (see e.g. the proverb *В воду глядит, а огонь говорит*)?

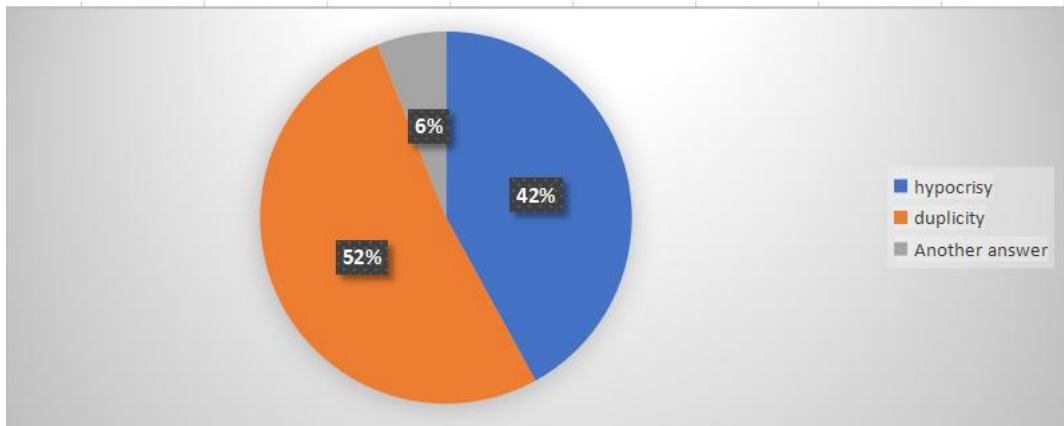
10. How do you call such a person's behavior: a person covers his selfish intention with a selfless shell (see the proverb *Кормят вола, чтоб кожа была гладка*)?

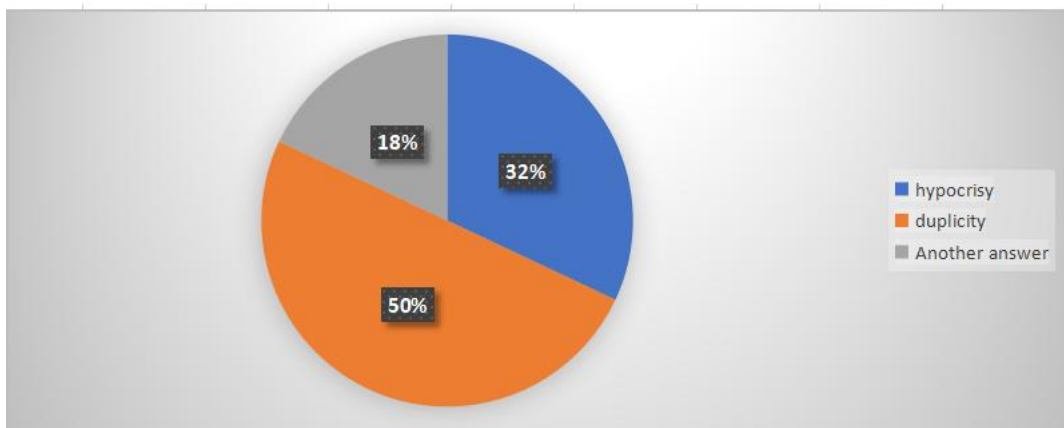
11. To which group would you attribute the proverb *У того голубочка велики (остры) зубочки*?

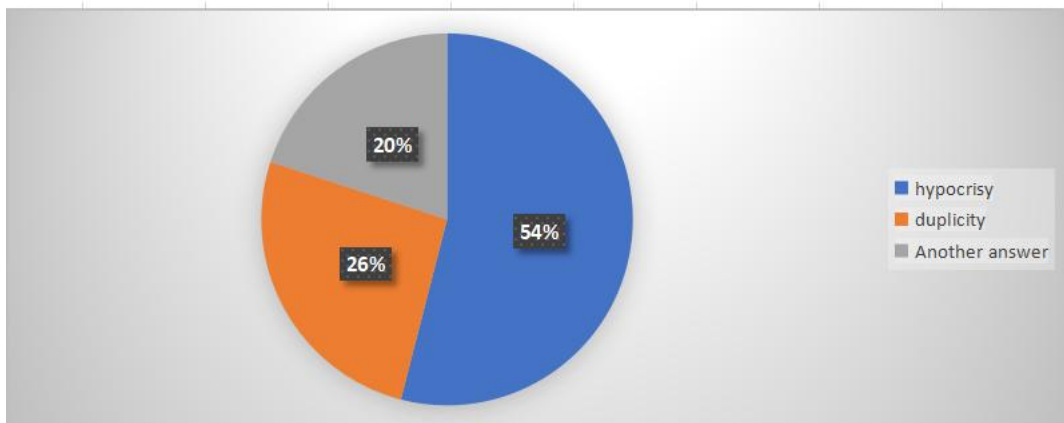
12. To which group would you take the proverb *В смирном платье, да не с такою думкой?*

13. What group would you take the proverb *Спереди бы любил, а сзади бы убил?*

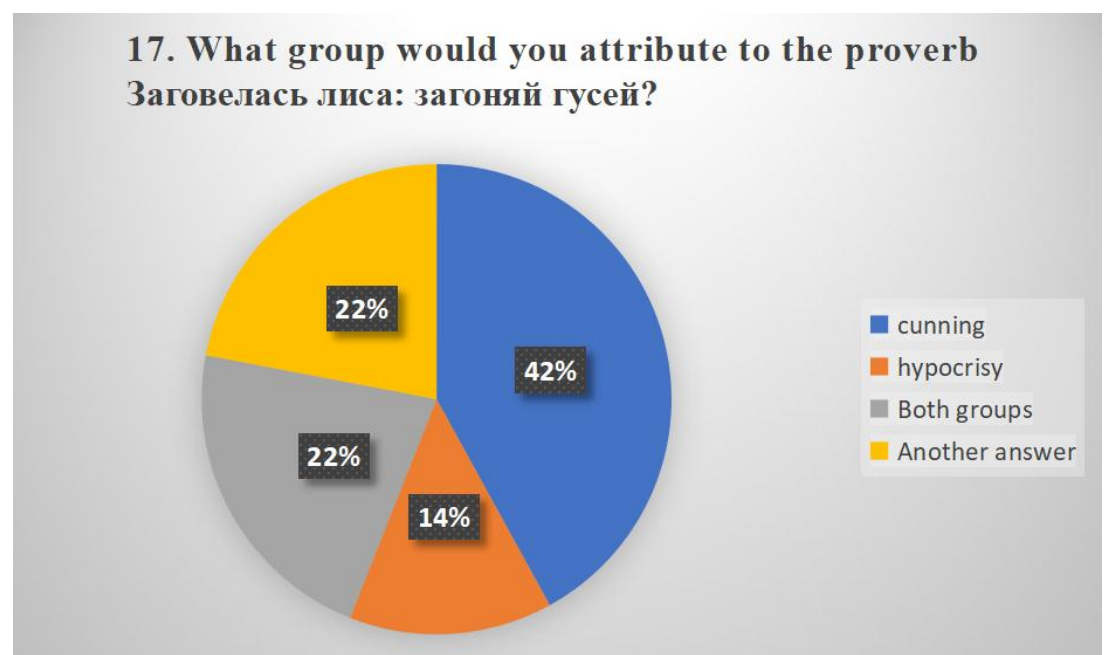
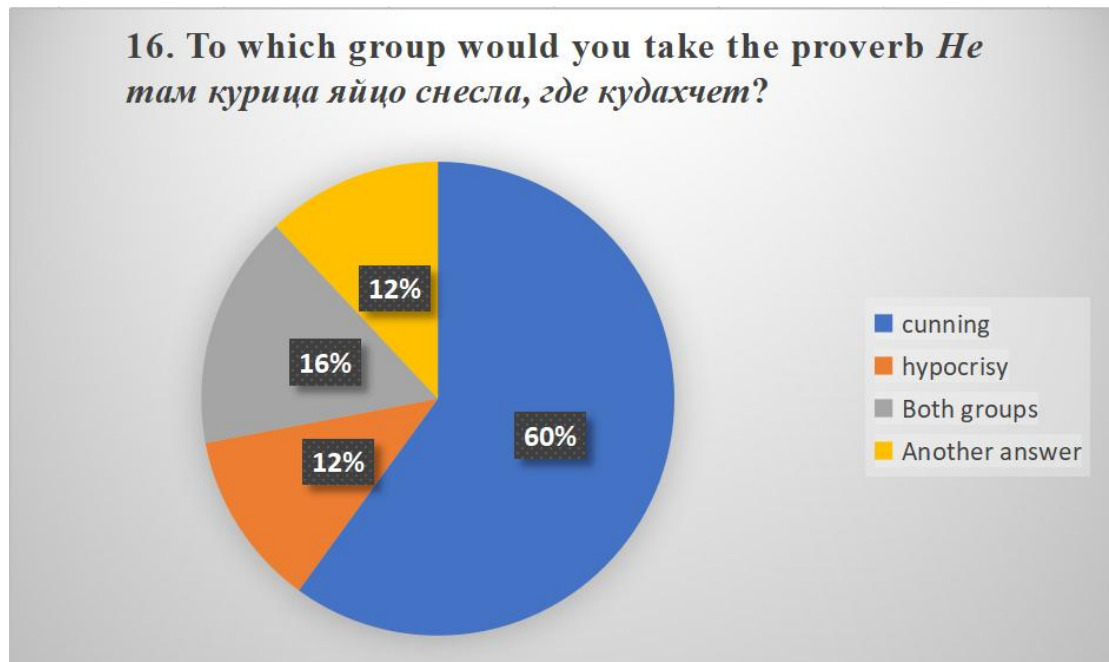
14. What group would you take the proverb *Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву?*

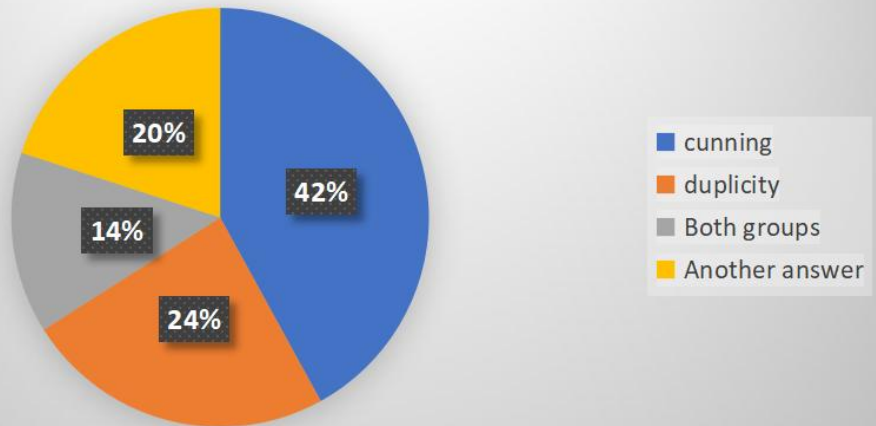
As the answers have shown, there is a lot of overlap between the proverbial concepts Hypocrisy and Duplicity. Nevertheless, there are situations when it is relatively easy to distinguish them (see, for example: tasks №7, №8, №10, №11, №13, №14). Of course, there are also cases when it is difficult to distinguish one from the other (see, e.g., tasks №9 and №12).

In question №15, we asked respondents to formulate the difference between hypocrisy and duplicity. Due to the large volume of responses, we will not cite them in full here.

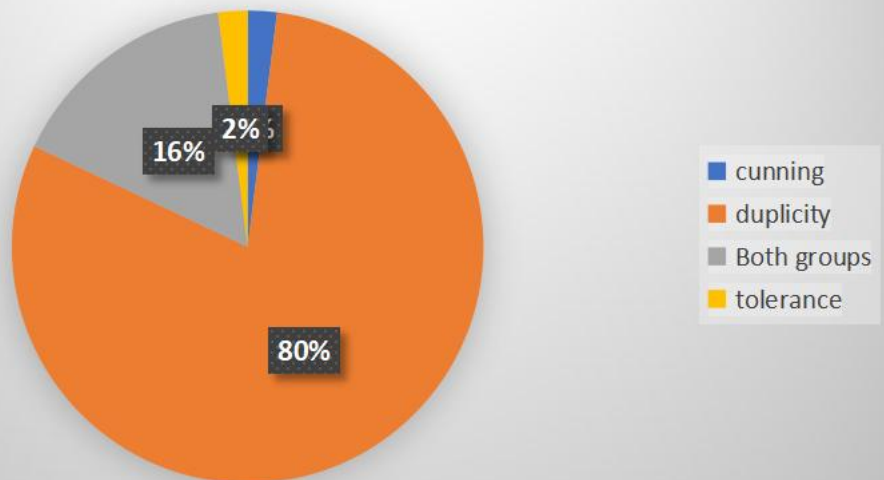
Then through tasks №16~21 we checked the phenomenon of syncretism of proverbial concepts in our material. Under each task there are 4 answer options: the concept¹, the concept², both concepts (syncretism) and another answer. Below are the answers to the tasks:

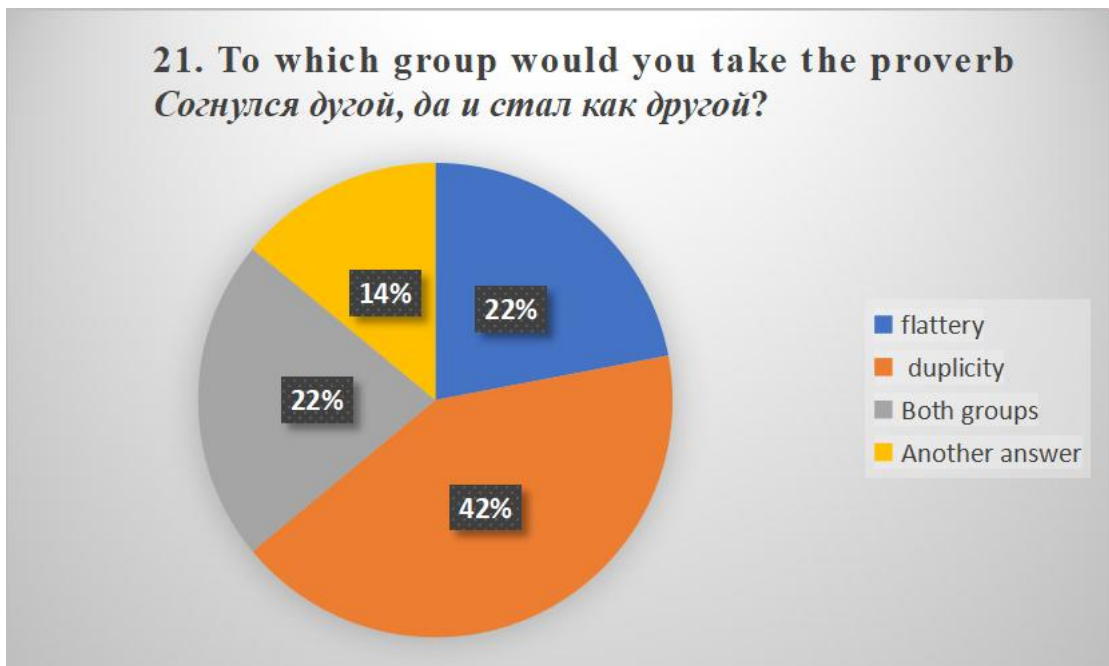
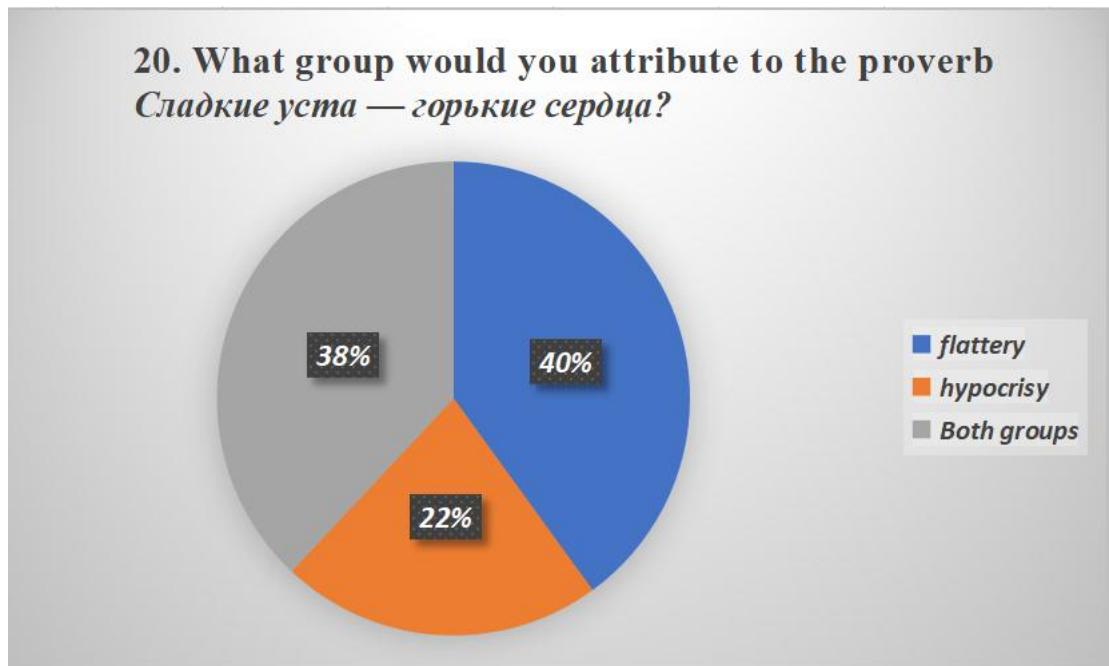

18. To which group you would take the proverb *Ставь и черту свечу: не знаешь, куда угодишь?*

19. To which group would you relate the proverb *Одному богу молится, а другому кланяется?*

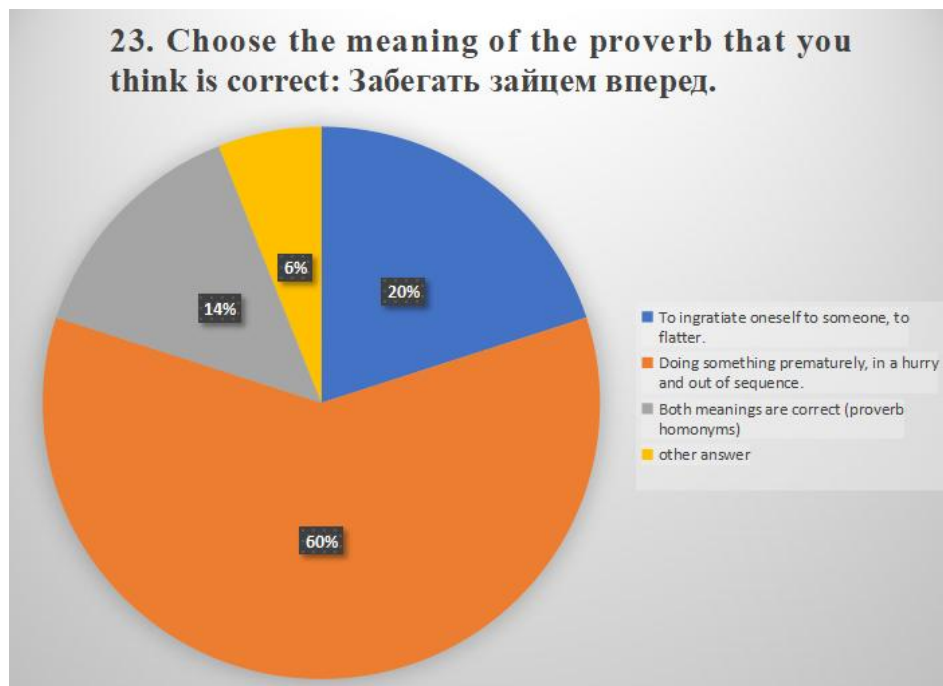
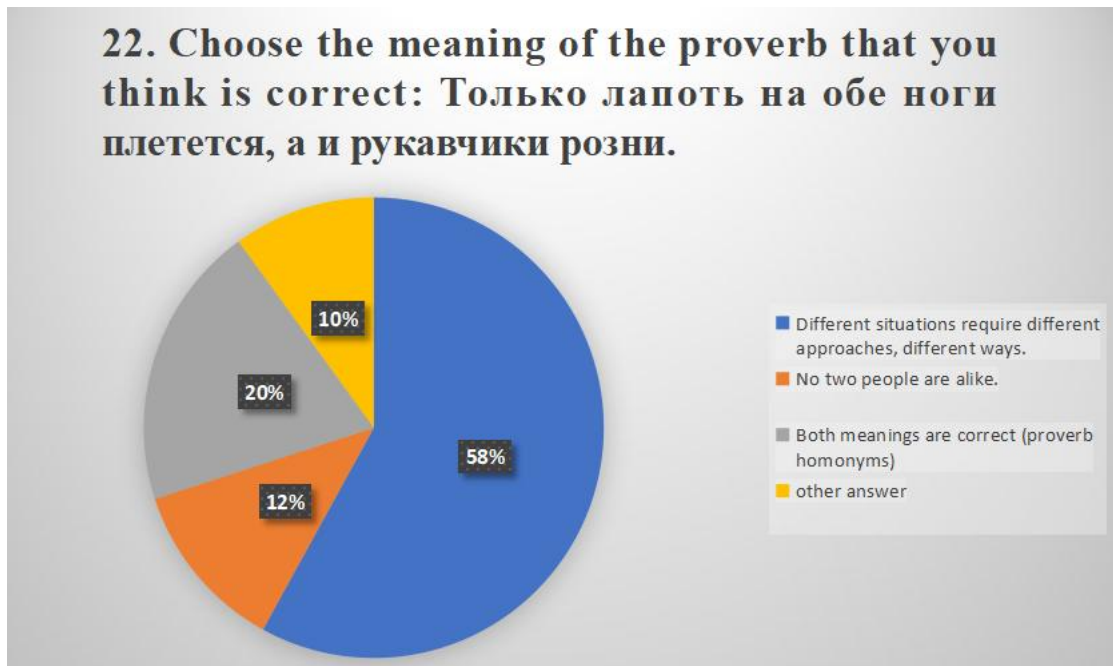

The following assumptions can be made based on the results of these assignments:

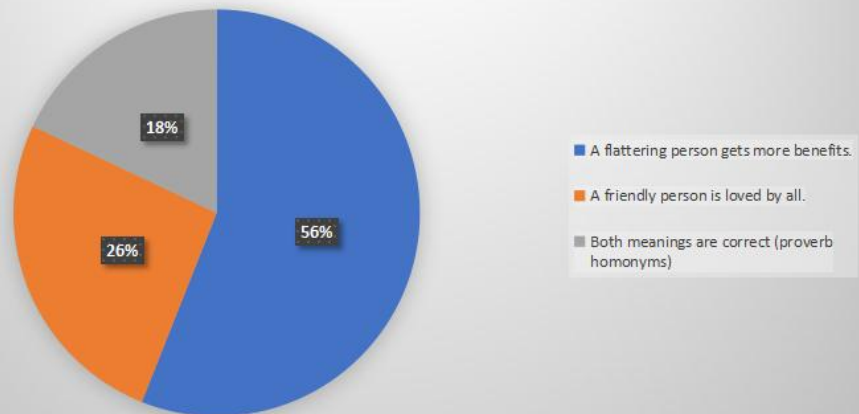
First, the high proportion of "both groups" in the answers to each question indicates the possible syncretism of the proverbial concepts in our material. Secondly, the ratio of the concept¹ and the concept² can help to determine the dominant concept in the given proverbial unit, for example, in the proverb *Одному богу молится, а другому кланяется* (task №19) the dominant concept is Duplicity, and the concept of cunning is in the background. And in such proverbs,

which are presented in task №20, "competition" between the two concepts still exists.

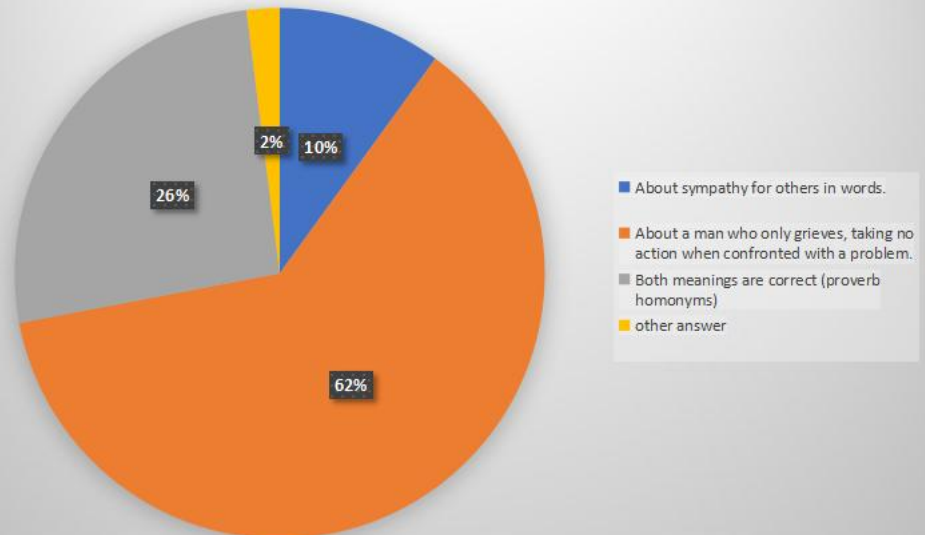
Next, we verified the presence of homonymy in the analyzed proverbs with the help of tasks №22~№26. Under each task there are 4 answer options: the first or second interpretation of the proverbs, both meanings are correct (proverbs-homonyms) and the other answer. Below are the answers to the questions:

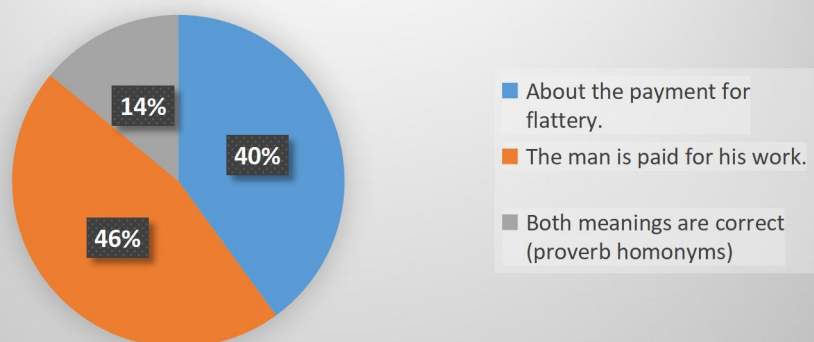
24. Choose the meaning of the proverb that you think is correct: Ласковы телятки сосут по две матки.

25. Choose the meaning of the proverb that you think is correct: Ахи да охи не дадут подмоги.

Choose the meaning of the proverb that you think is correct: Соловья кормят за песни.

In our opinion, the large proportion of "both meanings are correct" responses within each item and the ratio of the first and second meanings indicate possible homonymy in the units in question.

In tasks 27~31 we asked informants to interpret those proverbs that present certain difficulties for us in the course of the study. Here we will list only the units: *Всякий хитрец в своей старости слепец; Наш Пахом с Москвой знаком; Он и Ивашика, да не промашика; Бывает и простота хуже воровства; Простота пуще воровства.*

In the last item of the survey (tasks №32~№39) we checked the correspondence of the nuclear cognitive features of the proverbial concept to the representation in the modern language consciousness. The informants were offered the following questions:

32. Do you agree with the meaning expressed in the proverbs *В людях ангел, а дома черт* and *Где в волчьей нагольной, где в лисьей под плисом*: Two-faced man knows how to adjust, in different situations shows different sides of himself?

33. Do you agree with the meaning expressed in the proverbs *Лицемерщики Богу молятся, а чертям веруют* and *Глазами плачет, а сердцем смеется смыслом*: A hypocrite thinks one thing and says or does another?

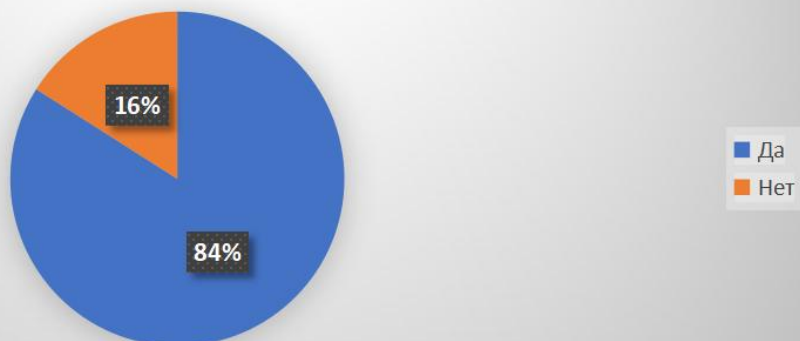
34. Do you agree with the meaning expressed in the proverbs *Тебя манят – твоих денег хотят* and *Чей хлеб ем, того и песенку пою*: A man flatters for his own selfish ends?

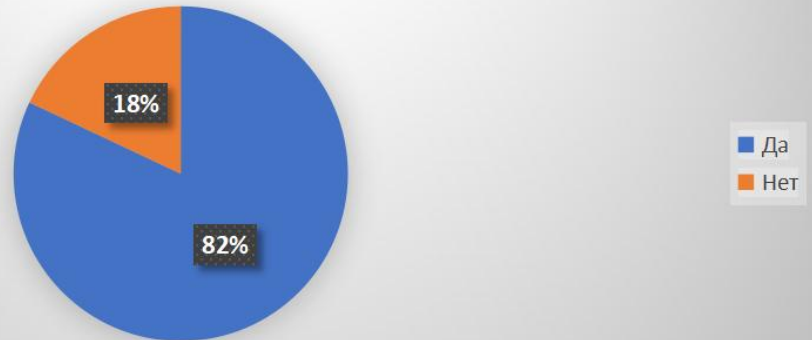
35. Do you agree with the meaning expressed in the proverbs *Кто много целует, редко не укусит* and *Кем хвалился, от того и повалился*: Flatterer can be dangerous and destructive to the one being flattered?

36. Do you agree with the meaning expressed in the proverbs *Прямой что слепой: ломит зря* and *Прямой напорется, кривой пройдёт*: Directness will not lead to a good result?

37. Do you agree with the meaning expressed in the proverbs *В простых сердцах бог поживает* and *Живи просто, выживешь лет со сто*: Simplicity is recognized as a spiritual value?

38. Do you agree with the meaning expressed in the proverbs *Когда ищешь лису впереди, то она позади* and *Он из воды сух выйдет*: The trickster is inventive?

39. Do you agree with the meaning expressed in the proverbs *У хитрого начала скандальный конец* and *Как ни хитри, всех ниток не спрячешь*: Cunning does not always lead to the desired result?

Based on the results obtained, we can conclude that the nuclear cognitive features of the proverbial concepts of interest to us generally correspond to the representations in the modern language consciousness.

2.4 Frame Analysis of Proverbs of the Conceptual Field "DIRECTNESS / SLYNESS" in Discourse

Any linguistic expression is produced and understood in relation to some supposed discourse context [Langacker, 2001: 164], including proverbs. According to O.B. Abakumova, the meaning of proverbs is concretized exactly in the context of use. With the functioning of proverbs in discourse the increase of meaning depending on the context is connected. Researchers are also interested in the possible occasional modification of proverbs in the act of speech, their specific evaluation and referentiality [Abakumova, 2013: 3]. In our opinion, the analysis of proverbs in the discourse seems especially necessary when interpreting them in the foreign audience due to the fact that the use of proverbs often presents a certain difficulty for foreign students.

Following M. Minsky, we understand the frame as a way of structuring knowledge about the stereotypical situation [Minsky, 1979: 7]. In recent years, the frame approach has found its application in teaching foreign language [see, for example, Yelina, 2021; Lukyanenko, 2015; Razumkova, 2018]. The frame approach to the study of proverbs is applied in works devoted to the consideration of a certain frame in a number of proverbs (Go, Abdullaeva, 2020; Go, 2021; Zinovieva, Aleshin 2022; Semenenko, 2010), and the description of frames in the particular proverbial unit in contexts or without (Abakumova, 2011; 2011, 2014; Ivanova, 2016).

In this section we resort to the frame analysis of Russian proverbs in discourse, because, considering the proverb as the standardized generalization for typical life situations, we believe that the frame is the most appropriate and illustrative way to represent the structured knowledge that forms the proposition of proverbs.

As the example for the analysis we chose the proverbs "*В тихом омуте черти водятся*" and "*Мягко стелет, да жестко спат*", which, respectively, have more than 60 and 30 contexts of use in the НКРЯ, which, on the one hand,

indicates a relatively high relevance and usability of the studied unit; and on the other, gives us the opportunity to fully describe the proverbial frame in different types of discourse.

В тихом омуте черти водятся

The invariant of the frame of the proverb in question consists of several slots: the first slot is the person using the proverb; the second slot is the object described by the proverb, which may be people, animals, objects or other abstract things. The third slot denotes the external (surface) level of the object: in the proverb of interest, it is a "whirlpool", which gives the impression of the calm, safe place, but in fact always turns out to be dangerous. It is the whirlpool, getting into which the person greatly risks his life, may die. The fourth slot is the deep level or undisclosed side of the object: the "devils" that lurk behind the outwardly calm water surface. Devils personify something hidden from sight, which can suddenly make itself known, manifest itself. What is important here is the moment of surprise, which is due to the contrast between the two levels. And the fifth slot is the condition for revealing the deeper level of the object (i.e., the fourth slot). It should be noted that the fifth slot is optional, unlike the first four.

We will consider the variants of this frame.

Variant 1: About the Two-Faced Man

A quiet person who looks kind and harmless may have an evil nature, for example:

18) *Вообще, когда было нужно, она умела прикинуться совершенно овечкой, готовой уступать во всем каждому, не задевающей ничего самолюбия, заботящейся только о том, чтобы ее любили. И ухабинская молодежь действительно называла ее ангелом. В сущности же она олицетворяла собою русскую пословицу «В тихом омуте черти водятся» (А.Н. Плещеев. Пашинцев (1859)) [НКРЯ].*

In this case, the proverb describes the two-faced man who pretended to be a perfect angel in public. His real identity (i.e., the fourth slot of the frame) is known

only by the omniscient narrator, the author. In this version of the frame, the fifth slot is missing.

Variant 2. About the person whose actions do not meet the expectations of others

A person who had previously been considered incapable of doing anything that violated accepted social norms may suddenly begin to behave differently.

19) *В тихом омуте черти водятся* – это про маленький городок Эмпайр Фоллз и его обитателей, где все близки и друг друга знают, как в деревне, но полны буржуазных амбиций, как в мегаполисе (Наталья Кочеткова. Неравный брак // lenta.ru, 2019.03) [НКРЯ].

20) *Когда мы были во втором классе, Митяй – он тогда бы в восьмом – залез в эту каморку и стырил две коробки патронов, а потом продал по десять копеек пацанам из первого и второго класса. Я не купил – у меня копеек с собой тогда не было, а остальные почти все купили, даже Егоров. Ему потом больше всех ввалили – типа, отличник, а такое натворил: «в тихом болоте все черти водятся»* (Владимир Козлов. Гопники (2002)) [НКРЯ]. The third slot (outer level) allows replacing the "marsh" component with "swamp". The swamp is as deceptive and dangerous as the marsh. The pronoun "all" contributes to the intensification of the proverbial expression.

21) *Что подвигло их на такое дерзкое преступление, пока знают только следователи. Мачеха Данила узнала о новости от журналиста «КП» – Тихий такой, спокойный, проронила ошарашенная женщина. – Получается, в тихом омуте черти водятся. Боже мой, отец его убьет!* (Юлия Бондарева, Алена Шаповалова. ЧП в Новокуйбышевске: ученик колледжа ограбил класс во время урока // Комсомольская правда, 2011.02) [НКРЯ].

It should be noted that the degree of negative evaluation of the expression under study varies depending on the degree of violation of socially accepted norms, which can be graphically represented as follows: Example №4: robbery (crime) > Example №3: buying bullets (offense) > Example №2: bourgeois ambition (violation of village traditions).

In spite of the negative assessment by the addressee of the proverb, there is a disagreement of opinion between the addressee and the narrator, for example:

22) *Особенно плохо приходилось тому мальчику, который постоянно вел себя хорошо; стоило ему попасться в какой-нибудь обыкновенной детской шалости, и Елизавета Николаевна, кроме наказания, донимала такими замечаниями: «Небось тихоня, а сам исподтишка, лукавый мальчишка, в тихом омуте черти водятся» и т. п.* (В.Г. фон Бооль. Из воспоминаний педагога (1880-1899)) [НКРЯ].

In Example №5, the narrator does not share Elizaveta Nikolaevna's assessment, believing that the boy's actions are just an ordinary childish prank, which can be understood and forgiven.

Interestingly, the similar variant of the frame is also used to describe animals whose actions do not correspond to their outwardly humble appearance.

23) *Хотя селятся черноголовые довольно плотной колонией, они редко скандалят с соседями. Еще реже дерутся. Лишь вялый выпад-кивок в сторону чужака да стонущий, с жалобинкой, крик «э-эва» подтверждают суверенитет семейной пары. Смирные, казалось бы, эти птицы, да в «тихом омуте черти водятся»... Коллеги рассказывали: стоит потревожить колонию во время насиживания кладки – чайки нередко разбивают свои яйца. С точки зрения биологии подобной реакции трудно объяснить* (И. Никольский. Крик чайки // «Вокруг света», 1984) [НКРЯ].

In contrast to the above examples, a person who is usually passive may suddenly begin to show some traits of character, behavior, or ability that were not previously peculiar to him, and he becomes active and unpredictable. And accordingly, there is no negative evaluation of the speaker in this situation. For example:

24) *Главный тренер Владимир Барнашов уже второй сезон словно задался целью проиллюстрировать выражение «в тихом омуте черти водятся». Начиналось все действительно с тихого омута – Барнашов выполнял чисто административные функции и в тренировочный процесс*

почти не вмешивался. Однако чем больше становилось в команде разнообразных менеджеров, тем теснее чувствовал себя олимпийский чемпион Барнашов в отведенной клетке. Дверца открывалась в одном направлении – и Владимир Михайлович незаметно превратился из менеджера и спикера в полноценного тренера (Марьянчик Н. Завладей биатлонным пьедесталом. «Советский спорт» написал для российского биатлона антикризисную программу // Советский спорт, 2011.03). [НКРЯ].

25) – *Раздавалось по всем комнатам и переходам лицейским: – Дельвиг печатается в «Вестник Европы»! Каков тихоня! Недаром говорится, что в тихом омуте черти водятся (В.П. Авенариус. Юношеские годы Пушкина (1888)) [НКРЯ].*

26) *Ведь недаром тихая, скромная Катерина пытается вырваться из него, но, понимая, что не будет свободна никогда, выбирает смерть как избавление. Говорят: “В тихом омуте черти водятся” (Крон Сергей. Иду на «грозу» // Труд-7, 2004.04) [НКРЯ].*

In examples №8 and №9, the speaker uses the proverb, admiring Delvig's sudden ability and Katerina's courage to resist.

In the second version, the proverb, which is generalizing in the contexts, is used by the speaker or the narrator after the object described by the proverb performs some action, which exceeds the expectations of the surrounding people. We believe that in this case the fifth slot coincides with the fourth.

Variant 3. Tension builds up behind the outwardly calm situation or potential danger lurks

Behind the apparently stable situation in the country there may be problems and contradictions that can disturb the peace of society:

27) *В России все спокойно, свидетельствуют опросы общественного мнения. А на политической сцена вообще царит смертельная скука. Но, как гласит народная мудрость, в тихом омуте черти водятся. Многие наши социологи и политологи говорят о нарастающих внутриэлитных противоречиях, предсказывая, что рано или поздно подземный пожар*

вырвется наружу и положит конец эпохе стабильности (Андрей Камакин. Царьизбирком: предстоящие президентские выборы в России могут стать последними // Московский комсомолец, 2018.02) [НКРЯ].

28) *Россияне долго мечтали о предсказуемом и надежном будущем – и вот пришел долгожданный “стабилизец”. Народ ощутил уверенность в завтрашнем дне, почувствовал, что от него ничего не зависит – и активность населения предсказуемо сменилась сытым умиротворением. Но как известно, в тихом омуте могут завестись любые черти* (Лесков Дмитрий. Страна оптимистов // Труд-7, 2007.12) [НКРЯ].

Example №11 is a transformation of the proverb "*В тихом омуте могут завестись любые черти*" which serves the hypothetical function here instead of stating a fact.

Behind the cold-blooded exterior state of a person may hide emotions and feelings, the accumulation of which may lead to negative consequences:

29) *Огурец и арбуз. В вашей душе постоянное смятение. Внешнее спокойствие и сдержанность таят в себе внутреннее напряжение. Про таких мужчин говорят: в тихом омуте черти водятся. С огуречно-арбузным человеком живешь как на вулкане – никогда не знаешь, что будет завтра и какую идею он сейчас вынашивает. Огуречно-арбузные женщины не устраивают скандалов по пустякам – они копят обиды и в один прекрасный день способны перебить всю посуду в доме, нередко о голову бедного супруга. Огуречно-арбузные люди – самый творческий психотип* (Каждому овощу – свой фрукт (тест) // Аргументы и факты, 2001.11) [НКРЯ].

30) *Его замкнутость и медлительность часто не позволяет ему выплеснуть эмоции вовсе, поэтому он способен к накоплению большого эмоционального потенциала, который может неожиданно выплеснуть вовне в виде неконтролируемой агрессии и привести к негативным последствиям. «Выходя из себя» меланхолик теряет контроль над действиями и часто не помнит после боя своих действий. Хотя вывести его из равновесия, как правило, трудно, он скорее стерпит и «уйдет в тень».*

*Тут как говорится в народной поговорке: «**В тихом омуте черти водятся**» (Тактика и психология (2003) // «Боевое искусство планеты», 08.12.2003) [НКРЯ].*

31) *Перед камерой я должен сохранять хладнокровие, но это вовсе не значит, что я такой всегда, не правда ли? Может, как раз в эту минуту меня что-то мучает или терзает. Но какое до этого дело телезрителю или тем более руководству? – **В тихом омуте**, как известно, **черти водятся** (Славуцкий Александр. Лев Новоженев: Телевидение – это своеобразное родео // Труд-7, 2002.02) [НКРЯ].*

32) *Но это не значит, что я такой спокойно-пассивный, без внутреннего движения, – наоборот! Как говорится: “**В тихом омуте черти-то и водятся!**” Я – человек очень эмоциональный, просто знаю, что эмоции, внутренняя энергетика очень дорого стоят. Как говорила Раневская: “Это же не помои, чтобы их все время выплескивать!” Когда это оправданно, можно и “рвануть”, но пока хватает и того, что есть (Александр Пороховщиков: «Граница проходит за моим порогом» // Аргументы и факты, 2000.11) [НКРЯ].*

We can see that in examples №12 and №13, the person hides his emotions for immanent and instinctive reasons, due to his inherent temperament and psychological type. Gradually, however, such a person's inward accumulation of emotions can lead to uncontrollable outbursts. And in examples №14 and №15, the person consciously controls his emotions in order to remain cool in front of the camera, or simply not to deplete his inner energy.

Similarly to the first variant of the frame, in examples №10 - 13 the internal state of a society or a person knows only the persons who use the proverb, the role of which can be played by correspondents, sociologists, political scientists (in examples №10 and №11) and psychologists (in examples № 12 and №13). The fourth slot of the frame will reveal itself to all only under the condition of a qualitative change in the situation (the end of an era of stability or an exit of emotion from control), caused by quantitative accumulation. The coincidence of

the first and second slots in examples №14 and №15 is also interesting. In such cases, the individual himself reveals his deepest side to the others.

Variant 4. About the surface (primitive) and inner (deep) levels of abstract things

33) *Иногда многомерность мысли доходит до двусмысленности. Например, об Ахматовой. Очень красиво, но при втором, при третьем чтении из прудов, из изящного зеркала вод выплывает совсем не похвальное: в тихом омуте черти водятся... Или как будто язвит Бабеля – но потом выплывает восхищение писательской страстностью... (Г. Померанц. Страстная односторонность и бесстрастие духа. Статья втора я // «Страна и мир», 1984) [НКРЯ].*

From the first reading of the work of fiction, one gets the superficial impression; and when reading it again, one perceives from it deeper thoughts.

34) *Контрольной по геометрии не было, будет во вторник. По-английскому 5 три 5 в тетради. Был Grammar Quiz – не очень сложно, но кто его знает! В тихом омуте черти водятся. 3 декабря – полугодовой зачет по флейте. Я буду играть (М.Н. Коган. Дневник (1991)) [НКРЯ].*

An ordinary grammar quiz can contain very difficult assignments. In this case, the condition for revealing the fourth slot is the deeper familiarity with the object.

Let us analyze another example - "Мягко стелет, да жестко спать".

Мягко стелет, да жестко спать

Literally, the proposition of this proverb is realized from the point of view of the person¹, for whom the bed is softly made by the person². But when the person¹ sleeps, he or she feels the stiffness of the bed. On this basis, the invariant of the proverb frame, in our opinion, consists of the following slots: the first slot is the subject making soft and hard impressions, which may be a person, animals, objects or other abstract things; the second slot is the object that receives the

corresponding sensations. The third slot denotes the surface soft level of the subject. And the fourth slot is the substantive hard level of the subject.

We will consider the variants of this frame.

Variant 1. About the Character of the Person

An outwardly seemingly soft and gentle person can be tough and demanding in nature, for example:

7) *Вроде автор на самом деле жесткий человек, только кажется мягким, никому нечего не прощает, никем не восхищается. Так сказать, **мягко стелет – жестко спит** [А.Б. Гребнев. Дневник (1999)].*

8) *Я не оспариваю способностей Владимира Алексеевича. Но он слишком властолюбив и **хотя мягко стелет, но жестко спит**... Нахимов гораздо прямодушнее его, хотя не столь любезен с подчиненными... А Владимир Алексеевич никогда тебя по имени не назовет, делая замечание, говорит как будто о другом, а в результате выходит: **полезай за борт, никуда не годишься!** Говорят, – прибавил он, – Нахимов теперь очень не доволен Корниловым: Владимир Алексеевич распоряжается его мичманами как своими [М.М. Филиппов. Осажденный Севастополь (1889)].*

It also happens that a person purposely behaves softly and hides his harsh nature:

9) *А.Л. Лосев был среднего роста, худой, с бледным лицом, с большим развитым лбом, со стальными серыми глазами, и в то время, когда он был кем-нибудь недоволен, на его глаза смотреть было неприятно, хотя, зная это, он потуплял их. Говорил тихим и как бы спокойным голосом, но чувствовалось, что внутри его клокочут страсти; принадлежал он к типу людей, про которых говорят: **«Мягко стелет, да спит-то жестко!»** [Николай Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое (1930-1935)]*

The proverb positively assesses the person who outwardly is gentle and charming, can accommodate people, in the case of fair demanding, if necessary, tough, not making concessions to achieve the goal in the work:

10) – *Руслан, поздравляю тебя с днем рождения! Ты относишься к той категории людей, в которых деликатно сочетаются уникальные качества. Ты одновременно очень интеллигентный и приятный собеседник, но тогда, когда дело касается бизнеса, становишься тонким, остроумным и достаточно жестким переговорщиком. О таких, как ты, говорят: **мягко стелет, да жестко спат**. С днем рождения, твой Виктор Шкулев [Дни рождения // Коммерсант, 2010.12].*

Sometimes the charm of the person is not in the external softness, but in his toughness, demanding and thus the great ability to work:

11) *Он был человек эмоциональный, где-то до сентиментальности. Шел на сопереживание, чувствовал чужую боль, никогда не был груб, не повышал голос. Но при всем при этом он был очень жестким политиком и твердым человеком. Из тех, кто **мягко стелет, да жестко спат**. Он был обаятелен, но это шло не от мягкости. Обаяние, говорил он, в политике великая вещь. Так он располагал людей, ублаживал их [Налбандян Лиана. Леонид Ильич в маске доброго дедушки // Труд-7, 2006.12].*

In the above examples, the second slot is most likely not a specific person or a specific group of people, but all the people who have dealt with the subject. The speaker is only one representative of these people.

This variant of the frame is also used to describe animals that combine the soft appearance and predatory habits:

12) *И в Соловках, и в Пушкине, и на Урале я наблюдал с интересом жизнь соболей, и самое первое, на что я обратил свое внимание, была их внутренняя, страстно-хищная кровожадность и внешняя пушистость, гибкость и грация. Этот зверек вполне отвечает пословице: «**Мягко стелет – жестко спат**». [М.М. Пришвин. Звери-кормилицы (1939)]*

Variant 2. A person says one thing but does another, or the reality is different (i.e., he is lying):

A person makes promises in order to achieve his own selfish goals, but he has no intention of fulfilling them:

7) – Про Элопа есть хорошая поговорка: **мягко стелет, да жестко спать**. Он говорил то, что его собеседники хотели услышать – но собирался ли он выполнять свои обещания? Он говорил, что производство в Финляндии сохранится – оно было закрыто. Он вроде бы намеревался развивать мобильную платформу *Meltemi*, которая угрожала *Windows Phone*, но передумал... [«Элоп не жалеет себя. Никогда. Он – машина» // Ведомости, 2013.09].

8) Лопухин (юстиция) против объявления Петербурга на военном положении. Около Петербурга забастовало до 100 тыс. рабочих. Витте написал письмо к рабочим – приглашает их снова заняться работой, обещает им улучшить их положение. Ответ рабочих: «**Мягко стелет, жестко спать**». [А. И. Богданович. Дневник (1905)]

The man speaks beautifully, but does things differently:

11) С помещиком мировой посредник хорош, в карты играет, за дочками ухаживает; возиться с мужиками некогда, а так себе поговорит с крестьянами. «Уж красно они говорят, да дела не делают в нашу пользу», – говорят крестьяне. И действительно, говорит посредник долго, по-крестьянски старается заговорить; крестьянин слушает, чешет себе бока да затылок, улыбнется широко, когда посредник скажет теперича... «А прокурат этот посредственник: **мягко стелет, да жестко спать**; хоть бы удовлетворил, чем язык чесать: коли начальство, так не дури; коли ты помогать нашему горю приставлен – не представляйся, а добро нам делай». А посредник рассуждает о крестьянах так: «Плут этот народ! А как глуп, – черт знает что! Бъешься-бъешься с ним, и так, и эдак, – ничего не понимает»... [Ф. М. Решетников. Между людьми (1864)]

A person says one thing, but the reality may be different:

10) – А скоро ли будут? – К самому концу, – ответил Дмитрий Петрович. Хотел было Доронин подробнее про тюленя расспросить, но вспомнил слова Смолокурова. «Кто его знает, этого Веденева, – подумал он, – **мягко стелет, а пожалуй, жестко будет спать**, в самом деле наврет,

пожалуй, коробка с три. Лучшие покамест помолчать». И свел разговор на иное. – Не забывайте нас, Дмитрий Петрович, – сказала на прощанье Татьяна Андревна, – жалуйте почаще к нам. [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875-1881)]

The speaker does not believe Vedeneyev, who may say one thing, but in practice turns out to be quite different. Therefore, Doronin did not ask what he wanted to know. Here we observe a transformation of the proverb "мягко стелет, а пожалуй, жестко будет спать" serving the hypothetical function instead of the statement of fact.

Variant 3. A person in a gentle way commits actions that could lead to bad consequences or harm others:

The man lulls the vigilance of others with ingratiating manners and profits for himself to the detriment of others:

12) Актеру в этой роли удалось показать хитрого, но не злобного, мошенника, с вкрадчивыми манерами, плавными движениями, который «мягко стелет, да жестко спать». Он всегда себе на уме. Окружив себя малолетними ворюшками, он и живет за их счет. [И.Л. Шолохова. Дневник (2010)]

It is not the manner in which the action is performed (rude or polite) that is important, but the action itself and its attendant consequences:

12) У меня в камере этот добрый христианин обратил внимание на отсутствие иконы и спросил смотрителя, почему ее нет. – Заключенные снимают их, – объяснил тот. Не желая входить в пререкания, я промолчала: икону сняли жандармы и, должно быть, унесли к себе на дом, видя, что мы не молимся перед ними. Приезжали – мягко стелет, жестко спать – вежливый, ускользающий, изящный Зволянский и типично барственный бюрократ, снисходительно величественный министр внутренних дел Н.И. Дурново. Все они спрашивали, нет ли заявлений, а когда их делали, толку выходило мало, но на нервы и грубые, и вежливые действовали одинаково: каждое посещение выбивало из колеи, нервы приходили в

возбуждение, болела голова, тяжелее чувствовались условия тюремной жизни. [В.Н. Фигнер. Запечатленный труд. Том 2. Когда часы жизни остановились (1922)]

13) – *Вот до чего мы дожили, Матвей Егорыч! – закричала она, кидая письмо, свернутое в комок, на стол, стоявший у кушетки. – Прочтите это письмо. Он мягко стелет, да жестко спать... И это наши дети, дети! – продолжала она громче и громче, смотря на дочь, – дети, на которых мы издерживали последние свои крохи, о которых думали день и ночь... Поди прочь с глаз моих, поди! [И.И. Панаев. Прекрасный человек (1840)]*

We know from the context of Fragment 13 that the mother wrote a letter to her son and asked him to lend her a sum of money; in the reply letter the son rejected her request in a very gentle and delicate manner, which greatly annoyed and upset the mother.

14) *(Политической свободой в Европе обладает каждый совершеннолетний гражданин: у него есть право голоса и право быть избранным в государственные органы. Значит, речь идет, в сущности, о квотах для мусульман.) И наиболее интересный пункт: «создание института ислама в Европе» и «развитие исламских школ, способных воспитать новых европейских мусульман». В сущности, всю программу можно свести к русской поговорке: «мягко стелет да жестко спать». – Что вы имеете в виду, говоря о создании институтов ислама в Европе? – Спросила я доктора Церича. – Что-то вроде главного муфтия Европы, который сидит в Брюсселе в официальной резиденции? [Дарья Асламова, Фото автора и АП. Почему Европа становится исламской. Окончание // Комсомольская правда, 2006.08]*

In example №14, the position of Muslims in Europe has been greatly strengthened through the seemingly mild and democratic way - the implementation of a number of programs that are somewhat of a threat to non-Muslim Europeans.

Variant 4. About the mismatch between expectations and reality

People hoped that some event that happened might bring a positive result, but the expectations were not met; things are going to get worse:

15) *У нас в народе есть очень хорошее выражение: мягко стелет, но жестко спать кладет. Вот это, мне кажется, вполне наш стиль. – Крым – это одно из ключевых событий 20-летия, по некоторым меркам вообще ключевое. Но вот приобрели Крым и потеряли практически Украину [Конституция, преемник и стиль работы. Эксклюзивное интервью Владимира Путина // Vesti.ru, 2020.06]*

Variant 5. About the thing that looks simple and safe, but is actually difficult and dangerous.

16) *Как ни странно – сложнее в техническом отношении именно спуск по линейным опорам. Конечно, на спуске, если и потеешь, то только от страха, а вот при подъеме от вас, порой, такой пар валит, что колодец застилает. И тем не менее, абсолютное большинство аварий в этой области приходится именно на спуск. Спуск, как говорится, мягко стелет, да жестко спать. [Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978-1996)]*

It should be noted that in order to save time in the classroom the teacher can conduct the frame analysis of the entire proverbial synonymic series. The prospect of such research is seen in the development of the model dictionary entry for the educational frame dictionary of proverbs addressed to foreign students.

2.5. Model of the Field Organization of the Proverbial Conceptual Field "DIRECTNESS / SLYNESS" in the Russian Language

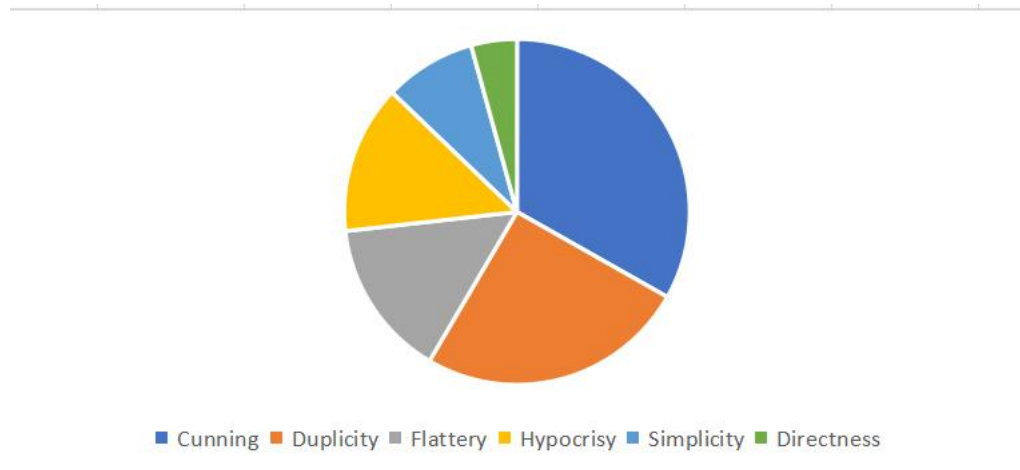
According to the results of the study, it seems possible to propose the model of the field organization of the proverbial conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS" in the Russian language. As noted in Chapter 1, it is possible to present the vertical and horizontal organization of the field under study.

2.5.1. Vertical organization of the proverbial conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS"

Taking into account the syncretism and overlapping of the concepts of interest, the statistical data concerning the proverbial units, verbalizing each concept, are as follows: Cunning (155 units), Duplicity (118 units), Flattery (69 units), Hypocrisy (65 units), Simplicity (40 units), Directness (20 units).

Diagram №1 shows the quantitative ratio of proverbs of all concepts.

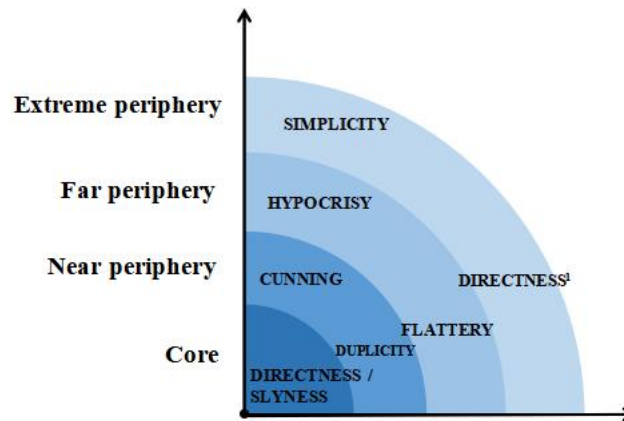
Scheme № 1 Quantitative ratio of proverbs of all concepts

The concepts composing the field are structured according to the frequency of their verbalization in the proverbial space from the core to the near, far and extreme periphery. In the first chapter it was noted that the name of the conceptual field is usually the name of the nuclear concept or concepts. Therefore, the nuclear concepts in our case are the opposition "DIRECTNESS / SLYNESS". Here we consider the concept DIRECTNESS as the integrating concept, which practically unites two micro-concepts: SIMPLICITY and DIRECTNESS. We denote the latter as DIRECTNESS¹ in the scheme .

Thus, the vertical organization of the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS" can be visualized in the diagram.

Diagram №2. Vertical organization of the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS"

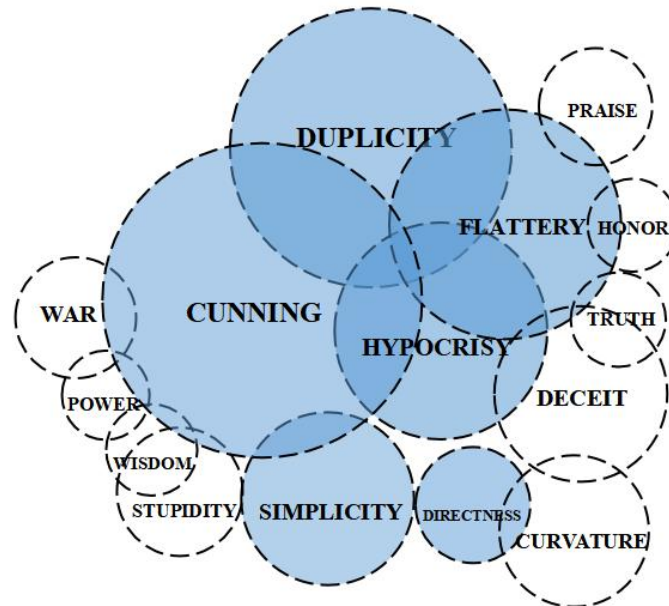
Thus, the core of the investigated conceptual field consists of the concepts DIRECTNESS and SLYNESS, the near periphery - Cunning and Duplicity, the far periphery - Flattery and Hypocrisy, the extreme periphery - Simplicity and Directness.

2.5.2. Horizontal organization of the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS" in the Proverbial space

We consider the horizontal organization of the conceptual field as its content organized by the microfields of the concepts included in the field, which are in relations of semantic proximity.

So, on the basis of the study, the vertical organization of the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS" can be visualized in the scheme.

Scheme №3. Horizontal organization of the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS"

As shown in the diagram, the concepts under study may overlap with each other within the field, and they may also overlap with concepts that are not part of the field in question.

Cunning intersects in the proverbial space with the greatest number of concepts, eight in all: HYPOCRISY, DUPPLICITY, FLATTERY, SIMPLICITY, WAR, WISDOM, STUPIDITY and POWER. On the one hand, there is syncretism among them between CUNNING and HYPOCRISY and DUPPLICITY in the semantics of some proverbs; on the other hand, Wit is identified with Cunning in other proverbs. And the concepts of SIMPLICITY, Stupidity and Power are often contrasted with Cunning. Cunning helps to win the War.

The concept of Flattery intersects with hypocrisy, duplicity, cunning, praise, honor, truth, and deception. A flatterer can also be hypocritical and duplicitous. Flattery in proverbs is often identified with Praise, as hypocritical praise is the main way of realization of flattery. Flattery is considered "deceit" and is often contrasted with "honor" and "truth".

Despite the fact that, according to the explanatory dictionaries, "hypocrisy" and "duplicity" are synonyms, in our material it was possible to clearly distinguish their boundaries in the Proverbial space for the detailed consideration of the proverbial concepts. As for the intersection of the concepts of hypocrisy and deception, its presence is evidenced by the cognitive feature *Hypocrite says one thing, while knowing that reality is different*.

The concept of SLYNESS is opposed to "curvature," and the latter is also closely related to the concept of "deception.

It should be noted that the diagram shows only the most typical and representative concepts that overlap with the main (basic) concepts included in the conceptual field under study.

Conclusion of the chapter

So, as a result of the analysis of the proverbial material we can draw the following conclusions.

The 506 proverbs that we studied were classified according to the verbalized concepts: cunning, hypocrisy, duplicity, flattery, simplicity and directness.

In the analyzed fragment of the proverbial space there are variants, synonyms, quasi-synonyms, antonyms and homonyms.

Direct nomination of concepts is mainly observed in proverbs, which verbalize the concepts Cunning, Flattery, Simplicity and Directness. Metaphor and metonymy are often important ways of indirect concept nomination, and the function of indirect concept nomination is mainly performed by metaphors in which only the source sphere is represented. Some of the proverbs under study can be seen as an event nomination, consisting of a number of elementary nominations, which are realized through a number of metaphors. Within the framework of somatic metonymy, proverbs are found in which the concept is nominated through "double metonymy".

In metaphorization in proverbs expressing the opposition "DIRECTNESS / SLYNESS", all three main types of metaphor are noted: structural, ontological and

orientational. Within the ontological metaphor, three subtypes can be conventionally distinguished: objectification metaphor, zoomorphism and personification. Within personification, a special subgroup is distinguished, in which each proverb conceals a "double metaphor".

In the studied material we find seven models of comparison (in the broad sense) in proverbs: proverbs that include comparative phrases introduced by the conjunctions *как*, *что* and *словно*; proverbs that include adjectives or adverbs in the form of comparative degree; proverbs with nouns in the instrumental case in the sense of comparison; proverbs that are sentences of identity; proverbial comparison expressed as the syntactic parallelism; proverbs with possessive adjectives.

The proverbs under study contain such zoonyms as *fox*, *wolf*, *bird*, *cat*, *goat*, *dog*, etc. Such proverbs with the zoonim mainly verbalize the concepts of cunning, duplicity, hypocrisy and flattery. No such units embodying the concepts of Simplicity and Directness were found in our material.

During the cognitive interpretation of the proverbial concepts and their modeling there is an intersection, and in some cases semantic syncretism of the concepts.

The results of the verification show that the proverbial concepts mostly correspond to the representations in the modern Russian language consciousness, except for the concept Directness.

We believe that the frame is the most appropriate and illustrative way to represent structured knowledge that forms the proposition of proverbs, and demonstrated a possible method of frame analysis of proverbs in teaching Russian as a foreign language on the examples of "*В тихом омуте черти водятся*" and "*Мягко стелет, да жестко спать*", which have the largest number of contexts of use in the НКРЯ.

The proposed models of vertical and horizontal components of the organization of the conceptual field clearly demonstrate its structure and content. In terms of structure, the core of the investigated conceptual field consists of the

concepts DIRECTNESS and SLYNESS, the near periphery - CUNNING and DUPLICITY, the far periphery - FLATTERY and HYPOCRISY, the extreme periphery - SIMPLICITY and DIRECTNESS. In terms of content the studied concepts not only intersect with each other within the field, but also cross over with the concepts not included in the field under consideration, such as "Wit", "Stupidity", "Power", "Honesty", "Truth" and "Deception".

CONCLUSION

In recent years, the cognitive approach has provided new research opportunities in such a traditional linguistic science as paremiology. The study of proverbs within the framework of the linguistic and cognitive approach, on the one hand, allows to describe in depth and systematically the proverbial units, verbalizing the particular concept, and, on the other hand, to model the structure of concepts in the proverbial space.

In order to comprehensively consider the proverbs belonging to one thematic group (in our case, it is the thematic group "DIRECTNESS / SLYNESS", highlighted by V.I. Dal in the collection "Proverbs of the Russian People"), we have resorted to the field approach. The proverbs under study were classified according to the verbalized concepts: Cunning (155 units), Duplicity (118 units), Flattery (69 units), Hypocrisy (65 units), Simplicity (40 units), Directness (20 units).

The proposed research algorithm included several successive stages:

1. Study of semantic relations of proverbs, verbalizing the conceptual field under consideration.
2. Identifying ways of direct and indirect nomination of proverbial concepts.
3. Consideration of models of conceptual metaphors, comparisons, and zoonimic images to reveal the linguistic and cognitive potential of the internal form of proverbs.
4. Identification of cognitive features of concepts to reveal the linguistic and cognitive potential of the meaning of proverbs and modeling the field structure of proverbial concepts.
5. Verification of the correspondence of the proverbial concept to the representation existing in the modern Russian language consciousness.
6. Discourse-frame analysis of proverbs to describe cognitive models of proverbs.
7. Modeling the vertical and horizontal organization of the proverbial conceptual field.

The study led us to the following conclusion.

Between the proverbial units in the analyzed fragment of the proverbial space such semantic connections as variability, synonymy, quasi-synonymy, antonymy and homonymy are observed.

Direct nomination is mainly observed in proverbs, which verbalize the concepts of cunning, flattery, simplicity and directness. In such units there are very word-representative of the concept, its synonyms or synonyms of the words of the same origin appear. The direct nomination of the concepts Hypocrisy and Duplicity is quite rare in the proverbial space.

Metaphor and metonymy are important ways of indirect nomination of concepts. In our opinion, some of the proverbs we study can be seen as an event nomination, consisting of a number of elemental (lexical) nominations, namely, several metaphors.

In indirect nomination, "somatic metonymy" is often found, which is carried out through the model "part of the body instead of a person". Within the framework of somatic metonymy, a special group of proverbs is distinguished, in which the concept is nominated through "double metonymy".

When metaphorizing proverbs expressing the opposition "DIRECTNESS / SLYNESS", all three main types of metaphor are observed: structural, ontological and orientational. In terms of structure, both domains can be represented in the proverbs considered, the source sphere or the target sphere are omitted, if they are presented in the native speaker's language consciousness as a presupposition. As part of the ontological metaphor, the most productive subtype in the conceptual field under study was the metaphor-zoomorphism. The most frequently used metaphors for the flatterer are the images of the bee and the wasp, and for the cunning one - the image of the fox. The proverbs studied revealed a special type of metaphor-personification - double metaphor. The orientation metaphor actualizes the oppositions "top - bottom" and "inside - outside". At the same time, such images as mythologemes "devil" and "God" are in the center, simplicity is presented as something on the surface, outside, and cunning as the inner essence.

Seven models of comparison (in the broad sense) are found in the studied material: proverbs that include comparative phrases introduced by the conjunctions *как*, *что* and *словно*; proverbs that include adjectives or adverbs in the form of comparative degree; proverbs with nouns in the instrumental case in the sense of comparison; proverbs that are identical sentences; proverbial comparisons expressed as the syntactic parallelism; proverbs with possessive adjectives.

The proverbs under study contain such zoonyms as *fox*, *wolf*, *bird*, *cat*, *goat* and *dog*. Such proverbial units verbalize the concepts of cunning, duplicity, hypocrisy and flattery.

The cognitive interpretation of all the concepts included in the field under consideration was carried out and their field structure was revealed. It is important to note that syncretism of the proverbial concepts is observed in the studied material.

The analysis of each concept in three categories: evaluation, the content of the core and periphery, the relationship with other concepts revealed the following:

Positive evaluation predominates only in the concept of simplicity, and negative evaluation predominates in the concepts of Cunning, Flattery, Hypocrisy, Duplicity and Directness. The concepts of Cunning, Duplicity, Hypocrisy and Flattery overlap with each other. At the same time, Cunning also intersects with such concepts inside and outside the field as Simplicity, War, Cleverness, Stupidity and Power; Flattery - with Praise, Honesty, Truth and Deceit; Hypocrisy - with Deceit; Directness - with Curvature.

The survey of native Russian speakers allowed us to verify the results and conclude that the proverbial concepts mostly correspond to the ideas of modern Russian speakers, the only exception being the concept of Directness.

The results obtained in the course of the study allowed us to propose the model of the conceptual proverbial field "DIRECTNESS / SLYNESS", taking into account the vertical and horizontal components. The core concepts are DIRECTNESS and SLYNESS, the near periphery includes the concepts of

Cunning and Duplicity, the far periphery includes Flattery and Directness, and the far periphery includes Simplicity and Directness¹ .

The prospect of the study is seen in further in-depth and detailed analysis of the conceptual field "DIRECTNESS / SLYNESS" in the proverbial conceptsphere, as well as in the development of the model dictionary entry for the educational frame dictionary of proverbs, addressed to foreign students.

LIST OF USED LITERATURE

1. Abakumova O.B. Konceptual'naya metafora, emocii i ocenki, etalony i stereotipyv russkih i anglijskih poslovicah o pravde i lzhi // Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannyh yazykov. – 2021. № 2(15). – S. 7-50.
2. Abakumova O.B. Poslovichnye koncepty i paremicheskij diskurs // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2011. T. 153. № 6. – S. 128-139.
3. Abakumova O.B. Pragmaticheskie funkicii poslovic v tekste / diskurse (na materiale imitacii bytovogo dialoga v hudozhestvennom fil'me i hudozhestvennom tekste) // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo un-ta. – 2014. № 77. – S. 7-9.
4. Abakumova O.B. Problemy referencii i inferencii poslovic i referencial'no-rolievaya grammatika // YAzyk i kul'tura. – 2011. № 3(15). – S. 5-14.
5. Abakumova O.B. Poslovichnye koncepty v paremicheskome diskurse. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. – Orel, 2013. – 46 s.
6. Alefirenko N.F., Semenenko N.N. Kognitivno-pragmaticheskaya priroda paremii // Poslovicy v frazeologicheskom pole: kognitivnyj, diskursivnyj, sopostavitel'nyj aspekty: monografiya / Pod red. T.N. Fedulenkovej. – Vladimir: Izd-vo VIGU, 2017. – C. 14-53.
7. E. N. Antonova, M. A. Bredis, T. E. Vladimirova Paremiologiya bez granic. – M.: Ros. un-ta. družhby narodov, 2020. – 244 s.
8. Apresyan YU.D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya // Voprosy yazykoznanija. – 1995. № 1. – S. 37–57.
9. Arutyunova N.D. Istina: fon i konnotacii / Otv. red. N.D. Arutyunova // Logicheskij analiz yazyka: Kul'turnye koncepty. – M.: Nauka, 1991. – S. 21-30.
10. Balashova E.YU. Koncepty lyubov' i nenavist' v russkom i amerikanskom yazykovyh soznaniyah. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Saratov, 2004. – 22 s.
11. Balashova E.YU. Paremiologicheskaya zona konceptual'nogo polya vera / faith v russkom i anglijskom yazykah (na materiale leksikograficheskikh istochnikov) // Fundamental'nye issledovaniya. – 2014. № 6-7. – S. 1539-1542.

12. Baranov A.N., Dobrovolskij D.O. Aspekty teorii frazeologii. – M.: Znak, 2008. – 656 s.
13. Belyaevskaya E.G. Kognitivnye osnovaniya izucheniya semantiki slova // Struktury predstavleniya znanij v yazyke. – M., 1994. – S. 87-110.
14. Belyaevskaya E.G. Model' leksicheskoj semantiki v kognitivnoj nauchnoj paradigme // Mezhdunar. kongress po kognitiv. lingvistike: sb. materialov. Tambov, 26-28 sent. 2006 g. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2006. – S. 45-46.
15. Borshcheva O.V. Konceptual'noe pole "TRUD" skvoz' prizmu idiomatiki (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Saratov, 2012. – 303 s.
16. Bochina T.G. Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkih poslovic. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2002. – 196 s.
17. Bredis M.A. Predstavleniya o denezhnyh otnosheniyah v poslovicah (na materiale russkogo, latyshskogo, litovskogo, nemeckogo i anglijskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk. M., 2017. – 346 s.
18. Bredis M.A., Dimoglo M.S., Lomakina O.V. Paremii v sovremennoj lingvistike: podhody k izucheniyu, tekstoobrazuyushchij i lingvokul'turologicheskij potencial // Vestnik Ros. un-ta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2020. T. 11. № 2. – S. 265-284.
19. Bredis M.A., Lomakina O.V., Mokienko V.M. Poslovica v sovremennoj lingvistike: opredelenie, status, funkcionirovanie // Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2019. № 3. – S. 34-41.
20. Brutyan G.A. YAzyk i kartina mira // Filosofskie nauki. – 1973. № 1. – S. 107-111.
21. Budaev E.V. Stanovlenie kognitivnoj teorii metafory // Lingvokul'turologiya. – 2007. № 1. – S. 19-35.
22. Van Tyan'czyao. Modeli konceptual'nyh metafor v yazykovom voploshchenii eticheskikh konceptov "dobro" i "zlo" v russkoj frazeologii i paremiologii. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Nizhnij Novgorod, 2021. – 26 s.

23. Vasil'ev L.M. Teoriya semanticheskikh polej // Voprosy yazykoznanija. –1971. № 5. – S. 105-113.
24. Volockaya Z.M. Sposoby nominacii v zagadkah (k voprosu o proizvol'nosti yazykovogo znaka) // Struktura teksta. – M.: 1981. – 96 s.
25. Vorkachev S.G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept. – M., 2004. – 192 s.
26. Gak V.G. K tipologii lingvisticheskikh nominacij // YAzykovaya nominaciya. Obshchie voprosy / pod red. A.A. Ufimcevoj. – M.: Nauka, 1977. – S. 230-293.
27. Gerasimov V.I. K stanovleniyu kognitivnoj grammatiki // Sovremennye zarubezhnye grammaticheskie teorii. – M., 1985. – S. 213-250.
28. Go Lihun. Otrazhenie semejnyh otnoshenij v poslovicah i pogovorkah russkogo i kitajskogo yazykov (na materiale frejmov svekrov' – nevestka, teshcha – zyat', zolovka – nevestka) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo un-ta. – 2021. T. 23. № 1(85). – S. 211-219.
29. Go Lihun. Propozicional'no-frejmovyj analiz semantiki poslovic v russkom i kitajskom yazykah (na materiale frejma otec - syn) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo un-ta. – 2020. T. 22. № 4(84). – S. 1061-1068.
30. Gorshunov, YU.V. Zoomorfnye metafory, obygyryvayushchie kovarstvo, dvulichie i licemerie cheloveka, v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah // Vestnik Bashkirskogo un-ta. – 2021. T. 26. № 1. – S. 144-150.
31. Dezhuzhaeva E.A., Sarangaeva ZH.N. Koncept «Lest'» v anglijskoj i russkoj paremii // Fundamental'nye i prikladnye aspekty razvitiya sovremennoj nauki. Sbornik statej po materialam II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Ufa, 2020. – S. 167-170.
32. Dejk, T. A. van. YAzyk. Poznanie. Kommunikaciya. sostavlenie V.V. Petrova; per. s angl. yaz. pod red. V.I. Gerasimova; vstup. st. YU.N. Karaulova, V.V. Petrova. – M.: Progress, 1989. – 310 s.
33. Dem'yankov V.Z. Kognitivizm, kogniciya, yazyk i lingvisticheskaya teoriya // YAzyk i struktury predstavleniya znaniy. – M., 1992. – S. 39-77.
34. Dem'yankov V.Z. Teoriya prototipov v semantike i pragmatike yazyka // Struktury predstavleniya znaniy v yazyke. – M., 1994. – S. 32-86.

35. Dobrovol'skij. D.O. Nacional'no-kul'turnaya specifika vo frazeologii // Voprosy yazykoznanija. – 1997. № 6. – S. 37–48.
36. Dolgova I.A. Konceptual'noe pole "terpenie" v anglijskoj i ruskoj lingvokul'turah. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2006. – 26 s.
37. Elina E.N. Lingvodidaktičeskij potencial uchebnogo frejmovogo slovarja // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. – 2021. № 4(89). – S. 191-194.
38. ZHukov V.P. Slovar' russkih poslovic i pogovorok. – M.: Russkij yazyk, 1991. – 544 s.
39. Zinov'eva E.I., Alyoshin A.S. Sem'ya v komparativnyh paremiyah tuvinskogo, shvedskogo i russkogo yazykov // Novye issledovanija Tuvy. – 2022. №1. – S. 131-145.
40. Zinov'eva E.I., Alyoshin A.S. Verbalizacija konceptual'noj oppozicii «svoe – chuzhoe» v proverbial'nom prostranstve (na materiale komparativnyh paremij shvedskogo i russkogo yazykov) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo un-ta. Seriya 2, YAzykoznanie. – 2022. T. 21, № 5. – С.73-82.
41. Zyryanova M. N. Klassifikacionnye tipy nominacij hudozhestvennogo koncepta (na primere postmodernistskih tekstov D. A. Prigova) // Nauchno-metodičeskij elektronnyj zhurnal Koncept. – 2014. № S1. – S. 46-50.
42. Ivanov E.E. Nacional'naya specifichnost' poslovichnogo fonda: osnovnye ponyatiya i metodika vyyavlenija // Vestnik Ros. un-ta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2021. T. 12. № 4. – S. 996-1035.
43. Ivanova E.V. Poslovica kak strategija dejstviya // Nauka vchera, segodnya, zavtra. – 2016. № 2-2(24). – S. 76-82.
44. Ivanova E.V. Poslovichnaya konceptualizacija mira: Na materiale anglijskih i russkih poslovic. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. – SPb., 2003. – 38 s.
45. Ivanova E.V. Mir v anglijskih i russkih poslovicah. – SPb.: SPbGU, 2006. – 278 s.
46. Karaulov YU.N. Obshchaya i russkaya ideografiya. – M.: Nauka, 1976, – 355 s.

47. Kasevich V.B. Buddizm. Kartina mira. YAzyk. – SPb.: Centr «Peterburgskoe vostokovedenie», 1996. – 288 c.
48. Kasevich V.B. YAzykovye i tekstovye znaniya // Voprosy yazykoznanija. – 1990. № 6. – S. 98–101.
49. Kojranskaya E.A. Raznostoronnee izuchenie paremij v russkoj i zarubezhnoj lingvistike // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo un-ta. – 2011. №1(15). – S. 257-259.
50. Konstantinova A.A. Anglo-amerikanskije paremii v mediadiskurse: kognitivno-diskursivnyj analiz. – Tula: [b/i], 2012. – 226 s.
51. Kosycheva M. A. Koncept "childhood": osobennosti vtorichnoj nominacii // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. – 2011. T. 13. № 2-4. – S. 949-954.
52. Kosharnaya S.A. Ponyatie o koncepte: vzglyad lingvokul'turologa // Lingvisticheskie i metodicheskie osnovy filologicheskoi podgotovki uchitelya-slovesnika : materialy mezhdunar. nauch.-metod. konf. : v 2 t. / BelGU, Starooskol. fil. ; pod red.: I.B. Ignatovoj, L.N. Razinkovoj, N.N. Semenenko. – Staryj Oskol, 2005. T.1. – S. 71-80.
53. Krasnyh V.V. «Svoj» sredi «chuzhij»: mif ili real'nost'? – M.: Gnozis, 2003. – 375 s.
54. Krasnyh V.V. YAzyk, soznanie, kommunikacija: Sb. statej / Otv. red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. – M.: MAKS Press, 2012. Vyp. 45. – 91 s.
55. Kuz'michenko A.A. Lingvokul'turnyj potencial konceptual'noj metafory // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo un-ta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki. – 2017. № 5. – S. 167-170.
56. Laenko L.V. Konceptual'noe pole kak sposob organizacii leksikona nositelya anglijskogo yazyka // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. – 2012. №1. – S. 29-35.
57. Lazutin S.G. Sravneniya v poslovicah i pogovorkah // YAzyk i stil' proizvedenij fol'klora. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. 1986. – S. 3-9.

58. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. / Pod red. i s predisl. A.N. Baranova. – M.: Editorial URSS, 2004. – 256 s.
59. Lebedeva M.YU. Konceptual'noe pole "Detstvo" i ego reprezentaciya v russkom yazyke. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2013. – 260 s.
60. Levin YU.I. Proverbial'noe prostranstvo // Paremiologicheskie issledovaniya: Sb. statej / Sost. i red. G.L. Permyakov. – M.: Nauka, 1984. S. 109-126.
61. Lomakina O.V., Mokienko V.M. Cennostnye konstanty rusinskoj paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo yazykov) // Rusin. – 2018. №4 (54). – S. 303-317.
62. Lomonosova YU.E. Konceptual'noe pole «Atmosfernye yavleniya» vo francuzskoj yazykovej kartine mira. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Voronezh, 2008. – 22 s.
63. Lotman YU.M. O semioticheskom mekhanizme kul'tury // Trudy po znakovym sistemam. / otv. red. YU.M. Lotman. – Tartu, 1971. – S. 144-166.
64. Luk'yanenko I.N. Frejmovyj podhod k obucheniyu leksike na uroke RKI // Slovo.ru: Baltijskij akcent. – 2015. № 1. – S. 74-78.
65. Milashevskaya I.V. Konceptual'naya metafora "golova - vmestilishche": ob"ektivaciya v paremiyah russkogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. № 11-2(77). – S. 117-119.
66. Minskij M. Frejmy dlya predstavleniya znaniy: monografiya (per. s angl.). – M.: Energiya, 1979. – 152 s.
67. Moiseeva V.L. Bezlichnye glagol'nye predikaty sostoyaniya lica v russkoj yazykovej kartine mira: Dis. ... kand. filol. nauk. – SPb., 1998. – 147 s.
68. Mokienko V.M. Aspekty issledovaniya slavyanskoj paremiologii // Paremiologiya v diskurse: Obschie i prikladnye voprosy paremiologii. Poslovica v diskurse i v tekste. Poslovica i yazykovaya kartina mira / pod red. O.V. Lomakinoj. – M.: Lenand, 2015. – S. 4-25.
69. Mokienko V.M. Ideografiya i istoriko-etimologicheskij analiz frazeologii // Voprosy yazykoznanija. – 1997. № 6. – S. 37-48.

70. Nelyubova N.YU. Aksiologicheskie dominanty paremij kak tipologicheskie markery tuvinskoj, russkoj i francuzskoj lingvokul'tur // *Novye issledovaniya Tuvy*. – 2022, №1. – S. 146-163.
71. Nikolaeva E.K. Ustojchivye sravneniya v russkih poslovicah // *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. – 2010. №3 (29). – С. 238-243.
72. Panchenko N.N. Kommunikativnyj tipazh «L'stec» // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo un-ta. im. A. S. Pushkina*. – 2008. № 5(19). – S. 36-45.
73. Permyakov G.L. *Osnovy strukturnoj paremiologii*. – M.: Izd-vo «Nauka», 1988. – 235 s.
74. Permyakov G.L. *Ot pogovorki do skazki (Zametki po obshchej teorii klishe)*. – M., 1970. – 240 s.
75. Popova 3.D. *Kognitivnaya lingvistika*. – M.: ACT: Vostok - Zapad, 2007. – 226 s.
76. Razumkova N.V. Scenarno-frejmovyj podhod k prepodavaniju russkogo yazyka v inostrannoj auditorii // *CCS&ES*. – 2018. № 3. – S. 333-338.
77. Rudnev, V.P. *Slovar' kul'tury XX veka. Klyucheve ponyatiya i teksty [Tekst] / V.P. Rudnev*. – M.: Agraf, 1997. – 384 s.
78. Savenkova L.B. *Russkaya paremiologiya: semanticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty*. – Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostov. un-ta, 2002. – 240 s.
79. Seliverstova E.I. *Poslovichnyj tip: model', variant, sinonim* // *Vestnik SPbGU. YAzyk i literatura*. – 2009. № 3. – S. 185-193.
80. Seliverstova E.I. *Prostranstvo russkoj poslovice: postoyanstvo i izmenchivost'*. – SPb.: OOO «Mirs», 2009. – 270 s.
81. Semenenko N.N. Aksiologiya paremij v fokuse problemy kognitivno-diskursivnogo modelirovaniya semantiki russkih poslovic // *Vestnik Ros. un-ta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. – 2020. T.11. №2. – S. 213-232.

82. Semenenko N.N. Kognitivnaya integraciya v verbalizovannom prostranstve frejma (na materiale russkih paremij) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo un-ta. Seriya: Russkaya filologiya. – 2010. № 1. – S. 47-51.
83. Seregina M.A. Paremiya kak forma predstavleniya znanij naroda v yazyke: kognitivno-strukturnyj aspekt // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. –2016. Vyp. 1. – S. 19-25.
84. Seregina M.A. Paremiologicheskaya kartina mira: voprosy teorii // Materiály RIII mezinárodní vědecko-praktická conference «Řědecky pokrok na přelomu tysyachalety – 2012». – Praha: Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2012. – S. 52–56.
85. Sternin I.A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. – 170 s.
86. Suliman El'tajeb El'zejn El'tajeb. Russkoe konceptual'noe pole VERA: na fone arabo-musul'manskoj lingvokul'tury. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2013. – 24 s.
87. Tananina A.V. Konceptual'noe pole "Lyubov'" i ego predstavlenie v inoyazychnoj auditorii. Diss. ...kand. pedagog. nauk. – M.: 2003. – 159 s.
88. Tarlanov Z. K. Russkie poslovice: sintaksis i poetika. – Petrozavodsk, 1999. – 447 s.
89. Teliya V.N. Metaforizaciya i eyo rol' v sozdanii yazykovoj kartiny mira // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. YAzyk i kartina mira. – M, 1988. – S. 173-203.
90. Tolstoj N.I. YAzyk i kul'tura (Nekotorye problemy slavyanskoj etnolingvistiki) // Russkij yazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki. Vsesoyuznaya nauchnaya konferenciya, Moskva, 20–23 maya 1991 g. Doklady. – M.: IRYAZ, 1991. CH. 1. – S. 5-22.
91. Tukaeva G.S. issledovatel'skij potencial kognitivnyh struktur // Vestnik Bashkirsk. un-ta. – 2009. №14 (3). – S. 861-865.
92. Uryson E.V. YAzykovaya kartina mira vs. obihodnye predstavleniya (model' vospriyatiya v russkom yazyke) // Voprosy yazykoznanija. – 1998. № 2. – S. 3-21.

93. Ufimceva A.A. Teorii «semanticheskogo polya» i vozmozhnosti ih primeneniya pri izuchenii slovarnogo sostava yazyka // Voprosy teorii yazyka v sovremennoj zarubezhnoj lingvistike. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – S. 30-68.
94. Hamitova, E.R. Modeli konceptual'noj metafory "priroda - chelovek" v paremiyah russkogo yazyka // Vestnik Bashkirskogo un-ta. – 2011. T. 16. № 4. – S. 1323-1325.
95. Haritonchik Z.A. Sposoby konceptual'noj organizacii znaniy v leksike yazyka // YAzyk i struktury predstavleniya znaniy. – M., 1992. – S. 98-123.
96. Hramova YU.A. Paremiologicheskaya realizaciya konceptual'noj diady «Licemerie – iskrennost'» v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah // Gumanitarnye issledovaniya. – 2010. №1 (33). – S. 124-131.
97. CHzhao Symin'. Russkie poslovice s komponentom-zoonimom, verbalizuyushchie koncept «lukavstvo» // Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya v yazyke i rechi: Sbornik nauchnyh statej / Redkollegiya: O.N. Mel'nikova (otv. red.) [i dr.]. – Gomel': Gomel'skij gos. un-t. im. Franciska Skoriny, 2020. – S. 189-195.
98. CHzhao Symin'. Tipy semanticheskikh svyazej poslovic, verbalizuyushchih oppoziciyu "pryamota-lukavstvo" (lingvokognitivnyj podhod) // Uchenye zapiski Novgorodskogo gos. un-ta. – 2021. № 4(37). – S. 448-452.
99. CHzhao Symin'. Koncept "hitrost'" v russkom proverbial'nom prostranstve: lingvokognitivnyj aspekt // Izvestiya Volgogradskogo gos. pedagog. un-ta. – 2022a. № 1(164). – S. 184-188.
100. CHzhao Symin'. Lingvokul'turnyj potencial russkih paremij so sravnitel'nymi oborotami (na materiale poslovic o lukavstve i pryamote) // Tezisy dokladov 50-j Mezhdunarodnoj nauchnoj filologicheskoy konferencii imeni Lyudmily Alekseevny Verbickoj: Tezisy dokladov, Sankt-Peterburg, 15–23 marta 2022 goda. – SPb.: Izd-vo. SPbGU, 2022b. – S. 522.
101. CHzhao Symin'. Koncept "licemerie" v russkom proverbial'nom prostranstve: lingvokognitivnyj aspekt // Vestnik CHuvashskogo gos. pedagog. un-ta. im. I.YA. YAkovleva. – 2022v. № 2(115). – S. 133-138.

102. CHzhao Symin'. Konceptual'nye metafory v russkikh poslovicah, verbalizuyushchih oppozitsiyu «pryamota - lukavstvo» // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – 2022g. № 2(49). – S. 505-510.
103. CHzhao Symin'. Metafora i metonimiya kak sposoby kosvennoj nominacii konceptov v proverbial'nom prostranstve (na primere russkikh poslovicah, verbalizuyushchih konceptual'noe pole “pryamota - lukavstvo”) // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – 2022d. № 2(50). – S. 562-566.
104. SHilyaev K.S. Konceptual'naya metafora i metonimiya v russkoyazychnyh obzorah vin i kon'yakov // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya. – 2019. № 61. – S. 113-134.
105. SHCHur G.S. Teorii polya v lingvistike Tekst. – M.: Izd-vo «Nauka», 1974. – 255 s.
106. YUsupova Z.A. Kognitivnyj aspekt issledovaniya protivopostavleniya v paremii (na materiale francuzskih, anglijskikh i russkikh poslovic i pogovorok) // Vestnik Bashkirsk. un-ta. – 2010. № 3. – S. 667-669.
107. YAkovleva E.S. K opisaniyu russkoj yazykovej kartiny mira // Russkij yazyk za rubezhom. – 1996. №1-3. – S. 47-57.
108. Alyoshin A., Zinovieva E. Woman, girl and wife in Swedish and Russian comparative paremias // Scandinavian Philology, 2021, – vol. 19, issue 2, – Pp. 219-235.
109. Dundes A. The meaning of folklore: the analytical essays of Alan Dundes / edited and introduced by Simon J. Bronner. – Logan: Utah State University Press, 2007. – 443 p.
110. Evans V.A. Glossary of Cognitive Linguistics. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – 239 p.
111. Langacker, R.W. Discourse in Cognitive Grammar // Cognitive Linguistics. 2001. – Vol. 12, № 2. –Pp. 143-188.
112. Mieder W. Proverbs are never out of season. Popular wisdom in the modern ages. – N. Y.: Oxford University Press, 1993. – 284 p.

113. Sapir E. Selected writings in language, culture and personality / Ed. by D.G. Mandelbaum. – Los Angeles, 1973. – 642 p.

LIST OF DICTIONARIES AND SOURCES

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / red. S.A. Kuznecov. –SPb.: Norint, 2000. – 1536 s.
2. Dal' V.I. Posloviцы russkogo naroda. T. 2. – M.: Eksmo Press, –2000 s.
3. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E.S. Kubryakova, V.Z. Dem'yankov, YU.G. Pankrac, L.G. Luzina; Pod obshch. red. E.S. Kubryakovej. – M.: Filol. fak. MGU, 1996. – 245 s.
4. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. YArceva. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. – 685 s.
5. Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. Bol'shoj slovar' russkih poslovic. – M: ZAO «OLMA Media Grupp», 2010. – 1023 s.
6. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka – [http://www. ruscorpora./](http://www.ruscorpora/) (data obrashcheniya : 10.08.2022).
7. Rossijskoe obshchestvennoe dostoyanie. Elektronnaya biblioteka – <http://publicadomain.ru/russkie-narodnye-posloviцы-i-pogovorki/o-prostote-lesti-hitrosti-i-licemerii> (data obrashcheniya: 25.02.2021).
8. Sbornik narodnoj mudrosti – <https://sbornik-mudrosti.ru/posloviцы-i-pogovorki-pro-xitrost/> (data obrashcheniya: 25.02.2021).
9. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov / otv. red. N.YU. SHvedova; Rossijskaya akad. nauk, Otd-nie ist.-filologicheskikh nauk, In-t russkogo yaz. im. V.V. Vinogradova. – M.: Azbukovnik. – 2008 s.

ANNEX. LIST OF THE ANALYZED PROVERBS

CUNNING

1. Как ни хитри, а дурака не перехитришь.
2. Как ни хитри, а правды не перехитришь.
3. Как ни хитри, а два да один – все три.
4. Можно перехитрить одного, но нельзя перехитрить всех.
5. На одной хитрости как на одной ноге, далеко не уйдешь.
6. У хитрого начала скандальный конец.
7. У хитрости тараканьи ножки.
8. Как ни хитри, всех ниток не спрячешь.
9. Как ни хорони концов, а выйдут наружу.
10. Вилял-вилял да на вилы попал.
11. Как ни хитрил, а на то же своротил.
12. На иную хитрость станет и простоты!
13. Весь бы прост, да привязан хвост (лисий).
14. Сам, кажись, и прост – да увяз хвост (т. е. слукавил неудачно).
15. Маслян ком и прошел кувырком, да что-то отрыгается.
16. Не все, что вздумано хитро, прочно и добро
17. Тот к добру не управит, кто в делах лукавит.
18. Хитрый! Ворота открыты, а он в подворотню лезет.
19. Хитрый: есть ворота, а он забор ломает.
20. Гость коли рано подымается, то ночевать хочет (собирается).
21. Хитрость и сметка бьют врага метко.
22. Будь хитер – направляй врага по ложному следу.
23. Схитришь – врага победишь.
24. Смекнешь да схитришь – врага победишь.
25. Умей своей хитростью из врага душу вытрясти.
26. Кто смышлен да хитер, тот противнику нос утер.
27. У хитрого солдата и рукавица – граната.

28. Хитрость на войне нужна вдвойне.
29. Исход боя решает не тот, кто смелее, а тот, кто хитрее.
30. На войне хитрость приносит больше пользы, чем сила.
31. Кто хитрее, тот победит быстрее.
32. Около болотца, да в задние воротца.
33. Лисица от дождя и под бороной ухоронится.
34. Старая лиса рыльцем роет, а хвостом след замечает.
35. В одно ухо влезет, в другое вылезет.
36. Лиса хитростью берет.
37. Где прыжком, где бочком, где ползком, а где и на карачках.
38. Лису хитрость кормит.
39. Лиса живет хитростью, а заяц – прыткостью.
40. Не гонкой волка бьют – уловкой.
41. Лиса семерых волков проведет.
42. Хитрость паче силы.
43. Хитростью силу борют.
44. Где силой не возьмешь, там хитрость на подмогу.
45. Льва ловят хитростью.
46. Лисица хитра, да шкуру ее купцам продают.
47. Просчитался злодей: враг хитер, а мы хитрее.
48. И хитрую лису можно изловить.
49. Хитра лиса, но еще хитрее – кто ее ловит.
50. Хитрость хитростью побеждают.
51. Полазчив пес, да и лиса хитра.
52. Хитра, мудра казанская, а хитрей ее астраханская.
53. Хватил коречком (ковшом), да ушел бочком.
54. Он из воды сух выйдет.
55. Он обувшись в рот влезет.
56. Он, как кошка, на все ноги падает.
57. Отыгрывается, как лиса хвостом.

58. И рыбы наловит, и ног не замочит.
59. В осмеры гости зовут, а все на правеж.
60. Идет рыба на блевку (корм), идет на блесну (на оловянную рыбку).
61. Звал волк коз на пир, да за гостинцами не идут.
62. Не ворошенный жар под пеплом лежит.
63. Под пеплом и жару не знать.
64. Хитрость и смекалка – родные сестры.
65. Хитрость – второй ум.
66. Хитрость не дурость, второй ум в голове.
67. Дурацкое дело – не хитро.
68. Вильнет (Крутит) умом, как пес (как лиса, как сорока) хвостом.
69. Перехитришь, так подметки не подкинешь.
70. Всю хитрость не изучишь, а себя измучишь. (в меру)
71. Лучше недохитрить, чем перехитрить.
72. Старую лису хитростям не учить.
73. Жизнь научит хитрить.
74. Премудрость одна, а хитростей много.
75. Что хитро, то и просто: девятью десять девяносто.
76. Коли ты спроста, и я спроста; коли ты с хитрости, и я с хитрости.
77. Тут пито, едено по простоте, без хитрости.
78. Хитрее теленка не будешь: языком под себя не достанешь.
79. Трудно лисе лапку положить, а то и вся взберется (от сказки).
80. С хитрецом водиться – в оба глаза глядеть. (бдительность)
81. Говоря с хитрецом, взвешивай ответ свой.
82. Не верь малому да лукавому.
83. В лукавом правды не сыщешь.
84. Разговорам не дивись, на хитрость не ловись.
85. Берегись: этот продаст, так не выкупит.
86. Заговелась лиса: загоняй гусей.
87. Постится щука, а пескарь не дремли.

88. Уснула щука, да зубы не спят.
89. Человек лукавый – что карман дырявый.
90. Не всяк спит, кто храпит.
91. Не там курица яйцо снесла, где кудахчет.
92. Когда ищешь лису впереди, то она назади.
93. Сам наперед бежит, а кричит: держи вора!
94. Не укусил, так подуськал (натравил).
95. У иноходца тысяча путей, у хитрого тысяча слов.
96. На семи сидел, а десять вывел (т.е. хитрый).
97. Битый битого (небитого) везет (из сказки о лисе).
98. Битый небитого на руках носит.
99. Нельзя перескочить, так можно подлезть.
100. Всюду вхож – как медный грош.
101. На грош пятаков ищет.
102. Пролезет в (сквозь) игольное ушко (Об опытном, хитром, изворотливом человеке.).
103. Коли поп Сеньку не обманет, так и Сенька попу правды не скажет.
104. Поп Федьку не обманет, а Федька попу правды не скажет.
105. Черт Ваньку не обманет: Ванька про него молитву знает.
106. Клевать-то клюет, да на удочку нейдет.
107. Его на кривых оглоблях не объедешь.
108. Хитрого да лукавого на кривой не объедешь.
109. Тот не хитер, кого хитрым считают.
110. На вид простак, а в душе хитряк.
111. Каждая хитрость прикрыта глупостью.
112. Волк в овечьей шубе (шкуре).
113. Прищуривай, Агашка, на левый глаз.
114. Хитри, да хвост береги.
115. В игре не без хитрости.
116. Игрок кум вору.

117. Золовка хитра на уловки.
118. Лукавой бабы и в ступе не утолчешь.
119. Голь хитра, голь мудрена, голь на выдумки горазда.
120. Голь на выдумки хитра.
121. Вертляв: в него и в ступе пестом не угодишь.
122. Вьюн: вокруг вьется, а в руки не дается.
123. У Лисы Патрикеевны ушки на макушке.
124. Лиса своего хвоста не замарает.
125. Хитрый всегда лазейку найдет.
126. Прямику одна дорога, поползнию десять.
127. Не бойся хитрого умного, бойся хитрого дурака.
128. От хитреца да глупца добра не жди.
129. Горбун прямика перехитрит.
130. Не сподручно волку с лисой промышлять.
131. И хитрая птица через свой клюв в силочок попадает.
132. Хитрый Митрий: нашими боками пашет, на своих отдыхает.
133. И гусь от гнезда отводит, собаку отманивает (дикий).
134. Всякий хитрец в своей старости слепец.
135. Лживому хитрецу румяна не к лицу.
136. Как ни хитри, а всё наружу выйдет.
137. Хитросплетения всегда отзываются ложью.
138. Копеечной хитрости – грош цена.
139. Хитрости лисы хитры для курицы.
140. Всякая хитрость глупостью закрыта.
141. Кабы на твою хитрость, да не моя простота!
142. На хитрость дай Бог мудрость.
143. Сильна хитрость ума, а добро сильнее хитрости: добро и тварь помнит.
144. Хитростью поймашь даже льва, а силой не поймашь и сверчка.
145. Хитростью свет пройдешь – назад не воротишься.
146. И не хитро, да больно кстати.

147. Парень не промах.
148. Это щучка, остренький носок.
149. Ужом вьется, развивается.
150. Змеей извивается.
151. Вертеться как бес (черт) перед заутреней.
152. Вертеться как береста на огне.
153. Лисой пройти.
154. Слышу, лиса, про твои чудеса.
155. Будешь лукавить, так черт задавит. (Кто лукавит, того черт задавит.)
156. Злой с лукавым водились, да оба в яму ввалились.
157. Хитрый думает одно, говорит другое, делает третье.
158. Что хитро, то и не просто.
159. Что хитро, то и просто: девятью десять девяносто.
160. Только лапоть на обе ноги плетется, а и рукавички розни.
161. Перемудрил, так перетонил (т. е. перехитрил).
162. Ему бы только рыло свиное, так от него бы и сморчок под землей не ушел.
163. Лисичка всегда сытей волка бывает (или: живет).
164. Волк – голодай, лиса – лакомка.
165. Елохе (пройдохе) не живется плохо.
166. Не копай другу ямы: сам в нее ввалишься.
167. Что беснующемуся нож в руки, то лукавому власть.
168. Знает сорока, где зиму зимовать.
169. Худая увертка, а все лучше с нею (а без нее нельзя).
170. Финти-фанты, немецкие куранты.
171. То-сс говоря, да гуся по голове.
172. То-то невзначай, за вами примечай!
173. Хорошо чужими руками жар грести (загрывать).
174. Бог суди твои костыли.

FLATTERY

175. Согнулся дугой, да и стал как другой.
176. Кто много целует, редко не укусит.
177. Лъстец под словами – змей под цветами.
178. Лесть без зубов, а с костями съест.
179. Лесть словно зубами съест.
180. Кем хвалился, от того и повалился.
181. На языке мед, а под языком лед.
182. На языке медок, а на сердце ледок.
183. Уста медоточивые, а сердце смолой кипит.
184. Речи, как мед, а дела, как полынь.
185. На словах, что на санях, а на деле, что на копыле.
186. Не поддавайся на пчелкин медок; у нее жало в запасе.
187. Лихва да лесть дьяволу в честь.
188. И у осы мед есть.
189. Лесть да месть дружны.
190. Лестью и душу вынимают.
191. Ласкатель – тот же злодей.
192. Нахвалу недруга берегись.
193. Тебя манят – твоих денег хотят.
194. В душу вьется, а в карман глядит.
195. Ласки в глазки.
196. Птицу кормом, а человека словом обманывают.
197. Коли птицу ловят, так ее сахаром кормят.
198. Падок соловей на таракана, человек – на льстивые речи.
199. Мед сладко, а мухе падко.
200. На словах твоих хоть выпись.
201. Блином масляным в рот лезет.
202. Он без масла влезет.
203. Этот человек без подмазки в душу влезет.

204. Он куда хочешь без мыла влезет.
205. Он и чужой песне подыгрывать умеет.
206. Чей хлеб ем, того и песенку пою.
207. Кабы я ведал, где ты ныне обедал, знал бы я, чью ты песню поешь.
208. Для того свинья чужим (иным) голосом запела, что чужого хлеба поела
209. Которой рекой плыть, ту и воду пить (той и славу петь).
210. От кого чают, того и величают.
211. Потуда полыгал (рассказывал, забавлял), покуда ел.
212. В ком нужда, того знаем, как чувствовать.
213. Не в том куту сидишь, не те песни поешь.
214. Не его воз, не его и песенка.
215. Не льсти: к празднику не возьмут.
216. Не льсти: не к шерсти.
217. Ласковое теля двух маток сосет.
218. Ласковы телятки сосут по две матки.
219. Встречай не с лестью, а с честью!
220. Кабы не такал, так бы и не плакал (и не протакал).
221. Он перед начальством смычком (лучком) стоит.
222. С просителем шибко, с начальством гибко.
223. Мелким бесом рассыпается.
224. Что клеит, говорит.
225. Против шерсти не гладят.
226. Выпарь, да не обожги.
227. Эти кошки облизали ножки.
228. Служить бы рад, прислуживаться тошно.
229. Лисой ухаживает, кошкой увивается.
230. Меньше лести – больше чести.
231. У лести нет чести.
232. Не лести в болести: больше сляжешь - всё скажешь.
233. Учатся лести, а гордость и сама вырастет.

234. Женская лесть без зубов, а с костями сгложет.
235. Женская лесть по Петров день.
236. Женская лесть, хоть без зубов, а с костями съест.
237. Иногда и лесть лучше правды.
238. Лесть – дьяволу честь.
239. Лесть сама себя обманывает.
240. Римская лесть – мнимая честь.
241. Лестью вкрадываются в доверенность.
242. У кого видит, тому и бредит.
243. Ножки с подходом, ручки с подносом, сердце с покором, голова с поклоном, язык с приговором.
244. Не поздоровится от таких похвал.
245. От иной похвалы хоть в землю уйти.
246. Притворная лесть хуже полыни.
247. Нахвалу оберегайся, а похулить и сам сумеешь.
248. Льстивые слова говорит, а сам в карман норовит.
249. В душу влезет, а за грош продаст.
250. Один поет – другой подыгрывает.
251. Лъстец щурит очами.
252. Сладкие уста — горькие сердца.
253. Забегать зайцем вперед.
254. Соловья кормят за песни.
255. Благослови, да головы не сломи!
256. Не люби потаковщика (потакальщика, потакалы), люби встречника.
257. Не люби поноровщика, люби спорщика (встречника).
258. Всем угодлив, так никому не пригодлив.
259. Такой-сякой, сухой, намазанный (лесть).

DUPLICITY

260. В людях ангел, а дома черт.

261. В людях Илья, а дома свинья.
262. В людях Ананья, дома каналья.
263. Днем тихо, а ночью лихо.
264. Бородка Минина, а совесть глиняна.
265. Где в волчьей нагольной, где в лисьей под плисом.
266. Глядит лисой, а пахнет волком.
267. Поет соловьем, а рыщет волком.
268. Поет как соловей, а кусает как гадюка.
269. Волчья кайка, да лисья незнайка.
270. Звяга-то овечья, а сыть-то человечья.
271. У того голубочка велики (остры) зубочки.
272. Бахарь, что сахар, а в подонках пушина.
273. Железный кулак в бархатной перчатке.
274. В глаза не льсти, а за глаза не брани (а за глаза как знаешь).
275. Ногами хром, а душою крив.
276. Нос крив, и нрав неправ.
277. Кос очами, крив речами.
278. В тихом омуте (болоте) черти водятся.
279. В тихой воде омуты глубоки.
280. Тихо озеро, а чертей полно.
281. Тихая вода берега подмывает.
282. Вода все кроет, и берег роет.
283. Понурая свинка глубок корень роет.
284. Не верь тишине морской.
285. Тихо море, поколе на берегу стоишь.
286. Хвостом вертит, а за руки хватает.
287. Ласковый взгляд, да на солнце яд.
288. Руки лижет, а зубы на оскале.
289. Из-за угла да камнем.
290. В ногах ползает, а за пятку хватает.

291. Из одной избы и горячо и студено.
292. Из одних уст клятва и благословение.
293. Из одного рта и тепло и холодно.
294. Одни уста и теплом и холодом дышат.
295. Одни глаза и плачут и смеются.
296. Одна слеза катилась, а другая воротилась.
297. Ай, ай, месяц май: тепел, да холоден (да голоден).
298. Одной рукой дает, другою отнимает.
299. Подал ручку, да подставил ножку.
300. Ложкой кормит, а стеблом (череном) глаз колет.
301. Кормит калачом, да в спину кирпичом.
302. Низко кланяется, а больно кусает.
303. Ноги целует, а головы ищет.
304. В ноги кланяется, а за пяты хватает.
305. Бархатный весь, а жальце есть.
306. Добрый баранчик, да по-волчьему воет.
307. Добрый сосед — только волка чужой собакой травит, а свою поберегает.
308. Передом кланяется, боком глядит, задом щупает.
309. Спереди машут, а сзади кукиш кажут.
310. Хвостом виляет, а зубы скалит.
311. Вьется ужом, а топорщится ежом.
312. Ярко желают, да руки поджимают.
313. И взлетает, и хвостиком повиляет.
314. Поклонен, покорен, а в глазах искра есть.
315. В глаза и бога боится, и людей боится; а за глаза — никого не боится.
316. В очах мило, да в сердце постыло.
317. У кошечки когти в рукавичках (в перчатках).
318. Гладко шерстка, да и ноготок остер (кошка).
319. Злой человек и повалясь в глаза глядит.

320. В глаза ласкает, а по заглазью лает.
321. Спереди лижет, а сзади царапает.
322. Спереди бы любил, а сзади бы убил.
323. В глазах мил, за глаза постыл.
324. Не хвали меня в очи, не брани за глаза.
325. Тупой серп руку режет пуще острого.
326. Поднять бы ему губы, да заглянуть в зубы (на годы).
327. Согнулся дугой, да и стал как другой.
328. Кто кого заглазно бранит, тот того боится.
329. Набьет улыбка оскомину.
330. В глазах — как лисица, а за глазами — как волк.
331. Лисий хвост, да волчий рот. И волчий рот (зубы), и лисий хвост.
332. Волк в овечьей шубе (шкуре). (Волк под овчиной.)
333. Где волчий рот, а где лисий хвост.
334. Манят: козанька, козанька, а приманят: волк тебя съешь!
335. Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком.
336. Когда коня вадят, тогда его гладят, а как привадят, так придавят.
337. Лукавый — как кошка: спереди лапу дает, а сзади дерет.
338. Не корми меня калачом, да не бей в спину кулаком.
339. Вьется и ужом и жабою.
340. В траве идет — с травой вровень; в лесу — с лесом.
341. Где в волчьей нагольной (шубе), где в лисьей под плисом.
342. Помоги, боже, кому бог поможет (а кому поможет, за того и мы).
343. Помоги, боже (Помогай бог), и нашим и вашим (и вам и нам)!
344. Одному богу молится, а другому кланяется.
345. Всем богам по сапогам.
346. На одних подметках семи царям служил.
347. Богу молись, а черта не гневи!
348. Ставь и черту свечу: не знаешь, куда угодишь (т. е. в рай или в ад).
349. Богу свечу, черту ожиг (кочергу).

350. Умей угодить на угодного и на неугодного.
351. И волки сыты, и овцы целы.
352. И нам тепло, и вам сытно, и ему улежно.
353. Эта епанча на оба плеча.
354. И нашим и вашим за копейку спляшем.
355. Он на пяти овинах рожь молотит.
356. Двум господам один раб не услужит.
357. На двоих господ не долго наслужишься (не угодишь).
358. Кто в двой бедра бьет, в том пути не живет.
359. Отсуленная голова двоим не служит.

HYPOCRISY

360. В смирном платье, да не с такою думкой.
361. Только славу ведет, что рано встает.
362. Кумушкины слезки на базаре дешевы.
363. Это мыши кота погребают.
364. Плакала кукушка, что детей отдала в люди.
365. Голосом завывает, а сердцем кутьи поджидает (плакуша).
366. Горько плачет, а вприсядку пляшет.
367. Говорит направо, а глядит налево.
368. Хорош напев, да забориста и песня.
369. Сладко поет, инно заслушаешься.
370. Мягко стелет, да жестко спать.
371. Приветлив стлать, да жестко спать.
372. Мягко съел, да черство в живот пошло.
373. Ласково говорит, да черство слушать.
374. Сладко в рот, да горько вглот.
375. Уху сладко, глазам падко, а съешь – гадко.
376. Не всяк спит, кто храпит.
377. Не там курица яйцо снесла, где кудахчет.

378. Говорит крестом, а глядит пестом.
379. Целовал ястреб курочку до последнего перышка.
380. Называет другом, а обирает кругом.
381. Хорош мой друг, да дурен (правды не говорит).
382. Я тебе рад, да боюсь, что ты вороват.
383. Речами тих, да сердцем лих.
384. Тихо кадит, да вонько несет.
385. В воду глядит, а огонь говорит.
386. В книгу глядит, а огонь говорит.
387. Говорит воду, а во рту сухо.
388. Сказал сухо: подымайся под самое ухо!
389. Говорит красно, а поглядишь – пестро.
390. Говорит прямо, а делает криво.
391. Говорит бело, а делает черно.
392. Скажет вдоль, а сделает поперек.
393. Речи, что снег (что мед), а дела, что сажа (что полынь).
394. На словах его хоть выпись, а на деле и головы не приклонишь.
395. Словами, что листьём, стелет, а делами, что иглами, колет.
396. Не корми меня тем, чего я не ем! (Не жалей меня, пожалей себя!)
397. Не плачь по мне, плачь по себе.
398. Вашим добром, да вам же челом.
399. Противно, как нищему гривна.
400. Он не пьет вина, глотает.
401. Не накладно сытого потчевать.
402. Сам нож точит, а говорит: не бось.
403. Полно, друг, молоть, отдохни да потолки.
404. Кормят вола, чтоб кожа была гладка.
405. Подъехал с подгорелым солодом.
406. Милости прошу к нашему грошу со своим пятаком.
407. Пожалел волк кобылу: покинул хвост да гриву.

408. Пожалел темени, так ударил в косицу.
409. Пойми волка слезы.
410. Верь волчьим слезам.
411. Большому вытью не верь.
412. Плач голосист, а печаль смиренна.
413. Так прибеднится, что станového разжалобит.
414. Не прикидывайся овцою: волк съест.
415. Полюби-ко нас в черне, а в красне и всяк полюбит.
416. Тогда мне губы лижи (обнимай меня), когда они горьки, а когда сладки
– и сам оближу.
417. У лицемера хвалы горшок, а у завистного хулы мешок.
418. Хорошую ты песню поешь, да слушать-то не хочется.
419. Хорошо ты поешь, да мне плясать неохота.
420. Кому скромно, а нам на здоровье.
421. Постригся кот, посхимился кот, а все тот же кот.
422. Волк и каждый год линяет, а все сер бывает.
423. Молчан-собака из-под подворотни хватает.
424. Молчан исподтишка хватает.
425. Кто голдобней, кто молчанкой.
426. Иной тем подсидит, что ловко (кстати) смолчит.
427. Исподтишка кладет (ловит) шишки.
428. Смалчивай, невестка, сарафан куплю.
429. Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой.
430. Не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка хватает.
431. Лицемерие и ложь – одно и то ж.
432. Лицемерщики Богу молятся, а чертям веруют.
433. Сядь-ка на гладком месте, на бороне!
434. Глазами плачет, а сердцем смеется.
435. Глазам-то стыдно, а душа-то рада.
436. Я, брат, писать умею, а читать не умею.

437. Я по мелочи считаю, а крупных денег не знаю.
438. Сыт, тетушка, ложки нет.
439. Сыт и тем, чего не дали.
440. Близорук: через хлеб, да за пирог.
441. Хлеба не ест, вина в рот не берет, а завсегда сыт и пьян живет.
442. От слышит, как трава растет.
443. И не глядит, да видит.
444. Не течет, не течет, да и канет.
445. Ахи да охи не дадут подмоги.
446. Круто-туго выжимает (белье), знать, дружка поджидает.
447. Выжимает, как дружка поджидает.
448. Ныне люди слезам не верят, а охти мне нипочем.
449. Женская ласка да морская затишь (равно надежны).
450. Жена мужа любила: в тюрьме место купила.
451. У корысти всегда рожа бескорыстна.
452. Играет, как кот с мышкой. Кошке игрушки, мышке слезки.

SIMPLICITY

453. Простота святая, да ее ж и на зубы поднимают.
454. Простота хуже воровства. С простоты люди пропадают.
455. Выть тебе волком за твою овечью простоту.
456. Среди поста и матушка проста.
457. Прост, как свинья, а лукав, как змея.
458. Глуп как свинья, а лукав как черт.
459. Кому невдомек, так добрый человек.
460. Простота – половина спасенья.
461. Простота да чистота – половина спасенья.
462. Простота, чистота, правота – наилучшая лепота.
463. Простота человека к богу приводит.
464. В простых сердцах бог почивает.

465. Где просто, там ангелов со сто.
466. Где просто, там ангелов со сто; где хитро (где мудрено), там ни одного.
467. Живи просто, выживешь лет со сто.
468. От чиста сердца чисто зрят очи.
469. Наш Авдей никому не злодей, а наш Демид прямо глядит.
470. Попросту, как по холсту.
471. Живучи просто, доживешь лет до ста; а кто лукавит, того скоро черт задавит.
472. Наш Пахом с Москвой знаком.
473. Он и Ивашка, да не промашка.
474. На простака хитреца падки.
475. Простачкам Бог опекун.
476. Бывает и простота хуже воровства.
477. Простота – безо зла.
478. Простота – дому пустота.
479. Простота дороже красоты.
480. Простота пуще воровства.
481. Простота святая – да ее ж и на зубы подымают.
482. За нашу простота обвенчают и в посту.
483. Где нет простоты, там одни пустоты.
484. Замысловато, да туповато; просто, да остро.
485. Его сразу не раскусишь.
486. Тугонек я тебе орешек дался.
487. Правдивому мужу лукавство не под нужу.

DIRECTNESS

488. Хотя прям, да упрям.
489. Незнаемая прямизна – та же кривизна.
490. Незнаемая прямизна наведёт (наводит) на кривизну.
491. Прямина в кросны, а кривизна в лес!

492. Не прямо, да право.
493. Будь прям, да не (будь) упрям.
494. Будь прям, да упрям.
495. Прямого нечего править.
496. Прямого нечего править, а править – испортить.
497. Прямое править – испортить.
498. Прямое прямее не будет.
499. Прямой напорется, кривой пройдёт.
500. Прямой как шальной.
501. Прямой что дурной.
502. Прямой что слепой: ломит зря.
503. Не прямота бранится, а задор.
504. Прямь одна, а косина да кривизна одна на одна не придётся.
505. Прямьей века не изживешь.
506. Прямику одна дорога, поползнию десять.